Стрѣлецъ

II

BIBLIOTECA · UNIV · HELS
OPTIEM SAPIENTIS

СТРѢ
СЦЪ

СБОРН. ВТОРОЙ
ПОДЪ РЕД. А. БЕЛЕНСО

Н. КУЛЬБИНЪ
ПОРТРЕТЪ АКТРИ

М. КУЗМИНЪ
ЗУДЕСНАЯ ЖИЗНЬ
ОСИФА БАЛЬЗАМ
ГРАФА КАЛЮСТР

В. РОЗАНОВЪ
ИЗЪ КНИГИ, КНЯ
КОГДА НЕБУДЕТЪ
ИЗЪ ПЕЗАТАНА
ПОСЛѢДНИХЪ
НИЦЪ ИСТОРІИ РУССК
КРИТИКИ

Ѳ. СОЛОГУБЪ
ПОКЛОНЕНІЕ

В. МАЯКОВСКІЙ
АНАФЕМА

В. ХЛѢБНИКОВ
СЕЛЬСКАЯ ОЗАЯ
ВАННОСТЬ

А. БЕЛЕНСОНЪ
АВТОПОРТРЕТ

И. ЕВРЕИНОВЪ
УТОИЗЕМНЫ

СТРѢЛЕЦЪ

СБОРНИКЪ ВТОРОЙ.

подъ редакціей
АЛЕКСАНДРА БЕЛЕНСОНА

Н. КУЛЬБИНЪ
Портретъ актрисы

М. КУЗМИНЪ
Чудесная жизнь Іосифа Бальзамо, графа Каліостро

В. РОЗАНОВЪ
Изъ книги, которая никогда не будетъ издана. Изъ послѣднихъ страницъ исторіи русской критики

Ѳ. СОЛОГУБЪ
Поклоненіе—изъ Рэмбо

В. МАЯКОВСКІЙ
Анаѳема

В. ХЛѢБНИКОВЪ
Сельская очарованность

Н. ЕВРЕИНОВЪ
Утонченный Гран-Гиньоль

А. БЕЛЕНСОНЪ
Автопортретъ.

Обложка работы
Н. КУЛЬБИНА.
Марка изд. работы
Д. БУРЛЮКА.

ПЕТРОГРАДЪ
1916

Дозволено Военною цензурою, Пгр., 1 іюля 1916 г.

Складъ изданія
въ книжныхъ магазинахъ Т-ва „Н. П. КАРБАСНИКОВЪ“

ОГЛАВЛЕНІЕ

Стр.

Автопортретъ, стих. А. Беленсона 143

Анаѳема, стих. В. Маяковскаго 117

Изъ книги, которая никогда не будетъ издана—В. Розанова 107

Изъ послѣднихъ страницъ исторіи русской критики—В. Розанова . . 137

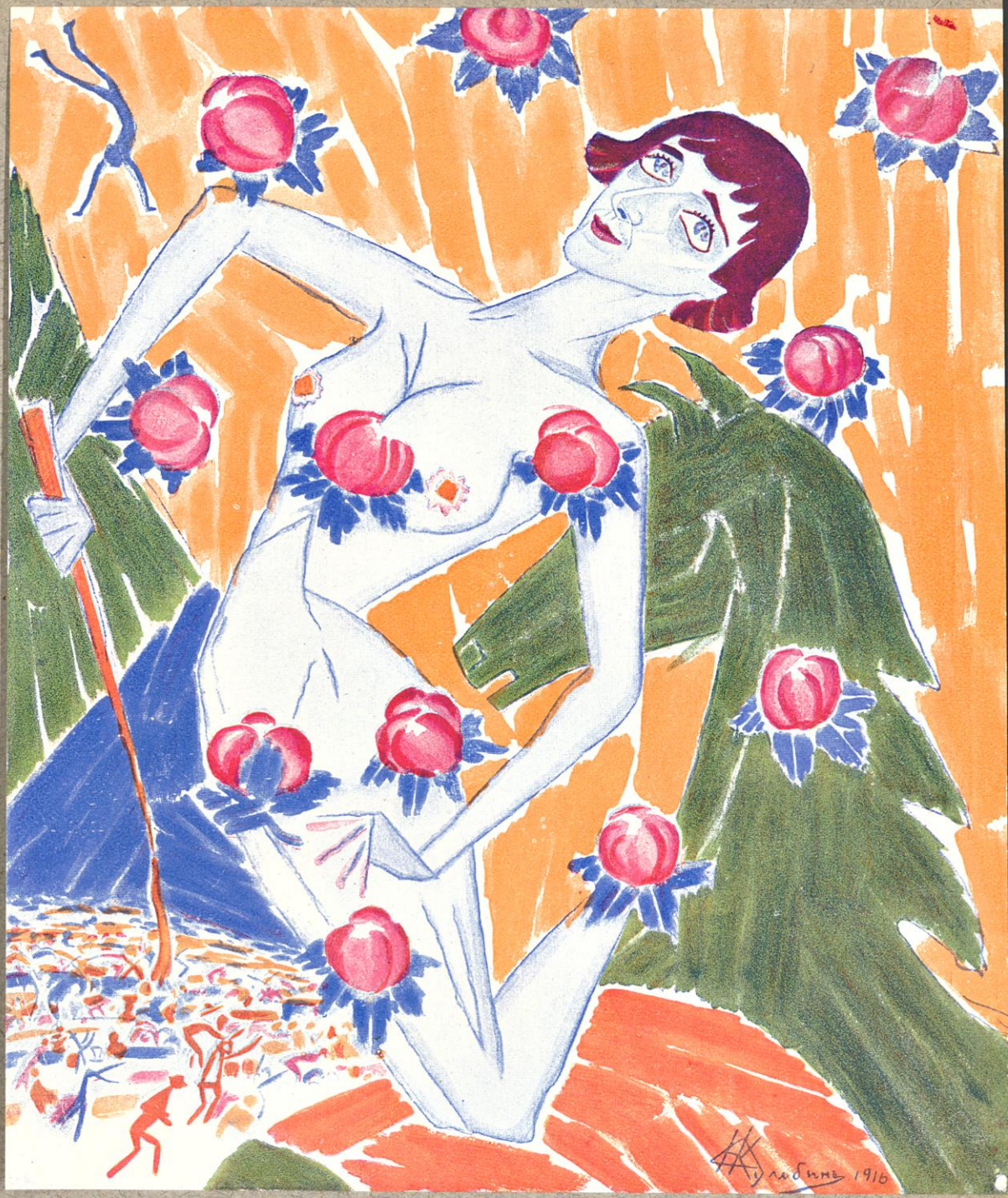
Поклоненіе—изъ Рэмбо, перев. Ѳ. Сологуба 113

Портретъ актрисы, рисун. Н. Кульбина 1

Сельская очарованность, стих. В. Хлѣбникова 131

Утонченный ‚Гран-Гиньоль‘ Н. Евреинова 125

Чудесная жизнь Іосифа Бальзамо, Графа Каліостро—М. Кузмина . . . 3



Н. Кульбинъ

Портретъ актрисы „Стариннаго Театра" Ф. А. Глинской

М. КУЗМИНЪ.

ЧУДЕСНАЯ ЖИЗНЬ ІОСИФА БАЛЬЗАМО ГРАФА КАЛІОСТРО.

Въ трехъ книгахъ.

(Изъ книги жизнеописаній—„Новый Плутархъ").

ПРЕДИСЛОВІЕ.

У Чарльза-Диккенса въ прекрасномъ, но мало извѣстномъ романѣ ‚Нашъ общій другъ‘ мистеръ Бофинъ, читая біографіи Плутарха Херонейскаго, испытываетъ разнообразныя сомнѣнія:
3 то онъ вѣритъ всему написанному, то ничему не вѣритъ, то даритъ своимъ довѣріемъ одну половину жизнеописанія, причемъ не знаетъ, которой отдать предпочтеніе.

Будучи далекъ отъ мысли равняться съ Херонейскимъ мудрецомъ, я легко могу представить подобныя затрудненія у своихъ, хотя бы и снисходительныхъ читателей, тѣмъ болѣе, что, предпринимая ‚Новаго Плутарха‘, я отнюдь не думалъ предлагать на общее вниманіе компилятивныя біографіи и еще менѣе выдавать свои фантазіи за историческія изслѣдованія. Конечно, я не буду легкомысленно утверждать, что Микель-Анджело жилъ въ двадцатомъ вѣкѣ и не поселю Платона къ Зулусамъ, но, исключая самыя основныя біографическія очертанія, въ подробностяхъ, краскахъ, а иногда и въ ходѣ описываемыхъ событій, предоставляю себѣ полную свободу. Главнымъ образомъ меня интересуютъ многообразные пути Духа, ведущіе къ одной цѣли, иногда не доводящіе и позволяющіе путнику свертывать въ боковыя аллеи, гдѣ тотъ и заблудится несомнѣнно.

Мнѣ важно то мѣсто, которое занимаютъ избранные герои въ общей эволюціи, въ общемъ строительствѣ Божьяго міра, а внѣшняя пестрая смѣна картинъ и событій нужна лишь

какъ занимательная оболочка, которую всегда можетъ замѣнить воображеніе, младшая сестра ясновидѣнья.

Мнѣ бы хотѣлось, чтобы изъ моихъ жизнеописаній узнали то, что лишь самый внимательный, почти посвященный, чтецъ вычитаетъ изъ десятка хотя бы самыхъ точныхъ и подробныхъ, фактическихъ біографій,—единственное, что нужно помнить, лишь на время плѣняясь игрою забавныхъ, трагическихъ и чувствительныхъ сплетеній, все равно, достовѣрныхъ, или правдоподобно выдуманныхъ.

‚Новый Плутархъ' будетъ заключать въ себѣ около пятидесяти біографій и, конечно, подлежитъ разсмотрѣнію лишь по окончаніи, но мнѣ казалось, что и отдѣльно взятыя главы отпуда могутъ представлять нѣкоторый интересъ для читателя.

КНИГА ПЕРВАЯ.

1.

Феличе Бальзамо старалась взглянуть на маленькое существо, лежавшее около нея на широкой купеческой кровати и говорила мужу:

— Смотри, Пьетро, какіе блистающіе глаза у малютки, какой умъ написанъ у него на лобикѣ!.. Навѣрное, онъ будетъ, если не кардиналомъ, то во всякомъ случаѣ полковникомъ!..

По правдѣ сказать, ничего особеннаго не было въ большеголовомъ мальчуганѣ, корчившемъ свои распеленутыя ножки; нельзя даже было сказать, на кого ребенокъ похожъ, на отца, или на похудѣвшую Феличе. Тѣмъ не менѣе синьоръ Бальзамо, на минуту оторвавшись отъ большой расходной книги и засунувъ перо за ухо, повернулся къ кровати, и не подходя къ ней, отвѣтилъ:

— Вѣроятнѣе всего онъ будетъ честнымъ купцомъ, какъ его отецъ и дѣдъ. Можетъ быть, впрочемъ, онъ будетъ адвокатомъ, это теперь выгодное занятіе.

Будущій адвокатъ залился горькимъ плачемъ, можетъ быть, судьбы, которую ему предсказывали родители, или отъ солнца, которое какъ разъ на него бросало іюньскій квадратъ. Бабка Софонизба быстро поднялась отъ столика, гдѣ она пила кофей около очага, передвинула ребенка въ тѣнь, закрыла его одѣяльцемъ и, тихо шлепнувъ для окончанія, подняла очки на лобъ и промолвила:

— Браки и должности въ небѣ рѣшаются. Никто не знаетъ, кто чѣмъ будетъ. Вотъ если онъ сдѣлается графомъ или чудотворцемъ, то я удивлюсь и скажу, что онъ—молодецъ.

Феличе, закрывъ глаза, тихонько хлопала рукою по голубому одѣялу, улыбаясь и словно мечтая, что будетъ съ маленькимъ Беппо, недавно окрещеннымъ въ Палермскомъ соборѣ.

Лѣтній жаръ уже сломился и Пьетро Бальзамо отправился въ прохладную лавку, ушла и повивальная бабка Софонизба, а Феличе все лежала, стараясь скосить глаза, чтобы увидѣть Іосифа, который уже тихо таращилъ свои большіе каріе глазки.

Дѣйствительно, не можетъ быть у купца такихъ глазъ, такихъ странныхъ бугровъ на лбу, такой печати (конечно, печати) необыкновенности на всей большой головѣ.

И мать, и сынъ оба думали и видѣли (по крайней мѣрѣ, Феличе), какъ на стѣнѣ выскакивали, словно картонные квадраты, на которыхъ было написано поочередно: кардиналъ, полковникъ, адвокатъ, купецъ, чудотворецъ, графъ. Послѣдній квадратъ появлялся чаще другихъ и былъ весело-желтаго цвѣта.

Въ сумеркахъ Пьетро вернулся, жена только что проснулась и, подозвавъ къ себѣ мужа, тихо сказала:

— Несомнѣнно, онъ будетъ графомъ!

Бальзамо хотѣлъ было послать за докторомъ, думая, что у жены начинается бредъ, но Феличе остановила его, сказавъ, что она совершенно здорова. Пьетро сѣлъ у кровати и сидѣлъ долго, не зажигая огня и смотря на безмолвный пакетикъ, гдѣ заключался будущій полковникъ. Такъ досидѣли они до первыхъ звѣздъ, когда служанка принесла свѣчи и стала накрывать на столъ для ужина.

2.

Мальчикъ росъ, какъ растутъ всѣ дѣти небогатыхъ купцовъ, хотя родители ему предоставили больше свободы, чѣмъ это принято. Феличе огорчалась, что Іосифъ плохо растетъ и будетъ маленькаго роста, нѣсколько утѣшаясь тѣмъ, что онъ все-таки крѣпкаго сложенія, широкоплечъ, имѣетъ высокую грудь, маленькія руки и ноги (какъ у графа) и выразительное, смѣлое лицо. И характеръ имѣлъ смѣлый, предпріимчивый и открытый, не безъ нѣкоторой вспыльчивости впрочемъ. Былъ щедръ, почти расточителенъ, скоръ на руку и крайне самолюбивъ. Часто, когда Беппо прибѣгалъ домой и съ жаромъ разсказывалъ объ уличныхъ дракахъ, отецъ качалъ головою и полушутливо полусерьезно говорилъ: „нѣтъ, братъ плохой изъ тебя выйдетъ купецъ! развѣ только матросъ на торговомъ суднѣ. Ужъ очень ты задоренъ и важенъ, такъ жить нельзя!“ Мать ласкала сына и радовалась словамъ Пьетро, потому что вовсе не считала положеніе купца самымъ выгоднымъ и достойнымъ для своего любимца.

7

Однажды утромъ онъ разсказалъ ей удивительный сонъ.

Ему не спалось и сначала на яву онъ увидѣлъ, какъ по темному воздуху двигались и сплетались блестящія голубоватыя фигуры вродѣ тѣхъ, что онъ какъ то замѣтилъ въ учебникѣ геометріи: круги, треугольники, ромбы и трапеціи. Соединялись онѣ въ необыкновенно разнообразные узоры, такіе красивые, что, казалось, ничего на свѣтѣ не могло быть лучше ихъ, хотя и были они одного цвѣта. Какъ будто вмѣстѣ съ ними носились какіе то инструменты каменщиковъ, совсѣмъ простые: молотки, отвѣсы, лопаты и циркули. Потомъ онъ заснулъ и очнулся въ большой залѣ, наполненной одними мужчинами, посрединѣ стоялъ большой столъ, какъ на придворныхъ обѣдахъ, съ хоръ раздавались скрипки, флейты, трубы и контрабасы, а самъ Іосифъ висѣлъ въ воздухѣ, сидя на голубомъ облакѣ.

Внизу, прямо подъ нимъ на маленькомъ столикѣ стоялъ графинъ съ чистой водою и около находился голый мальчикъ съ завязанными глазами, руки его были скручены за спину полотенцемъ. И Іосифъ понялъ, что этотъ пиръ—въ честь его; у него горѣли щеки, онъ чувствовалъ, какъ билось у него сердце, между тѣмъ какъ голубое облако, описывая мелкіе (все мельче и мельче) круги, опускалось прямо на столикъ съ графиномъ. Ему было такъ радостно, что онъ проснулся, но и проснувшись, продолжалъ чувствовать, какъ бьется его сердце и какъ пахнетъ вареным красным виномъ, смѣшаннымъ съ анисомъ и розами.

Феличе весь этотъ сонъ поняла попросту и объяснила, что Джузеппе женится на графинѣ, будетъ держать открытый домъ и каждый день обѣдать съ музыкой, которая будетъ играть аріи Перголезе. Но кажется, она боялась сглазить предсказаніе, потому что усиленно просила сына никому не разсказывать объ этомъ видѣніи, обѣщая и со своей стороны полный и строгій секретъ.

Вскорѣ послѣ этого сна Іосифъ, гуляя въ отдаленной части города, засмотрѣлся на недавно обстроенный домъ, съ котораго не поспѣли еще снять лѣсовъ. Онъ былъ очень красивъ, въ четыре этажа, выкрашенный въ розовую краску; на крышѣ стояли гипсовыя вазы, вѣроятно, чтобы потомъ сажать туда вьющіеся цвѣты. На крыльцѣ сидѣла худая женщина съ ребенкомъ. Очевидно, она пришла издалека и нѣсколько дней не ѣла, такъ блѣдно и худо было ея лицо. Нищая не обратилась къ Іосифу, она его не замѣтила, да и потомъ естественно было подумать, что такой маленькій мальчикъ едва ли можетъ оказать какую либо помощь, развѣ сбѣгать въ аптеку или полицію. Но у Іосифа всегда почти были деньги. Имѣя доброе и быстрое на рѣшенія сердце, онъ, не дожидаясь обращенія, самъ подошелъ къ сидящей женщинѣ и молча протянулъ ей маленькій голубой кошелекъ, гдѣ бренчало нѣсколько монетъ, которыя онъ ей и предоставилъ. Такъ какъ Іосифъ былъ маленькаго

роста, то на видъ ему казалось не больше восьми лѣтъ. Нищая съ удивленіемъ посмотрѣла на благотворительнаго малютку въ чистомъ синемъ камзольчикѣ и не прятала кошелька, очевидно думая, что деньги не принадлежатъ мальчику или что онъ самъ не соображаетъ, что дѣлаетъ. Но синьоръ Бальзамо очень важно замѣтилъ:

— Не безпокойтесь, это мои деньги и сейчасъ онѣ мнѣ не нужны. Я буду очень радъ, если онѣ вамъ пригодятся.

Женщина разразилась благословеньями и поцѣловала руку Іосифу, которую тотъ не отдернулъ, но наоборотъ очень охотно повидимому подставилъ для поцѣлуя. Затѣмъ онъ неспѣша повернулся и хотѣлъ было уже отправиться домой, какъ вдругъ увидѣлъ, что его благодѣяніе не осталось безъ свидѣтелей.

9 У сосѣдняго дома стоялъ высокій молодой человѣкъ въ сѣромъ плащѣ и внимательно смотрѣлъ на Іосифа. Самъ мальчикъ не понималъ, что заставило его подойти къ незнакомцу и почтительно приподнять треуголку. Тотъ улыбнулся, но продолжалъ молчать и не двигаться. Остановился и Іосифъ. Наконецъ, человѣкъ въ сѣромъ плащѣ взялъ Іосифа за руку и спросилъ какъ-то странно:

— Хотѣлъ бы ты имѣть такой домъ?

Мальчикъ не любилъ, когда посторонніе говорили съ нимъ на ‚ты‘ и притомъ совсѣмъ не былъ приготовленъ къ такому вопросу. Потому онъ промолчалъ и только перевелъ глаза на розовое зданье. Незнакомецъ продолжалъ:

— Но насколько прекраснѣе выстроитъ такой домъ, нежели владѣть имъ.

Мальчикъ все молчалъ.

— Какъ хорошо бы выстроить прекрасный свѣтлый домъ который вмѣстилъ бы всѣхъ людей и гдѣ всѣ были бы счастливы.

— Дома строятъ каменьщики!

— Да, дитя мое, дома строятъ каменьщики. Запомни, что я тебѣ скажу, но забудь мое лицо.

При этомъ незнакомецъ наклонился къ Іосифу, какъ будто именно для того, чтобы тотъ его лучше разсмотрѣлъ. Лицо его было прекрасно, и мальчикъ какъ бы впервые понялъ, что есть лица обыкновенныя, уродливыя и красивыя. Молодой человѣкъ пробормоталъ:

— Какъ ни таращь свои глаза, все равно ты позабудешь, чего тебѣ не нужно помнить!

Потомъ выпрямился и началъ нѣсколько торжественно:

— Іосифъ, у тебя доброе сердце и славная голова, смѣлый характеръ и веселый нравъ. Я не говорю о другихъ дарахъ. Никогда не употребляй ихъ во зло другимъ и для достиженія мелкихъ, ничего не стоющихъ выгодъ. Будь разсчетливымъ купцомъ, въ этомъ я согласенъ, пожалуй, съ твоимъ батюшкой, потому что злодѣйство въ концѣ концовъ есть вещь невыгодная для самого злодѣя и ни къ чему доброму не приводитъ. У тебя же большой, огромный путь! Ты даже самъ не предполагаешь, какая участь тебѣ готовится.

Мальчикъ вдругъ замѣтилъ:

— Нужно много учиться!

— Да. Ты будешь учиться, но никогда не забывай двухъ самыхъ вѣрныхъ учителей.

Тутъ онъ положилъ одну свою руку на сердце Іосифа, другую поднявъ къ небу.

— Это—природа и чистое сердце. Они тебя научатъ вѣрнѣе и лучше многихъ книгъ!

Молодой человѣкъ поцѣловалъ мальчика и быстро ушелъ, а Іосифъ никому не разсказывалъ о своей встрѣчѣ, но когда старался вспомнить лицо незнакомца, то никакъ не могъ воспроизвести въ своей памяти его черты. Осталось впечатлѣніе только чего-то необыкновенно прекраснаго и милостиваго. И потомъ еще Іосифъ былъ увѣренъ, что всегда узналъ бы этого человѣка, гдѣ бы и когда бы онъ ни встрѣтился еще разъ.

Нѣсколько странно, что у Іосифа послѣ этого случая, появилась и быстро стала развиваться повышенная религіозность. Онъ не пропускалъ ни одной службы и наконецъ попросился у родителей въ монастырь ‚маленькихъ братцевъ', находившійся неподалеку отъ ихъ дома. Такъ какъ Іосифъ не высказывалъ желанья постригаться, а хотѣлъ только жить въ монастырѣ, гдѣ жило на такихъ же условіяхъ еще нѣсколько мальчиковъ и молодыхъ людей, то супруги Бальзамо его отпустили, тѣмъ болѣе, что Феличе помнила про возможность для ея сына сдѣлаться кардиналомъ, а Пьетро разсуждалъ такъ, что все равно, гдѣ учиться, лишь бы учиться, а изъ монастыря онъ можетъ взять обратно Іосифа въ любую минуту, когда тотъ понадобится.

11

3.

Іосифъ учился довольно прилежно, особенно пристрастившись къ химіи и такъ называемымъ тайнымъ наукамъ, въ которыхъ былъ достаточно опытенъ братъ Пуццо, и предложившій молодому Бальзамо отправиться съ нимъ на островъ Мальту. Іосифу было уже двадцать три года, а онъ не только ходилъ еще, къ огорченью своихъ родителей, холостымъ, но даже не имѣлъ, повидимому, никакихъ любовныхъ связей. Въ городѣ по этому поводу были разныя невѣрныя и смѣшныя слухи, но у ‚маленькихъ братцевъ' знали навѣрное, что Іосифъ ведетъ себя цѣломудренно, отдавая все время остававшееся отъ занятій прогулкамъ за городомъ и простымъ играмъ.
Вмѣстѣ съ Іосифомъ и братомъ Пуццо на Мальту отправился еще кавалеръ д'Аквино, старинный еще знакомецъ добраго монаха, очень скоро подружившійся съ молодымъ Бальзамо, не смотря на разницу въ лѣтахъ. Кавалеру о ту пору было лѣтъ

подъ сорокъ; онъ имѣлъ мягкія, вкрадчивыя манеры, пріятный голосъ, интересовался тайнами природы, магнетизмомъ, велъ замкнутый образъ жизни и считался человѣкомъ очень богатымъ. Къ Іосифу онъ отнесся такъ, какъ будто тотъ былъ ему кѣмъ-нибудь заранѣе рекомендованъ съ самой лучшей стороны. Іосифа это не удивляло, такъ какъ онъ былъ нѣсколько легкомысленъ и принималъ ласковое обращеніе и участіе какъ нѣчто должное. Впрочемъ, кавалеръ былъ повидимому такимъ добрымъ и достойнымъ человѣкомъ, что могъ бы пріобрѣсти довѣріе кого угодно, не только двадцати-трехлѣтняго юноши, не видавшаго ничего на свѣтѣ, кромѣ своего Палермо.

Іосифъ отправился въ путешествіе въ свѣтскомъ платьи, причемъ кавалеръ настоялъ, чтобы онъ принялъ отъ него извѣстную сумму денегъ, какъ прибавку къ ассигнованнымъ ему на обмундированіе отъ родителей, и одѣлся, не торгуясь и не соблюдая излишней экономіи. 12

Бальзамо обрадовался неожиданному подарку, такъ какъ отличался пристрастіемъ къ щегольству, хотя часто ходилъ небрежно и даже неряшливо одѣтымъ.

Родители сердечно простились съ сыномъ и самъ онъ отъ души прослезился, махая платкомъ и смотря, какъ все уменьшался гористый берегъ и все туманнѣе становился родимый городъ. Но долго ли можетъ грустить молодой человѣкъ съ живымъ характеромъ, любопытнымъ умомъ и легкимъ сердцемъ,впервые отправляясь въ далекое плаваніе, особенно, когда онъ увѣренъ, что не только жизнь и продовольствіе, но и извѣстныя развлеченія обезпечены ему кошелькомъ преданнаго и состоятельнаго друга?

Конечно, островъ Мальта и образъ жизни рыцарей не очень подходили человѣку, ищущему веселаго времяпровожденья, и больше напоминаютъ мѣсто, куда ѣздятъ поучаться и брать примѣръ строгой и духовной жизни, но такъ какъ Іосифъ, повторяю, ничего еще не видѣлъ и кромѣ того имѣлъ искреннее и сильное влеченіе къ занятіямъ, то онъ очень радовался и инте-

ресовался всѣмъ устройствомъ и жизнью ордена и завелъ много знакомствъ, насколько пріятныхъ и поучительныхъ, настолько и могущихъ быть полезными впослѣдствіи. Кавалеръ Аквино, вѣроятно, принимая въ соображеніе молодость своего спутника и боясь, чтобы онъ все-таки не соскучился на рыцарскомъ островѣ, предложилъ ему проѣхаться въ Испанію, на что Іосифъ, конечно, съ радостью и согласился. Братъ же Пуццо остался на Мальтѣ.

Море производило на Іосифа необыкновенное впечатлѣніе. Несмотря на то, что все его путешествіе состояло изъ коротенькаго переѣзда съ Сициліи на Мальту и болѣе значительной, но тоже небольшой переправы съ острова на Испанскій материкъ,—ему казалось, глядя на широкія блестящія волны и
13 пѣнныя борозды корабля, что онъ объѣхалъ чуть не весь міръ, побывалъ и въ Турціи, и въ Египтѣ, и на Родосѣ.

Ночи были безлунны, но все небо было засыпано звѣздами, какъ золотыми зернами. Часто на палубѣ кавалеръ бесѣдовалъ съ Бальзамо. Откинувъ назадъ голову, какъ онъ имѣлъ привычку дѣлать, исполненный блестящихъ плановъ, Іосифъ говорилъ:

— Какія звѣзды, синьоръ! и это все міры, въ сотни разъ большіе чѣмъ наша планета. А сколько солнечныхъ системъ! Какъ міръ огроменъ, таинственъ и прекрасенъ! И подумать, что человѣкъ, пылинка, можетъ пріобрѣсти власть надъ всѣми вселенными. Сказать: ‚стой солнце!‘ и оно остановится. Можно умереть отъ восторга, сознавая все величіе человѣческаго духа!

— Ты—львенокъ, Іосифъ! говорилъ кавалеръ, а Бальзамо, не опуская головы, широко разводилъ руками, будто хотѣлъ заключить въ объятія весь звѣздный куполъ, всѣ земли, и море, и палубу, и кофейный столикъ, на которомъ дымились чашки и желтѣла рюмка съ ромомъ, такъ какъ Бальзамо до такой степени пристрастился къ кофею, что не могъ и часу существовать безъ него.

— Я завоюю весь міръ! воскликнулъ Іосифъ послѣ молчанія.

Кавалеръ посмотрѣлъ на него удивленно. Тотъ продолжалъ медленно, словно читая въ небѣ написанныя слова:

— Я овладѣю силами природы, земными, водяными, огненными и воздушными! Я овладѣю сердцами людей, ихъ душами, ихъ волею. Я сдѣлаюсь могущественнѣе Цезаря, Александра и Тамерлана — и на землѣ настанетъ благость, миръ и кротость!

— Ты овладѣешь прежде всего самимъ собою, своими страстями и желаніями и освободишь свой духъ.

— Да, конечно! отвѣтилъ Іосифъ уже обычнымъ тономъ и принялся за кофей.

— Потому что это большое искушеніе — власть, особенно власть духа. Одно изъ трехъ искушеній Іисусу. 14

— Но я чувствую въ себѣ такую силу!

— Сила въ тебѣ велика, тѣмъ осторожнѣе нужно съ нею обращаться. И потомъ не слѣдуетъ забывать повиновенья. Кто не умѣетъ повиноваться, едва ли сможетъ повелѣвать.

— Развѣ я когда-нибудь нарушалъ послушаніе? — спросилъ Іосифъ, ласково беря за руку Аквино. Тотъ задумчиво посмотрѣлъ за бортъ.

— Іосифъ, тебѣ предстоитъ великая будущность, но и великія испытанія, но Богъ тебѣ поможетъ.

Бальзамо тряхнулъ волосами, будто онъ былъ такъ увѣренъ въ своихъ силахъ, что почти не нуждался въ помощи, и ничего не отвѣтилъ.

Кофей уже простылъ, ромъ былъ выпитъ, на синемъ, синемъ небѣ будто воочію вращался звѣздный кругъ; отъ Юпитера шелъ блѣдный столбъ въ водѣ, разбиваемый ночной рябью и теплый, почти удушливый вѣтеръ доносилъ широкими потоками изрѣдка горьковатый запахъ померанцевъ. Они приближались къ Испаніи.

4.

Шелъ уже второй годъ, какъ уѣхалъ Іосифъ и все не возвращался. Старый Бальзамо схватилъ гдѣ-то злокачественную лихорадку, которую не выдержалъ его уже не крѣпкій организмъ. Послѣ смерти мужа, Феличе сама вела торговлю, расплатилась съ кредиторами и наняла знающаго приказчика. Но, конечно, она думала, что было бы гораздо лучше, если бы скорѣе вернулся сынъ и взялъ все въ свои руки. Особенно теперь, когда она и сама свалилась съ ногъ и совершенно не знала, какъ окончится ея болѣзнь. Съ отъѣздомъ Іосифа и смертью стараго Пьетро, сами комнаты стали какъ-то темнѣе, меньше
15 и казались болѣе пыльными и затхлыми. Феличе лежала на той же кровати, гдѣ родился Іосифъ, покрытая тѣмъ же одѣяломъ, и печально думала о своей одинокой теперь жизни и, можетъ быть, близкой смерти. Вдругъ она услышала, какъ брякнуло кольцо у входной двери, еще разъ, еще... сильнѣе — и въ комнату быстро вошелъ коренастый молодой щеголь такихъ лѣтъ, когда уже нужно бриться черезъ день. Онъ быстро подошелъ къ кровати, отдернулъ пологъ.

— Джузеппе, дитя мое!

— Милая мама, добрый день.

Феличе смѣялась и плакала, осыпала сына поцѣлуями, разсматривала его лицо, носъ, глаза, губы, даже ощупывала, какъ слѣпая. Іосифъ смахнулъ слезу и сталъ разсказывать свои странствія, но, казалось, Феличе ихъ не слушала, а только смотрѣла на это лицо, на эти глаза, будто она завтра же должна была ихъ потерять и хотѣла теперь насмотрѣться досыта. Сердце ее не обмануло: она не увидѣла больше сыновняго лица радостно и спокойно, а если и замѣчала его, то въ разодранныхъ видѣніяхъ предсмертныхъ мукъ, потому что бѣдная женщина умерла въ ту же ночь, словно ея организмъ не выдержалъ радости. У нея было спокойное и довольное выраженіе,

какъ у человѣка, который дождался хозяина, заперъ двери, передалъ ключъ владѣльцу и мирно ушелъ домой.

Джузеппе не былъ хозяиномъ, который вернулся въ насиженный домъ. Непосѣдливость, любопытство и стремленіе къ знанію, увлекали его дальше. Впрочемъ, это желаніе поддерживалъ въ немъ и кавалеръ Аквино, пріѣхавшій съ нимъ въ Палермо. Ликвидировавъ родительскую торговлю и снявъ положенный трауръ, Іосифъ отправился въ Римъ снабженный рекомендательнымъ письмомъ къ графу Орсини. Это было весною 1768 года.

Папскій Римъ, несмотря на духовный санъ государя, жилъ весело и свободно. Іосифъ бѣгалъ первые дни какъ сумасшедшій, осматривая памятники языческой и папской старины, пьянясь пышностью богослуженій и процессій, или глядя черезъ окна кофеенъ на суетящійся и будто всегда карнавальный народъ. 16

Бывалъ онъ только у графа Орсини, не прерывая заброшенныхъ было первое время по пріѣздѣ занятій. Кромѣ общей пестроты и оживленности улицъ, его не мало привлекали окна магазиновъ, ремесленныхъ заведеній, гдѣ, казалось, были выставлены предметы, свезенные со всѣхъ концовъ міра. Жаръ не былъ особенно жестокъ и позволялъ Іосифу гулять по городу даже въ тѣ часы, когда римляне по привычкѣ отдыхаютъ послѣ обѣда.

Однажды, проходя по эстрадѣ Пеллегрини, Іосифъ замѣтилъ въ окнѣ одного литейщика чугунное кольцо, украшенное старинными эмблемами, напомнившими ему его давнишній сонъ. На порогѣ стояла дѣвушка лѣтъ пятнадцати, съ веселымъ и живымъ лицомъ, озабоченно и удивленно глядя на замѣшкавшагося молодого человѣка. Она спросила, не можетъ ли чѣмъ служить синьору, причемъ тутъ же прибавила, что отца, Іосифа Феличьяни, въ лавкѣ нѣтъ, а она сама, дочь его—Лоренца. Бальзамо представился въ свою очередь и спросилъ насчетъ кольца. Лоренца сказала, что она не знаетъ, за сколько

отецъ продаетъ эту вещь и чтобы, если господину не трудно, онъ зашелъ завтра утромъ.

— Тогда отецъ будетъ здѣсь и вы съ нимъ потолкуете.

— Хорошо. И синьора Лоренца будетъ завтра тутъ?

— Синьора Лоренца? не знаю. Развѣ это васъ интересуетъ? Имѣйте въ виду, что синьора Лоренца прекапризное существо и никогда не можетъ сказать, что она будетъ дѣлать черезъ минуту.

— Будемъ надѣяться, что завтра мы увидимся. Итакъ, до завтра.

Лоренца сморщила носъ и присѣла, причемъ Іосифъ замѣтилъ, что дѣвушка немного хромаетъ на лѣвую ногу. Давъ покупателю отойти нѣсколько шаговъ, она окликнула его:

17 — Послушайте, господинъ въ зеленомъ кафтанѣ! Вы не думайте, что я совсѣмъ глупая дѣвочка и меня можетъ провести любой молодчикъ. Мнѣ уже пятнадцать лѣтъ и я отлично понимаю, что вы вовсе не Бальзамо и даже не Іосифъ.

— А кто же я по вашему?

— Вы—графъ!

— Отлично. Какъ же моя фамилія?

— Фамилія? ахъ.. да... фамилія. Ну, хотя бы Каліостро.

— Почему же именно Каліостро?—спросилъ Іосифъ, раздувая щеки отъ смѣха.

— Не смѣйтесь, пожалуйста. У меня есть тетка Каліостро.

— Графиня?

— Ахъ, нѣтъ! Если бъ она была графиней!

— Что же бы тогда было?

— Я была бы графининой племянницей! Нѣтъ, правда, вы не отпирайтесь, что вы—графъ. Я это вижу по глазамъ. Только вы—скупы, и думаю, что отецъ возьметъ съ васъ дороже за то, что вы—графъ, скрываете свой титулъ. Вотъ и все! Но я васъ выдамъ папѣ, будьте увѣрены.

— Какъ вамъ угодно. До свиданья, синьора Лоренца.

— До завтра, графъ.

— Каліостро?
— Каліостро.
Оба разсмѣялись, но на слѣдующее утро Лоренца, дѣйствительно, представила Бальзамо, какъ графа Каліостро, и литейщикъ даже сталъ разспрашивать, не въ родствѣ ли молодой человѣкъ съ ихъ теткой Цезариной Каліостро. Кольцо Іосифъ купилъ, но на слѣдующее утро пришелъ на эстраду Пеллегрини опять, уже въ качествѣ простого знакомаго. Лоренца въ одинъ изъ визитовъ Іосифа сказала:
— Синьоръ графъ, у меня есть къ вамъ маленькая просьба.
— Въ чемъ дѣло, синьора?
— Скоро настанетъ карнавалъ, любимое мое время... Я всегда гуляла съ нашимъ знакомымъ мѣдникомъ Труффи, но онъ такъ лѣнивъ, безтолковъ и неповоротливъ, что это отнимало для меня почти всю прелесть веселой прогулки... Вотъ если бы... впрочемъ, это слишкомъ большая для меня честь!..
— Вы хотите, крошка, чтобъ я васъ сопровождалъ во время карнавала?
— Нѣтъ, нѣтъ. Я просто такъ сболтнула... я не подумала. Не обращайте вниманія.
Лоренца притворно краснѣла, опускала глаза, стыдилась, но по лукавой улыбкѣ видно было, какъ ей хотѣлось, чтобы Бальзамо понялъ ее и самъ предложилъ свое общество для веселыхъ дней масляницы. Лоренца присѣла и прибавила:
— Благодарю васъ, ваше сіятельство, благодарю васъ! Я постараюсь достать себѣ костюмъ, достойный васъ.

5.

Лоренца была прелестна въ красной маскѣ; широкое зеленое платье ‚графини‘, какъ она выразилась, дѣлало почти неза-

мѣтнымъ ея хромоту, и Іосифъ, которому все-таки было только двадцать пять лѣтъ, съ удовольствіемъ взялъ дѣвушку подъ руку,—и они отправились по улицамъ, сплошь наполненнымъ маскированной, кричащей, поющей толпой. Все пѣло, кувыркалось, цѣловалось, ленты взлетали въ воздухъ, петарды трещали, свистки, гремушки, трещотки, барабаны раздирали уши, и на минуту, когда они вдругъ разомъ стихали, слышались струны гитаръ, будто кто въ бочку сыпалъ крупный горохъ, а въ ней гудѣлъ фаготомъ майскій жукъ. Выпущенные разноцвѣтные пузыри съ веревками летѣли, цѣпляясь и тыкаясь въ балконы, украшенные старыми коврами, кусками парчи и цвѣтными одѣялами. Надувая щеки, трубилъ арлекинъ передъ балаганомъ, а на занавѣси другой, громадный, манернымъ пальцемъ указывалъ
19 на входъ. ‚Алина, королева Голконды‘, ‚Посрамленный Труфальдино‘, ‚Сундукъ бѣдствій‘. Ребята грызли куполъ с. Петра вытисненный на большихъ коричневыхъ пряникахъ; собаки лая отдыхали въ антрактѣ, съ красными колпачками на ученыхъ головахъ. Обезьяна вычесывала сверху блохъ на маскированныхъ дамъ, бросавшихъ въ нее объѣдками яблокъ. Ракета! разсыпалась розой, роемъ разноцвѣтныхъ родинокъ, рождая радостный ревъ ротозѣевъ. Колеса кружились, качели, коньки, юбки парусомъ, чулки, полоски тѣла надъ ними. Кто-то качаетъ высоко верблюжью морду, какъ насосъ. Всѣ шарахаются разомъ, будто самъ Климентъ XIII пастырскимъ помеломъ перегоняетъ паству съ мѣста на мѣсто. Съ горы льется ручей, пестрый, словно кухарка вылила ведро, гдѣ куски и томатъ, и моркови, и зеленаго лука, капуциновъ, свеклы и краснаго перца и жирная жидкость. Ахъ, серенада въ бесѣдкѣ! а она на слонѣ двигается, будто сейчасъ всѣхъ раздавитъ. Трескъ вѣеровъ,—арлекинъ сдѣлалъ неприличный жестъ. Блестятъ глаза и густо хрустальный смѣхъ исчезаетъ въ повечерѣвшемъ небѣ. Загорѣлись фонтаны. Кавалеры брызжутъ на пискливыхъ маркизъ и китаянокъ. Бубенчики. Лопаются трико. Все темнѣе. Виденъ мѣсяцъ. Гдѣ же мечеть? Онъ одинъ повисъ безъ минарета. Съ

Палатина потянуло свѣжей землей и травою. Прощай, день! Сосѣднее Ave Maria звякаетъ, какъ мирное стадо. Облако такъ тихо стоитъ, будто бы не знаетъ, плыть ли дальше, или вернуться, или какъ бѣлый подолъ опуститься на площадь.

Лоренца, растрепанная, помятая, счастливая, возвращалась медленно домой подъ-руку съ Іосифомъ. Они тихонько переговаривались, вспоминая проведенный день: какъ они ѣли мороженое, рубцы и пряники въ палаткѣ, пили желтое орвьето, какъ смотрѣли фантошей, гдѣ деревянная королева была убита дубинкой за невѣрность, какъ имъ гадалъ астрологъ, какъ къ Лоренцѣ присталъ монахъ съ носомъ въ полтора аршина и въ шелковыхъ, вышитыхъ золотомъ чулкахъ; какъ собачкѣ отдавили лапу: она ее поджала, а директоръ успокаивалъ публику, говоря, что теперь пострадавшей въ нѣкоторомъ отношеніи будетъ удобнѣе: не нужно будетъ утруждать себя поднимать лапку. И все, все,—всѣ мелочи они вспоминали, будто дѣти или влюбленные.

Лоренца шла, снявъ маску и болтая ею на ходу. Глаза ея были задумчивы и нѣжны, а мушка со щеки съѣхала совсѣмъ къ ноздрѣ, придавая лицу смѣшной и трогательный видъ. Она нѣсколько печально говорила:

— Вотъ и прошелъ день и раньше будущаго года не вернется, да вернется уже не такимъ же. Я буду старше, не будетъ васъ, мало ли что можетъ измѣниться? Вы понимаете, какъ грустно, когда что-нибудь кончается? И я уже не графиня! Я очень глупая и, можетъ быть, вѣтренная мечтательница, но вотъ я часто мечтаю... Вы не смѣйтесь, я этого никому не говорю, а между тѣмъ я должна это сказать, иначе я лопну... Мнѣ бы хотѣлось не то, что быть богатой или знатной, а бывать ими... Всегда, это скучно! А такъ: сегодня богатая княгиня, завтра поденщица, послѣзавтра монахиня... Можетъ быть, я рождена быть картежницей или актрисой. Я вѣдь очень веселая и выносливая... Или авантюристкой! Но одной скучно! И потомъ я обожаю путешествія. Вы счастливы, всего такъ

много видѣли. А мнѣ ужъ пятнадцать лѣтъ, а между тѣмъ я никуда не выѣзжала изъ Рима,—вѣдь это же ужасно! Но что объ этомъ толковать!.. Судьба не всегда отъ насъ зависитъ. Простите, что я такъ болтаю. Едва ли это вамъ интересно... Іосифъ пробормоталъ какую-то любезность и поцѣловалъ руку у дѣвушки. Больше они не говорили, тѣмъ болѣе, что дошли уже до дома Феличьяни.

Черезъ нѣсколько дней лавку на эстрадѣ Пеллегрини посѣтилъ графъ Орсини и долго бесѣдовалъ съ хозяиномъ, причемъ они заперли двери и Лоренцу выслали на улицу. Хотя дѣвушка ничего противъ этого не имѣла, но все-таки ей показалось, что отецъ съ гостемъ совѣщаются что-то ужъ очень долго. Наконецъ они вышли. Старый Феличьяни долго смотрѣлъ
21 въ слѣдъ уходившему графу Орсини, не накрывая головы шляпой, потомъ обратился къ Лоренцѣ:

— Ну, стрекоза, можешь себя поздравить.

— Не знаю, съ чѣмъ! отвѣтила дочь, пожимая плечами.

Отецъ объяснилъ ей, что графъ приходилъ въ качествѣ свата отъ Іосифа Бальзамо, и что онъ, Феличьяни, далъ свое согласіе, такъ что теперь дѣло только за нею. Лоренца, вспыхнувъ, воскликнула:

— Вотъ я и буду графиней! Но какой плутъ этотъ вашъ молодой человѣкъ! хоть бы слово мнѣ шепнулъ.

Феличьяни, конечно, не очень охотно отдавалъ Лоренцу за человѣка, который не имѣлъ никакого мѣста, не занимался никакимъ ремесломъ, ни искусствомъ и не получилъ наслѣдства, но Орсини объяснилъ ему, что Бальзамо готовится къ ученой дѣятельности и что на первыхъ порахъ ему будутъ помогать друзья, такъ что молодая чета не только не будетъ ни въ чемъ нуждаться, но даже будетъ жить въ полномъ довольствѣ. Дѣвушка радовалась, хотя и не была влюблена въ Іосифа, такъ что, пожалуй, этотъ послѣдній болѣе нетерпѣливо ждалъ свадьбы, которая и произошла 20 апрѣля 1768 года въ церкви св. Маріи на горушкахъ.

Лоренца и слышать не хотѣла, что Бальзамо не графъ Каліостро, говоря, что ей ея мечты и фантазіи дороже какихъ-то тамъ полицейскихъ бумагъ. Іосифъ не слишкомъ горячо убѣждалъ, до такой степени привыкнувъ къ своему графству, что когда иногда въ минуты нѣжности жена называла его ‚Бальзамчикъ мой!‘ онъ совершенно серьезно хмурилъ брови и думалъ, кого имѣетъ въ виду графиня. Чтобы совсѣмъ не походить на Іосифа Бальзамо, онъ даже измѣнилъ свое имя, называя себя и подписываясь: ‚Александръ, графъ Каліостро‘. Впрочемъ, онъ вообще любилъ инкогнито и псевдонимы, зовясь еще графомъ Фениксомъ и графомъ Гара, но это было впослѣдствіи. Молодые жили еще восемь лѣтъ въ Римѣ. Каліостро укрѣплялъ свое знаніе, силу и мудрость подъ опытнымъ руководствомъ. Лоренца немного выѣзжала, посѣщала театры и прогулки, нашила себѣ платьевъ, но все-таки была очень рада, когда мужъ объявилъ ей въ 1776 году, что имъ предстоитъ отправиться въ Лондонъ. Предъ Лоренцой уже рисовалась жизнь, полная превратностей, приключеній, величія и паденій, о какой она мечтала въ тотъ далекій день карнавала. 22

6.

Они пріѣхали въ Лондонъ яснымъ іюльскимъ днемъ. Солнце достаточно грѣло, и улицы были, пожалуй, оживленнѣе, нежели въ Римѣ, такъ что не будь небо такъ блѣдно, будто хорошо вымытый голубой ситецъ, и толпа не такъ молчалива, можно было бы подумать, что они не покидали благословенной Италіи. Лондонскій народъ иногда и шумѣлъ, но это не былъ веселый гулъ южной площади, а брань и плачъ и выкрики закоптѣлыхъ оборванцевъ, голодныхъ дѣтей въ слишкомъ длинныхъ сюртукахъ и поломанныхъ шляпахъ, да накрашенныхъ женщинъ, тѣснив-

щихся у самыхъ стѣнокъ и одѣтыхъ такъ, будто каждая часть ихъ туалета была вынужена мусорщикомъ изъ герцогскихъ помойныхъ ямъ, гдѣ она пролежала съ полгода. Онѣ держались робко и молча, только временами пронзительно переругиваясь между собою или съ проходившими мастеровыми. Впрочемъ, дальше отъ старыхъ кварталовъ улицы дѣлались шире, небольшіе домики, обвитые хмѣлемъ съ широкими низкими окнами имѣли, не смотря на то, что были крашены въ темную краску или построены изъ некрашеннаго кирпича, довольно уютный и привѣтливый видъ. Около многихъ изъ нихъ были насажены кусты бузины и разбиты огороды съ цвѣтами и хозяйственными травами, на окнахъ висѣли клѣтки съ канарскими птичками и внутри почти въ каждой комнатѣ былъ виденъ боль-
23 шой, занимавшій чуть не четверть всего пространства, очагъ съ котелкомъ.

Въ одномъ изъ такихъ домовъ на Whircombstreet'ѣ и поселился Каліостро, снявъ верхній этажъ у миссъ Жульеты.

Каліостро минуло тридцать три года. Онъ придавалъ большое значеніе этому обстоятельству, думая, что это—время его выступленія на историческую арену и считая жизнь до этого года лишь за подготовку, да и то можетъ быть недостаточную, къ этому шагу. Въ Лондонѣ онъ былъ посвященъ въ масонской ложѣ ‚Надежда'. Это не была аристократическая ложа, но скромное содружество, состоявшее главнымъ образомъ изъ живущихъ въ Англіи французовъ. Каліостро выбралъ именно эту ложу, не имѣя достаточныхъ связей въ Лондонѣ и, можетъ быть, желая болѣе замѣтнымъ образомъ проходить первыя ступени, будучи единственнымъ титулованнымъ лицомъ въ этомъ обществѣ. Кромѣ того онъ не могъ не видѣть, что въ смыслѣ практическихъ знаній и способностей къ изученію природныхъ тайнъ и магіи онъ превосходитъ многихъ, кто стоялъ выше его въ ложѣ ‚Надежда'. Дома онъ продолжалъ занятія химіей и математикой, дѣлая опыты надъ увеличиваніемъ алмазовъ и стараясь проникнуть въ систему азартныхъ игръ. Кромѣ

того онъ изслѣдовалъ высшую гигіену, которая давала бы возможность организму періодически возстановляться и противодѣйствовать вліянію времени, для чего каждый мѣсяцъ два дня онъ налагалъ на себя строгій постъ и строгое уединеніе, даже не прибѣгалъ къ любимому имъ кофею и обществу Лоренцы. Дѣйствительно, графъ былъ очень моложавъ и въ свои тридцать три года казался двадцатидвухъ-лѣтнимъ юношей, хотя и страдалъ при невысокомъ ростѣ нѣкоторою тучностью.

Лоренцу послѣдніе опыты мужа интересовали больше всего, и хотя она была на десять лѣтъ моложе Каліостро, она часто просила его послѣ ежемѣсячнаго двухдневнаго затворничества передать и ей часть живительной силы.

Графъ, улыбаясь, сжималъ ей голову обѣими руками, потомъ проводилъ ладонями по ея лицу, шеѣ, плечамъ и груди, увѣряя, что ей еще рано прибѣгать къ чудеснымъ средствамъ. Лоренца чувствовала нѣкоторую теплоту и словно уколы въ крови отъ прикосновеній мужа, но для вѣрности бѣлилась, притиралась и румянилась напропалую. Впрочемъ, маленькая, съ занятной мордочкой, веселыми ужимками, она и теперь похожа была на дѣвочку.

Лоренца была не совсѣмъ довольна жизнью въ Лондонѣ, она совсѣмъ не такъ себѣ ее представляла въ своихъ мечтахъ. Согласитесь сами, довольно скучно живой молодой женщинѣ сидѣть цѣлыми днями въ маленькомъ домикѣ и, надѣвши наряды, смотрѣть на капустныя гряды, межъ тѣмъ какъ мужъ все время проводитъ въ лабораторіи или ходитъ по масонскимъ собраніямъ, оставляя ее безъ вниманія. Дѣлу помогла миссъ Жульета, хозяйка дома. Видя, что пріѣзжіе достаточно богаты и что Лоренца скучаетъ и, можетъ быть желая пристроить своихъ знакомыхъ, она предложила Каліостро взять себѣ секретаря и компаньонку супругѣ. У миссъ Жульеты какъ разъ была въ виду подходящая пара: г-жа Блевари и синьоръ Вителлини. Первая была раззорившейся португалкой, второй—проигравшимся любителемъ химіи.

— Какъ разъ для васъ! ораторствовала миссъ Жульета.—Мистриссъ Блевари знаетъ Лондонъ, какъ свои пять пальцевъ, и видѣла лучшіе дни; это настоящая лэди! она васъ не унизитъ своимъ обществомъ. Мистеръ Вителлини честнѣйшій малый, онъ бѣденъ, это правда, но со всякимъ можетъ случиться несчастье. Онъ хорошо пишетъ и, какъ и графъ, интересуется химіей. Онъ будетъ вамъ полезенъ, увѣряю васъ. Это доброе дѣло, повѣрьте. Къ тому же они ваши соотечественники. — Добрая миссъ Жульета и португалку причислила къ дочерямъ Италіи. Хозяйка совершенно напрасно тратила свое краснорѣчіе, потому что графъ и графиня ровно ничего не имѣли противъ ея предложенія, и на слѣдующее утро Лоренца, выйдя въ залу, увидѣла сидѣвшими у дверей двѣ странныя фигуры. Графиня всплеснула
25 руками и, воскликнувъ:—вотъ такъ уроды!—не отвѣчая на низкіе поклоны, бросилась за мужемъ.

Знавшая лучшіе дни, мистриссъ Блевари оказалась маленькимъ, толстымъ существомъ съ усами, какъ у жандарма, чернымъ какъ нечищенный сапогъ, одѣтымъ въ красную робу, зеленую шляпу и лиловые чулки. Ея толстыя кривыя ноги висѣли, не доходя до полу; отъ пудры, которая обильно осыпалась на ея выступающую грудь и почти такъ же выдающуюся спину, лицо ея казалось еще чернѣе и усы задорнѣе, пальцы были въ кольцахъ съ крупными цвѣтными стеклами. Около нея еле сидѣла задыхающаяся толстая моська, высуня языкъ, раскорячивъ ноги и все время чихая. По другую сторону двери осторожно, согнувшись въ три раза, сидѣлъ старикъ въ зеленыхъ очкахъ и съ зеленымъ козырькомъ надъ глазами. Онъ нюхалъ табакъ и тоже поминутно чихалъ, стараясь дѣлать это не въ разъ съ моськой.

Лоренца, введя Каліостро, снова всплеснула руками и сѣла на диванъ отъ смѣха. Уроды встали и низко поклонились. Графиня, преодолѣвъ смѣхъ, подбѣжала къ мистриссъ Блевари и быстро заговорила:

— Никогда не снимайте этого платья, дорогая синьора, никогда. Мы такъ будемъ ѣздить по городу, и ваша душка мосенька съ нами! какъ ее зовутъ? Психея ? прекрасно! Мнѣ будетъ казаться, что всегда карнавалъ! Иногда и синьоръ Вителлини будетъ насъ сопровождать (тутъ любитель химіи и Психея разомъ чихнули). Мы весь Лондонъ сведемъ съ ума!

И она стала крутить португалку. Моська не двигалась вслѣдъ за ними, только чихала всякій разъ, когда онѣ кружились около нея. На слѣдующее утро Вителлини перевезъ свой чемоданъ, а Блевари свой сакъ, гдѣ была испанская шаль, кастаньеты, двѣ бутылки хересу, молитвенникъ и три рубашки, и семейство графа увеличилось двумя персонами, не считая Психеи.

7.

У Вителлини было много свободнаго времени, которое онъ проводилъ обыкновенно въ кабачкѣ ‚Трехъ китовъ‘, гдѣ былъ давнишнимъ завсегдатаемъ и имѣлъ много друзей. Увидѣвъ, что ‚любитель химіи‘ не слишкомъ полезенъ при опытахъ, Каліостро пользовался имъ для посылокъ, но и на это дѣло ‚честнѣйшій малый‘ оказался мало пригоденъ, такъ какъ постоянно пропадалъ и возвращался домой ночью съ помутившеюся памятью и преувеличеннымъ сознаніемъ собственнаго достоинства.

Желая помочь своимъ собутыльникамъ въ случавшихся иногда денежныхъ затрудненіяхъ, онъ имъ посовѣтовалъ обратиться къ графу Каліостро, говоря, что тотъ-человѣкъ богатый, добрый и притомъ ‚философъ‘, слѣдовательно не будетъ очень разбираться, правду ли говорятъ просители. Между другими былъ косоглазый мистеръ Скоттъ и нѣкая Мэри Фрей, которымъ Вителлини долго не говорилъ о графѣ Каліостро. Наконецъ, у нихъ дошло дѣло до того, что прямо хоть полѣзай въ петлю.

Тогда Вителлини открылъ и этимъ своимъ пріятелямъ о добротѣ своего патрона.

На ихъ несчастье у Каліостро въ данную минуту не было денегъ, онъ ждалъ присылки изъ Рима. Мэри Фрей, назвавшаяся для большей простоты супругой мистера Скотта, сдѣлала печальное лицо и медлила уходить. У нея было пріятное откровенное лицо съ свѣтлыми глазами и нѣсколько большимъ ртомъ, въ данную минуту завуаленное досадой и озабоченностью.

Каліостро постоялъ нѣсколько минутъ, утѣшая гостью, но печаль не сходила съ ея физіономіи. Мэри сидѣла, опустивъ глаза и готова была заплакать.

— Ну, такъ я пойду. Простите, что я васъ безпокоила, графъ. Благодарю васъ за доброту... и она, пошатнувшись, оперлась на
27 спинку кресла, будто, чтобы не упасть. Графъ далъ ей стаканъ воды и о чемъ-то задумался, смотря, какъ Мэри жадно глотала и повидимому не собиралась уходить.

— Вы очень огорчены, мистриссъ Скоттъ, очень нуждаетесь? Мэри молча развела руками.

— Я вамъ могу пожалуй помочь. Вы играете на королевской лотереѣ?

— Я? нѣтъ, сэръ.

— Завтра 14-го Ноября. Поставьте на 1-й нумеръ. Если вы не довѣряете мнѣ, то завтра только слѣдите за нумерами и провѣрьте мое указаніе. Поставите послѣзавтра на 20-й или 18-го на 55-й и 57-й.

Мэри слушала графа внимательно, но нѣсколько удивленно. Потомъ молвила скорбно:

— Благодарю васъ, но мнѣ нечего ставить, у меня ничего нѣтъ.

— На ставку я вамъ дамъ, сказалъ Каліостро, вынимая два золотыхъ.

— Да наградитъ васъ небо, сэръ! сказала Мэри, низко присѣдая, и вышла изъ комнаты. Каліостро долго стоялъ, задумавшись, наконецъ пробормоталъ.

— Нѣтъ, я поступилъ правильно. Если бы я желалъ только провѣрки моихъ вычисленій, кто бы мнѣ помѣшалъ поставить самому на данные номера, но я знаю, что не слѣдуетъ обращать своихъ знаній на корыстныя цѣли, я хотѣлъ сдѣлать доброе дѣло этимъ бѣднякамъ.

Мнимая мистриссъ Скоттъ, не выходя еще изъ дома графа, записала на бумажкѣ указанные ей графомъ нумера; вечеромъ роспили втроемъ со Стономъ и Вителлини дюжину портера и, убѣдившись, что 14-го ноября дѣйствительно выпалъ первый номеръ, 15-го уже поставили на 20-ый. Успѣхъ превзошелъ ихъ ожиданія. 18-го уже всѣ трое поставили всѣ свои деньги и выиграли цѣлое состояніе.

Вителлини хотѣлъ хлопнуть себя по лбу, но угодивъ по зеленому козырьку, тѣмъ не менѣе воскликнулъ: 28

— Ну что? не говорилъ я вамъ, что графъ философъ? Кто же кромѣ философа удержался бы отъ лотереи, зная способъ играть навѣрняка.

— Тогда бы его замѣтили и выслали бы изъ Англіи, замѣтила Мэри Фрей.

— Она права! — добавилъ Скоттъ,—даже намъ, друзья мои, благоразумнѣе играть поочереди, чтобъ не возбудить подозрѣній. Сначала я, потомъ Мэри, потомъ мистеръ Вителлини.

— Ловко придумано! но какъ же мы будемъ играть, не зная нумеровъ?

Скоттъ покосился на говорившую и спросилъ?

— А ты думаешь, онъ больше не скажетъ?

— Можетъ сказать, можетъ и нѣтъ.

— А если его пригласить въ долю?

— Нѣтъ, на это онъ не пойдетъ! заявилъ секретарь.

Въ молчаніи нѣкоторое время тянули портеръ, глядя на потрескивающій каминъ.

— Мистриссъ Скоттъ придется еще разъ сходить и придумать новую исторію, посовѣтовалъ Вителлини.

— Но разъ онъ колдунъ, онъ узнаетъ, что я вру.

Итальянецъ вдругъ загорячился и зачихалъ, прочихавшись, онъ началъ совсѣмъ не такъ бурно, какъ можно было предположить по вступленію.

— Онъ не узнаетъ. Вы мнѣ повѣрьте. Во всякомъ дѣлѣ есть спеціальность, Онъ колдунъ по угадыванью лотерейныхъ нумеровъ, но совсѣмъ дитя въ смыслѣ отгадыванья мыслей. Мое мнѣнье, что разжалобить его можно.

— Ну, хорошо, мистриссъ Скоттъ пойдетъ, но съ условіемъ,—что вы выиграете, половина мнѣ, моя же доля не дѣлится.

Графа не было дома, когда пришла Мэри Фрей. Лоренца, выйдя на голоса, остановилась было въ дверяхъ, но посѣтительница, быстро что-то сообразивъ, подошла сама къ ней и представилась:

— Мистрисъ Мэри Скоттъ.

29 — Вы къ графу?

Мэри вдругъ заплакала.

— Что вы, что вы, успокойтесь!... Мистриссъ Блевари, скорѣе соли, я боюсь, что синьора лишится чувствъ.

Едва португалка скрылась, какъ Мэри Фрей заговорила торопливо:

— Ваше сіятельство... я бѣдная женщина... у меня трое дѣтей... мистеръ Скоттъ, мой мужъ, ужасный игрокъ и пьяница... я на улицѣ... и трое малютокъ. Графъ былъ такъ добръ, что уже помогалъ мнѣ, но этотъ игрокъ все отнялъ и пропилъ. Я боюсь даже... я такъ счастлива, что встрѣтила васъ... вы можете попросить за меня графа. Вы видите, какъ я мучаюсь... но я боюсь, что графъ не будетъ великодушенъ во второй разъ. О, какое несчастье! Если бы вы видѣли малютокъ, графиня!

Мэри подняла глаза къ небу и осталась такъ, будто въ ней испортился механизмъ и она не могла уже опустить глаза безъ механической помощи. Лоренца была очень взволнована.

— Милая мистриссъ, зачѣмъ вы такъ огорчились. Я увѣрена, что мужъ войдетъ въ ваше положеніе и поможетъ вамъ, чѣмъ можетъ. Я со своей стороны тоже готова...

Лоренца стала искать кошелекъ, но Мэри остановила ее рукой и сказала:

— Благодарю васъ, но хотѣла просить не денегъ.

— Чего же?

Мистриссъ Скоттъ поднесла платокъ къ глазамъ и вѣроятно это было достаточной механической помощью, потому что когда она опустила руку, ея взглядъ былъ уже вполнѣ нормаленъ.

— Чего же вамъ нужно? переспросила Лоренца.

— Нумеръ лотереи на седьмое Декабря.

Лоренца даже вскочила съ ларя, на которомъ сидѣла (объясненіе происходило въ передней).

— Какой нумеръ лотереи? вѣдь это же вашъ мужъ игрокъ, а не вы!

— Мнѣ нужно знать, какой нумеръ выиграетъ седьмого Декабря, повторила Мэри монотонно и уныло.

— И графъ вамъ можетъ это сказать?

— Можетъ, если захочетъ.

Лоренца разсмѣялась.

— Право, вы принимаете мужа за ярмарочнаго шарлатана.

— Вашъ супругъ, графъ Каліостро—великій и мудрый человѣкъ! отвѣтила Мэри серьезно.

— Можетъ быть, но причемъ тутъ лотерейные нумера? зачѣмъ онъ будетъ ихъ отгадывать?

— Затѣмъ, чтобы помочь несчастнымъ.

Графиня принялась ходить по передней, нахмурившись и заложивъ за спину руки. Мало-по-малу нахмурившееся было ея лицо прояснилось и сдѣлалось почти веселымъ, когда она обратилась къ мистриссъ Скоттъ.

— Хорошо. Я поговорю съ мужемъ.

Мэри бросилась цѣловать ей руки, какъ вдругъ у входной двери раздался ударъ кольца.

— Боже мой, это графъ! все погибло!

— Идите скорѣе сюда, это выходъ прямо на дворъ. Приходите въ восемь часовъ подъ окно, я дамъ сигналъ! поспѣла прошептать Лоренца, толкая гостью къ стеклянной двери.

Неизвѣстно, что говорила Лоренца съ мужемъ, но когда мистриссъ Скоттъ вечеромъ подошла къ условленному окну, оно было темно и только въ лабораторіи графа чуть свѣтился красноватый огонь. Наконецъ показался слабый огонь свѣчи, рама полуоткрылась, къ ногамъ Мэри упалъ свертокъ и въ снѣжной тишинѣ раздалось: ‚восемь‘.
Въ свертокъ оказалась гинея, завернутая въ бумажку, на которой было написано то же число 8.

8.

31 Графиня выѣзжала съ португалкой главнымъ образомъ за покупками. Она покупала изъ любви покупать, ей нравилась почтительность приказчиковъ, свѣтлыя или полутемныя лавки, загроможденныя массою интересныхъ, красивыхъ и дорогихъ предметовъ, приходящія и уходящія покупательницы, шуршанье матерій, разговоры и споры, толкотня, запахъ духовъ и легкая пыль надъ прилавками. Она смотрѣла на лавки, какъ на женскій клубъ, свела не мало мимолетныхъ знакомствъ и никогда не отказывалась выпить чашку чая въ маленькой комнаткѣ за лавкой, стоя.
Однажды она встрѣтилась съ мистриссъ Скоттъ. Лоренца ее узнала, а Мэри все время поводила глазами, будто ища кого-то, и увидя Лоренцу, успокоилась, однако не подошла къ ней, а наклонившись надъ голубымъ кашемиромъ, стала тихонько говорить съ приказчикомъ. Вскорѣ вошли Вителлини и косоглазый Скоттъ. Лоренца протѣснилась къ Мэри и заговорила весело.
— Дорогая мистриссъ, рада васъ видѣть! я думала, что вы уѣхали! помните, вы собирались сдѣлать что-то въ этомъ родѣ! Какъ вашъ супругъ, вы кажется были не очень довольны его образомъ жизни... Надѣюсь теперь все благополучно?
Мэри печально отвѣтила:

— Благодарю васъ, графиня. Теперь все болѣе, чѣмъ благополучно. Пусть небо наградитъ графа! я была у него (не думайте, что я неблагодарна), но васъ не было дома въ то время.

— Онъ мнѣ ничего не говорилъ. Жалко, что меня не было.

Лоренца вынула табакерку и предложила мистриссъ Скоттъ, но та живо возразила:

— Позвольте, я васъ лучше угощу. Небывалый табакъ, онъ смоченъ въ меду и продушенъ резедой, кромѣ того къ нему подмѣшана китайская травка.

— Не вредно ли? спрашивала Лоренца, набивая маленькую ноздрю. Скоттъ и Вителлини были совсѣмъ рядомъ и кланялись ей.

— Восхитительно! никогда ничего подобнаго не нюхала. Синьора Блевари, попробуйте! (вы позволите?), нужно дать и Психеѣ.

Лоренца смѣялась и чихала, совала въ носъ португалкѣ, которая, обороняясь и пятясь, наступила на моську. Приказчики улыбались и пріостановили хлопать свертками матерій, такъ какъ всѣ покупательницы повернулись спиною къ прилавку, наблюдая происходившую между Лоренцой и мистриссъ Скоттъ сцену; мѣстахъ въ трехъ поднимался паръ отъ чайныхъ чашекъ, невидныхъ въ толпѣ.

— Благодарю васъ, сказала Лоренца, отдавая коробочку владѣлицѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, графиня, оставьте у себя. Это—слабое выраженіе моей благодарности.

— Зачѣмъ, дорогая мистриссъ? Конечно, табакъ восхитителенъ, но я даже не знаю, куда его пересыпать! Я не хочу мѣшать его съ моимъ. Джо! (обернулась она къ лавочному мальчику въ длинномъ зеленомъ фартукѣ) нѣтъ ли у васъ пустой табакерки.

— Я не позволю!—вступилась Мэри,—вы примете отъ меня этотъ маленькій подарокъ не иначе, какъ съ коробочкой: она не слишкомъ плоха!

Табакерка была золотая съ эмалированною крышкой, гдѣ былъ изображенъ охотникъ, цѣлящійся въ утку и не замѣчающій, какъ изъ рѣки вылѣзаетъ осторожно испуганная купальщица. Посмотрѣвъ, Лоренца сказала задумчиво:

— Табакерка очень хороша, но я не могу ее принять, она слишкомъ дорога, графъ будетъ недоволенъ.

— Почему? почему? Графъ не будетъ вмѣшиваться въ маленькія женскія любезности, повѣрьте. Если вы ко мнѣ расположены хоть немного, вы сохраните эту бездѣлку. Я ее не покупала, это досталось мнѣ отъ покойной тетушки. Не пренебрегайте мною, умоляю васъ. Я смотрю на васъ, какъ на благодѣтельницу, я встану на колѣни и не подымусь, пока вы не согласитесь исполнить мою просьбу.

33 Мэри говорила почти съ неприличной страстностью; въ толпѣ перешептывались, пожимали плечами, разсматривали черезъ плечо графини табакерку; кто-то, поднявшись на цыпочки, пролилъ чай на Психею, которая зачихала; становилось неловко и комично. Лоренца все стояла, вертя коробочку въ рукахъ.

—Нѣтъ, мнѣ не слѣдуетъ этого дѣлать! проговорила она.

Мэри съ шумомъ бросилась на колѣни, сваливъ платьемъ съ ногъ какого-то карапуза, приведеннаго бабушкой, который тотчасъ заревѣлъ и не покатился только потому, что вокругъ было слишкомъ много ногъ.

— Графиня, я васъ умоляю.

— Встаньте, встаньте, дорогая мистриссъ! я беру вашъ подарокъ, благодарю васъ.

Мэри вскочила еще быстрѣе, чѣмъ опустилась и стала съ жаромъ цѣловать Лоренцу. Дамы видя представленіе оконченнымъ, повернулись снова къ прилавкамъ, зашуршали шелка, сукна и кашемиры; ребенокъ успокоился и Психея перестала чихать.

Каліостро былъ очень недоволенъ этой исторіей, которую Лоренца разсказала ему вечеромъ, но онъ былъ разсерженъ окончательно, когда оказалось, что въ табакеркѣ двойное дно

и въ тайномъ помѣщеніи находилось ожерелье значительной цѣнности и золотой футлярчикъ, гдѣ вмѣсто зубочистокъ были вложены свернутые банковые билеты. Онъ раскричался на графиню, будто она была виновата, говорилъ, что знаетъ эти штучки,—мошенники хотятъ подкупить Лоренцу, а потомъ опять вымогать у него предсказанья. Лоренца, которая уже надѣла ожерелье и разглаживала на столѣ рукою свернувшіеся билеты, замѣтила спокойно:

— Неизвѣстно еще, будутъ они къ вамъ обращаться или нѣтъ. Отъ васъ зависитъ не давать имъ больше указаній. А если они—мошенники, такъ имъ и нужно. Эти деньги мои и никуда я ихъ отсылать не буду. Я была глупа, что призналась вамъ во всемъ. Я васъ не спрашиваю, откуда у васъ деньги, когда вы ихъ не зарабатываете, и вамъ нѣтъ дѣла до моихъ денегъ.

— Лоренца! возвысилъ голосъ графъ.

— Ну что жъ? я знаю, что я Лоренца!

— Какъ вы говорите со мною?

— Попросту. Я еще разъ скажу, что денегъ я отсылать не буду.

— Изъ этого могутъ произойти немалыя бѣдствія.

Графиня пожала плечами.

— Вы можете ошибаться, Александръ. Если бы вы никогда не ошибались, вы видѣли бы, съ кѣмъ имѣете дѣло, и не водились бы со всякою дрянью.

Помолчавъ, Каліостро промолвилъ, будто про себя:

— Пусть все совершается, что предназначено: можетъ быть, такъ будетъ лучше!

Вѣроятно Лоренца не слышала, что говорилъ мужъ, потому что, помолчавъ, замѣтила только:

— А можетъ быть, мы ошибаемся, и мистриссъ Скоттъ вовсе не мошенница. Съ вашей помощью она выиграла много денегъ и захотѣла въ моемъ лицѣ васъ отблагодарить. Нужно отдать ей справедливость, она сдѣлала это очень деликатно. И я по-

чему-то увѣрена, что она больше не будетъ къ вамъ обращаться за отгадываньемъ лотерейныхъ нумеровъ.
— Дай Богъ, но для большей вѣрности мы перемѣнимъ квартиру, чтобы меня не такъ скоро отыскали.

9.

И графъ, и графиня оказались правы: супруги Скоттъ не спрашивали больше лотерейныхъ нумеровъ, но конечно очень подходили подъ опредѣленіе ‚мошенники'.
35 Въ началѣ 1777 года Каліостро переѣхалъ на другую квартиру, какъ разъ попавъ въ тотъ домъ, гдѣ верхнее жилье снимала Мэри, но послѣдняя только раскланивалась при встрѣчахъ, не дѣлая попытокъ вытянуть у графа деньги и не стараясь сблизиться съ Лоренцой. Ея видъ заставлялъ подозрѣвать какой-то планъ, который и не замедлилъ обнаружиться. Можетъ быть графъ и подозрѣвалъ его и имѣлъ предчувствія, но 7-го Февраля его очень удивилъ вечерній визитъ судебнаго пристава и шести полицейскихъ, явившихся, чтобы арестовать его за долгъ Мэри Фрей въ размѣрѣ двухсотъ фунтовъ стерлинговъ. Каліостро отвѣтилъ, что онъ не знаетъ никакой Мэри Фрей, не подозрѣвая, что миссъ Мэри Фрей и мистриссъ Скоттъ— одно и то же лицо, и что онъ никому ничего не долженъ, но ему показали бумагу, гдѣ его долгъ подтверждается клятвенными заявленіями самой миссъ Фрей и двухъ свидѣтелей.
Каліостро пожалъ плечами и хотѣлъ было уже идти за сбирами, какъ вдругъ въ сосѣдней комнатѣ послышался шумъ и звукъ ломаемой мебели. Быстро отворивъ двери, онъ увидѣлъ, что двое людей старались открыть стѣнной шкапъ, гдѣ хранились его рукописи и разныя мелкія, необходимыя для опытовъ, вещи, межъ тѣмъ какъ разбросанныя бумаги, вскрытое

бюро и вообще полный безпорядокъ ясно показывали, что злодѣи опредѣленно чего-то ищутъ, пренебрегая цѣнностями и деньгами, которыя лежали нетронутыми.

— Арестуйте взломщиковъ вмѣстѣ со мною! закричалъ графъ, обращаясь къ полицейскимъ, какого еще доказательства ихъ преступленья?!

— Мы дѣйствуемъ на основаніи закона! отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, косоглазый, котораго Каліостро гдѣ-то видѣлъ.

— Они дѣйствуютъ на основаніи закона!—какъ эхо повторили полицейскіе. Графъ яро оглянулся, но сдержался, только, скомкавъ платокъ, бросилъ его въ стѣну и презрительно воскликнулъ:

— Законъ!

Потомъ прибавилъ насмѣшливо:

— Для васъ будетъ совершенно безполезно то, чего вы ищете, какъ греческая грамматика водовозу.

— А развѣ графъ знаетъ, чего мы ищемъ? обратился къ нему косой.

Каліостро не отвѣтилъ на вопросъ, но выходя изъ дому, остановился и произнесъ торжественно:

— Вы думаете, мнѣ трудно было освободиться отъ васъ сейчасъ же и всѣмъ доказать свою невинность? но еще не пришло время. Пусть совершается правосудіе, чтобы обратившіе на меня его мечъ, отъ него же погибли!

Мистеръ Скоттъ (теперь Каліостро точно узналъ его) отвѣтилъ:

— Къ сожалѣнію, англійское правосудіе, какъ и всякое, имѣетъ не только глаза завязанными, но и уши заткнутыми, такъ что ни прекрасныя рѣчи, ни важныя мины на него не дѣйствуютъ. Оно только взвѣшиваетъ, а иногда и вѣшаетъ.

Но графъ самъ былъ похожъ на Ѳемиду: ничего не слыша и даже кажется не видя, онъ шлепалъ по грязи между полицейскими, изрѣдка взглядывая на пасмурное лондонское небо.

Дѣйствительно, сворованная мистеромъ Скоттомъ книга, гдѣ были записаны изысканія графа о лотерейныхъ билетахъ и коробочка съ краснымъ порошкомъ, оказались совершенно ненужными. А между тѣмъ вся исторія была затѣяна именно для того, чтобы добыть этотъ манускриптъ, съ помощью котораго, по увѣренію Вителлини, и безъ Каліостро можно было угадывать номера, и красный порошокъ, необходимый для обращенія любого металла въ золото. Мошенники воспользовались англійскимъ закономъ, по которому кредитору подтвердившему подъ присягой и нашедшему двухъ клятвенныхъ свидѣтелей, что такой-то ему долженъ, давалось право подвергнуть аресту должника. Надѣясь во время суматохи выкрасть нужное имъ, Скоттъ самъ отправился вмѣстѣ съ полицейскими, часть
37 которыхъ была съ ними въ долѣ.

Вителлини долго разсматривалъ рукопись со всѣхъ сторонъ, наконецъ объявилъ, что часть ея написана по еврейски. Привлеченный по этому случаю къ дѣлу мистеръ Симсонъ, оптикъ, сказалъ, что книга написана по арабски. Не имѣя возможности найти араба, Скоттъ посовѣтовалъ Вителлини почитать ее, перевернувши зеленый козырекъ задомъ напередъ, лишилъ его участья въ будущемъ барышѣ, а самъ подалъ еще двѣ жалобы на графа, обвиняя его въ вымогательствѣ и колдовствѣ.

Англійское правосудіе длилось почти годъ, пока не обнаружилась истина и графъ Каліостро не былъ оправданъ. Даже поручители отъ него отказались и, похитивъ изъ мѣста его жительства, перевезли въ Кингсбенгеву тюрьму. То его отпускали на поруки, то сажали въ темницу, то разлучали съ Лоренцей, то вновь соединяли, но графъ хотѣлъ, чтобы все шло чисто юридическимъ путемъ, и только въ декабрѣ 1777-го года Каліостро, оправданный, реабилитированный, покинулъ Лондонъ, потерявъ за время суда три съ половиной тысячи гиней. Оправдались и слова графа относительно меча правосудія. Изъ четырнадцати главныхъ его обвинителей и судебныхъ враговъ въ теченіе года десять умерло, не будучи ни старыми, ни особенно

болѣзненными, и только четверо осталось въ живыхъ, завидуя мертвымъ: прокуроры Райнольсъ и Айлетъ, выставленные къ позорному столбу за лжесвидѣтельство, судебный приставъ Саундерсъ, заключенный въ тюрьму, и наконецъ мистеръ Скоттъ, скрывшійся въ глубь Шотландіи, гдѣ, безъ друзей, безъ крова, онъ влачилъ свое существованіе, съ ненавистью видя богатство и благосостояніе другихъ.

И Мэри Фрей съ чистыми глазами, и старый Вителлини съ зеленымъ козырькомъ, и добрая синьора Блевари—всѣ, всѣ ушли въ ту страну, гдѣ нѣтъ ни лотерей, ни табакерокъ, ни судовъ, кромѣ нелицемѣрнаго Божьяго суда.

КНИГА ВТОРАЯ.

1.

Послѣ Лондона Каліостро больше года провелъ въ странствіяхъ, хотя и вся его жизнь со времени отъѣзда изъ Рима—не что иное, какъ странствіе, не только въ томъ смыслѣ, что
39 всякій рожденный человѣкъ есть путникъ на землѣ, но и въ смыслѣ самаго обыкновеннаго кочеванія съ мѣста на мѣсто. Пробывъ нѣкоторое время въ Брюсселѣ, гдѣ онъ нѣсколько поправилъ свои разстроенныя денежныя дѣла, отчасти получивъ субсидіи отъ друзей, отчасти увеличивая бриллианты, графъ посѣтилъ Голландію, Льежъ и многіе города Германіи. Будучи посвященнымъ масономъ, онъ повсюду встрѣчалъ сердечный привѣтъ у братьевъ-каменщиковъ и вступилъ въ голландскую ложу, называемую ‚большою‘ и въ льежскую ‚Совершеннаго равенства‘. Вездѣ онъ высказывалъ свои убѣжденія относительно доктрины и ритуала, изложенныя имъ впослѣдствіи подъ названіемъ ‚Египетскаго посвященія‘, совѣтывалъ остерегаться суевѣрія и политики и старался уничтожить вліяніе португальца Хименеса и англійскаго раввина Фалькъ. А Фалькъ былъ не послѣдній чародѣй: это онъ далъ герцогу Орлеанскому талисманъ, разбить который впослѣдствіи удалось только молитвѣ г-жи de la Croix. Тогда Филиппъ Эгалите поблѣднѣлъ въ конвентѣ и лишился чувствъ.

Такъ какъ часто не только свою миссію, но и происхожденіе, и имя графъ Каліостро скрывалъ, то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его принимали недовѣрчиво и совсѣмъ не за того, кѣмъ онъ былъ.

такъ напримѣръ, въ Кенигсбергѣ баронъ Корфъ счелъ его за подосланнаго іезуита и такъ возбудилъ противъ него все общество, что графъ принужденъ былъ покинуть городъ. Говорили, будто онъ—С. Жермэнъ, чего онъ не опровергалъ; самъ же себя онъ именовалъ иногда графомъ Фениксомъ и графомъ Гара, будто умышленно усиливая мракъ и путаницу вокругъ своей личности.

Въ самомъ концѣ февраля 1779-го года графъ и Лоренца прибыли въ Курляндскій городъ Митаву и остановились въ гостиницѣ на базарной площади. Они пріѣхали около полудня и Каліостро рѣшилъ отдохнуть раньше, чѣмъ идти къ Медемъ, къ которымъ у него было рекомендательное письмо. Были уже сумерки и растаявшая за день земля снова замерзла. Со двора, черезъ который нужно было проходить въ домъ г-жи Медемъ, доносился дѣтскій крикъ и громкіе взрывы смѣха. Каліостро обернулся и увидѣлъ невысокую ледяную горку, съ которой на широкихъ саночкахъ катались трое малютокъ, четверо или пятеро остальныхъ прыгало и смѣялось на деревянной верхушкѣ горы, тормоша высокую дѣвушку лѣтъ восемнадцати въ мѣховой шапкѣ съ наушниками и съ большой полосатой муфтой. Лицо ея, круглое и румяное, освѣщенное послѣднимъ отблескомъ зари и снѣга и оживляемое дѣтскимъ веселъемъ, казалось почти сіяющимъ. Короткая полудѣтская юбка позволяла видѣть маленькія ноги, обутыя въ высокіе валеные сапожки, отороченные мѣхомъ. Она смѣялась и бросала въ слѣдъ катившимся куски скатаннаго снѣга.

— Лотта, Лотта, катись за нами! кричали ей снизу.

— На чемъ я покачусь? на своей шубкѣ? Возвращайтесь скорѣе съ санками.

Потомъ, подобравши шубку, она стала усаживаться въ широкія, но все же слишкомъ тѣсныя для взрослаго человѣка, санки къ общему веселью дѣтей.

— Ну, кто со мною?

— Я! я! и я! и я, Лотхенъ, и я!

— Ну, валисЬ всѢ кучей!

И она сгребла дѢйствительно смѢющейся и визжавшей кучей всѢхъ желающихъ. Санки тронулисЬ. Отъ неправилЬной тяжести свернули въ сугробъ, опрокинулисЬ и всѢ пассажиры разсыпалисЬ и покатилисЬ уже самостоятелЬно, безъ санокъ въ разныя стороны, теряя шапки, рукавички, мелЬкая ногами въ теплЬыхъ пестрЬыхъ чулкахъ, крича отъ испуга и восторга. Сама Шарлотта долго не могла встатЬ отъ смѢха. Наконецъ ее подняли общими усиліями и она, отряхнувшисЬ отъ снѢга, легкой походкой въ кругу дѢтей отправиласЬ къ дому.

Каліостро, снявъ шапку, спросилъ:

— Какъ пройти къ г-ну Медемъ?

Дѣвушка остановиласЬ въ нѢкоторомъ изумленіи.

— ВЬı къ папѢ?

— Я къ графу Медемъ, я не знаю, батюшка ли онъ вамъ.

— Да. Это мой отецъ. У меня еще естЬ дядя, тоже Медемъ... Я сейчасъ васъ проведу. Подождите, дѢти, не ходите за мною и поклонитесЬ господину.

— Не безпокойтесЬ, я самъ дойду, вЬı мнѢ толЬко укажите входъ. Я не хочу мѢшатЬ вашимъ развлеченіямъ.

Дѣвушка покраснѢла.

— ВЬı давно смотрите, какъ мЬı дурачимся?

— ДоволЬно.

— ВЬı навѢрное подумали: какая глупая дѣвушка, уже взрослая и возится съ ребятами. Я люблю дѢтей.

— Это дѢлаетъ честЬ вашему доброму сердцу.

— Ахъ, Лотта такая добрая, такая добрая.

— Сестрица совсѢмъ какъ ангелъ!

— Тише, дѢти тише!

— Это ваши братЬя и сестрЬı? спросилъ графъ.

— Не всѢ.

— НѢтъ, всѢ, тЬı всѢмъ сестрица, всѢмъ!

— Видите, какъ васъ любятъ.

Шарлотта стояла, опершись рукою на голову самаго маленькаго и улыбаясь, отвѣтила:
— Вы ихъ простите, сударь, они маленькіе дикари и говорятъ безъ прикрасъ. И еще простите, что случайно вамъ пришлось попасться въ такое шумное общество.
— Мнѣ случай далъ возможность быть свидѣтелемъ очаровательной сцены.
— Благодарю васъ! отвѣтила дѣвушка, присѣдая, потомъ, указавъ графу подъѣздъ и подождавъ нѣсколько секундъ, вдругъ спросила вдогонку:
— Вы не изъ Берлина, сударь?
— Моя послѣдняя остановка была въ Кенигсбергѣ, но я былъ и въ Берлинѣ.
— Вы графъ Каліостро?
— Да, это я.
— Васъ ждутъ.
Графъ поклонился и продолжалъ идти къ высокому крыльцу.

2.

Если вообще Каліостро ждали въ семействѣ Медемъ, то въ данный вечеръ, казалось, никто не былъ приготовленъ къ его появленію.
Два брата Медемъ, нотаріусъ Гинцъ и г-жа Кайзерлингъ спокойно играли въ карты при свѣчахъ и со спущенными шторами. Графиня Медемъ, г-жа Биренъ и молодая г-жа Гратгаузъ рядомъ вязали за кругломъ столомъ, въ сосѣдней комнатѣ кто-то игралъ на фортепьяно; при каждомъ громкомъ пассажѣ собачка поднимала голову и ворчала, а г-жа Кайзерлингъ, не отрываясь отъ картъ, кричала:
— Тихо, Фридъ! это совѣтникъ Швандеръ играетъ Гайдна. Все въ порядкѣ.

Черезъ три комнаты служанка рѣзала хлѣбъ и разставляла тарелки, парень съ фонаремъ стоялъ у порога, принеся молоко съ погреба, и говорилъ о погодѣ.

Все было въ порядкѣ, все было какъ всегда, въ этотъ мирный митавскій вечеръ.

Пріѣздъ незнакомаго человѣка нарушилъ спокойствіе ужина. Прочитавъ переданное ему письмо, Медемъ поцѣловался съ графомъ и, показавъ на него рукою своимъ семейнымъ, произнесъ:

— Это онъ.

Когда дошла очередь пожать руку Каліостро до совѣтника Швандера, послѣдній, посмотрѣвъ на гостя поверхъ очковъ, спросилъ:

— Не графъ ли Фениксъ вы въ одно и то же время?

— Да, я иногда называюсь и этимъ именемъ, когда нужно соблюдать особенную тайну. Я думаю, что это не мѣняетъ дѣла.

— О, конечно! Намъ писалъ о васъ майоръ Корфъ.

— Изъ Кенигсберга?

— Вы угадали.

Каліостро нахмурился. Г-жа Кайзерлингъ, складывая и раскладывая карты, которыя она держала въ рукѣ, замѣтила про себя:

— Совѣтникъ вѣренъ себѣ, какъ часы!

Каліостро сдержанно словно съ неохотой произнесъ:

— г. Корфъ прекрасный человѣкъ, насколько я могу судить...

— Прекрасный, вполнѣ достойный! съ ударень емъ подтвердилъ Швандеръ.

... но иногда легкомысленно судитъ о вещахъ и людяхъ, которые заслуживаютъ болѣе осмотрительнаго отношенія къ нимъ!

— Вы отлично говорите, но я думаю, что въ вещахъ важныхъ именно эта-то осмотрительность и руководитъ всегда майоромъ.

Графъ очевидно начиналъ приходить въ волненье и даже нѣкоторый гнѣвъ. Осмотрѣвшись, онъ говорилъ:

— Меня удивляетъ ваше недовѣріе, господа. Когда я снабженъ такими письмами отъ обществъ...

— Вы ихъ показывали и въ Кенигсбергѣ?
— Конечно!
— И однако они не убѣдили майора!
Каліостро только мигнулъ глазами и продолжалъ:
— Я пріѣзжаю въ дикую и варварскую страну...
— Позвольте, господинъ гость! не слѣдуетъ порочить тѣхъ людей, которые оказываютъ вамъ гостепріимство. Мы вовсе не такъ дики, какъ вамъ угодно думать: у насъ есть посвященные и общество, кромѣ того почтенный докторъ Штаркъ уже давно преподаетъ намъ церемоніальную магію.
— Церемоніальная магія! нетерпѣливо воскликнулъ графъ и обернулся.
На порогѣ стояла Анна-Шарлотта Медемъ, окруженная тѣми же дѣтьми. Каліостро быстро подошелъ къ нимъ. 44
— Тутъ есть какой-нибудь ребенокъ не здѣшній?
— Какъ не здѣшній? спросила Шарлотта,—они всѣ изъ Митавы.
— Я хотѣлъ сказать, не изъ этого дома.
— Вотъ маленькій Оскаръ Ховенъ, ему давно пора домой! отвѣтила дѣвушка, выдвигая впередъ мальчика лѣтъ шести.
— Нѣтъ! проговорилъ тотъ упираясь.
— Какъ, ты не Оскаръ Ховенъ?
— Не надо домой!
— Пусть онъ останется на полчаса! сказалъ Каліостро и затѣмъ продолжалъ властно, будто отдавая приказаніе.
— Остальныя дѣти пусть удалятся. Пошлите письмо къ г-жѣ Ховенъ, пусть узнаютъ, что она дѣлала въ семь часовъ, подробно и точно. Здѣсь все свои?
Медемъ молча наклонилъ голову въ знакъ утвержденія.
Заперевъ двери, Каліостро положилъ руки на голову маленькаго Оскара и поднялъ глаза къ небу, словно въ мысленной молитвѣ. Затѣмъ произнесъ страннымъ голосомъ, совсѣмъ не тѣмъ, что говорилъ до сихъ поръ:
— Дитя мое, вотъ книжка съ картинками, ты увидишь тамъ маму. Говори все, что замѣтишь.

При этомъ онъ обѣ руки сложилъ тетрадкой и помѣстилъ ихъ ладонями къ глазамъ малютки. Тотъ вздыхалъ и молчалъ, его лобъ покрылся испариной. Было такъ тихо, что было слышно, какъ потрескиваютъ восковыя свѣчи на карточномъ столѣ и тихонько ворочается собака.

— Говори! повторилъ Каліостро еле слышно.

— Мама... мама шьетъ и сестрица Труда шьетъ. Мама уходитъ, кладетъ шитье, подвигаетъ скамеечку подъ диванъ... сестрица одна... ай, ай! что это съ сестрицей? какъ она поблѣднѣла... держитъ руку у сердца.. Вотъ опять мама, она цѣлуетъ Труду, помогаетъ ей встать... А вотъ пришелъ Фридрихъ... онъ въ шапкѣ... кладетъ ее на сундукъ... обнимаетъ маму... Труда улыбается... Фридрихъ очень красный...

45

Ребенокъ умолкъ. Всѣ оставались неподвижно на мѣстахъ, часы тикали. Лицо мальчика перестало быть напряженнымъ и онъ заснулъ спокойно. Въ двери постучали.

Въ письмѣ г-жи Ховенъ было написано.

— Въ семь часовъ я шила съ Гертрудой, потомъ вышла по хозяйству. Вернувшись въ комнату, я увидѣла, что съ дочерью сердечный припадокъ, она была страшно блѣдна и рукою держалась за сердце. Я очень испугалась, стала ее цѣловать, стараясь перевести въ спальню. Тутъ совершенно неожиданно для насъ вошелъ Фридрихъ, который вернулся изъ имѣнія раньше срока и котораго мы считали за десять верстъ отъ Митавы. Дочери стало легче, такъ что она даже стала улыбаться. Тутъ пришелъ вашъ посланный, и вотъ я пишу.

Медемъ читалъ письмо вслухъ. Не поспѣлъ онъ его окончить, какъ Шарлотта черезъ всю комнату бросилась къ Каліостро, смѣясь и плача стала цѣловать ему руки и колѣни, восклицая словно изступленная:

— Дождались, дождались! о, учитель! какой счастливый день!

— Милое дитя! нѣжно сказалъ Каліостро, цѣлуя Шарлотту въ лобъ и поднимая ее съ пола.

Графъ Медемъ почтительно подошелъ къ Каліостро и сказалъ, наклоняя голову:

— Учитель, простите ли вы нашу недовѣрчивость, наше сомнѣніе? Повѣрьте, только желаніе искренняго разсмотрѣнія и добросовѣстность заставили насъ не сразу раскрыть сердца. Дни лукавы, а враговъ у братьевъ не мало.

3.

Порывъ Шарлотты никого повидимому не удивилъ. Она была извѣстна, какъ дѣвушка экзальтированная, порывистая и перемѣнчивая. Обладая острымъ, слегка насмѣшливымъ умомъ, прекраснымъ и благороднымъ сердцемъ, дѣтскимъ и мечтательнымъ характеромъ, она пользовалась большимъ вліяніемъ не только въ семейномъ кругу и у митавскихъ масоновъ, но у многихъ людей, даже мало ее знавшихъ, такъ что ея мнѣнія и поступки иногда служили совершенно неожиданными примѣрами. Но въ кружкѣ Медемовъ перемѣны настроеній непостоянной Шарлотты дѣйствовали можетъ быть болѣе, чѣмъ слѣдовало и отражались неизмѣнно, какъ давленіе атмосферы на барометръ. Такъ что Каліостро даже самъ не предполагалъ, какую одержалъ побѣду, покоривъ сердце дѣвушки. 46

Кромѣ того, имѣя черезъ отца большія связи, Анна Шарлотта ихъ энергично поддерживала, будучи яростной корреспонденткой и, сидя въ Митавѣ, имѣла новости, привязанности, порученія, дѣла, бездѣліе, свѣдѣнія о книгахъ, автографы знаменитостей почти изъ всѣхъ городовъ Германіи, Россіи, Польши, Франціи и Англіи. Она знала почти всѣ европейскіе языки и была хорошей музыкантшей, играя на фортепьяно, скрипкѣ и арфѣ и обладая пріятнымъ, нѣсколько сухимъ голосомъ.

На слѣдующее утро Лоренцѣ сдѣлали визитъ Шарлотта съ матерью, ея тетка, г-жа Кайзерлингъ и другія дамы ихъ кружка,

а скоро графъ и графиня переселились къ Медемамъ, чтобы Каліостро удобнѣе было наставлять своихъ новыхъ учениковъ. Пошли весенніе дожди, не позволяя часто выходить изъ дому. Каліостро былъ всецѣло занятъ устройствомъ новой ложи и даже часть дома Медемовъ передѣлывали спеціально, чтобы можно было собираться и дѣлать опыты ясновидѣнья, точно слѣдуя указаніямъ новаго учителя. Лоренца нѣсколько скучала, хотя и подружилась съ Шарлоттой. Но идеалистическая экзальтированность дѣвицы Медемъ не очень нравилась итальянкѣ и была ей даже непонятна, такъ что графиня чаще проводила вечера за картами съ пожилыми дамами.

Это было уже въ началѣ Апрѣля. Графъ пошелъ погулять по уединенной дорогѣ, рѣдко обсаженной березами и ведущей къ кладбищу.

На серединѣ пути было выстроено довольно неуклюжее круглое сооруженіе съ тремя окнами, называвшееся ‚кладбищенской бесѣдкой', куда никто не заходилъ, такъ какъ оно стояло въ сторонѣ и казалось мало привлекательнымъ съ виду. Сюда-то и зашелъ Каліостро не столько отдохнуть, сколько для того, чтобы остановить быстро бѣгущія мысли, которыя рисовали уже ему Петербургъ, куда онъ намѣревался отправиться, дворъ, сѣверную Семирамиду, будущую свою славу, вліяніе и новыя путешествія, новые успѣхи, новые ученики. Каліостро отгонялъ эти мысли, но когда случалось ему быстро ходить, особенно одному, всегда эти картины, эти мечты приходили ему въ голову. На этотъ разъ графу показалось, что его мѣсто уже занято, такъ какъ изъ бесѣдки раздавались голоса, но оказалось, что внутри никого не было. Каліостро заглянулъ въ окно; оказалось, что по другую сторону зданія, гдѣ былъ пустырь, находилась скамейка, гдѣ теперь сидѣло двое молодыхъ людей, одного изъ которыхъ графъ сейчасъ же узналъ за брата Анны-Шарлотты, молодаго Амедея Медемъ, другой ему былъ неизвѣстенъ. Они продолжали разговоръ громко, очевидно не думая, что ихъ кто-нибудь услышитъ, къ тому же зная, что мѣсто очень пустынно.

— Я такъ измучился въ разлукѣ! говорилъ тотъ, кого графъ не зналъ,—я считалъ не только дни, часы тамъ, вдалекѣ отъ всѣхъ васъ, отъ тебя, отъ ненаглядной Шарлотты... Помнитъ ли она обо мнѣ?

— Она тебя любитъ по прежнему... но теперь... отецъ вѣдь запретилъ говорить о тебѣ послѣ того, какъ ты поссорился со своимъ батюшкой...

— Съ тѣхъ поръ, какъ разнесся слухъ, что отецъ лишилъ меня наслѣдства и выгналъ изъ дома?

— Зачѣмъ такъ горько говорить? конечно, отецъ, желая сдѣлать свою дочь счастливой, не можетъ опираться на одни твои чувства.

— А и на капиталъ?

— Не на капиталъ, а на твое положеніе и доброе имя. Сестра и сама могла бы всѣмъ пренебречь, если бы...

— Если бы меня любила?

— Она тебя любитъ, Петръ. Ты не можешь ничего сказать противъ этого. Это вѣрно. Но она не хотѣла огорчать отца. Вообще здѣсь всѣ противъ тебя очень возстановлены.

— И это изъ-за дѣтской шалости!

— Изъ-за дѣтской шалости!

Молодые люди помолчали. Потомъ Амедей спросилъ:

— Какъ ты вернулся? ты помирился съ барономъ, или этотъ пріѣздъ навлечетъ на тебя еще больший гнѣвъ?

— Слышно было, что тотъ только вздохнулъ.

— Что же, Петръ, ты не отвѣчаешь или ты уже не считаешь меня своимъ другомъ?

— Я не измѣнился, я все тотъ же Петръ Биренъ, но я никому бы не посовѣтывалъ уѣзжать на полгода; самыя крѣпкія, самыя священныя привязанности не выдерживаютъ такого срока. О, Лотта!

— Я тебя увѣряю, что сестра моя любитъ тебя по прежнему. И вотъ что я предложу тебѣ! Если ты явился тайкомъ и не хочешь, чтобы тебя видѣли, поселись въ моей рабочей комнатѣ,

туда никто не ходитъ, а обѣдъ я тебѣ буду носить, какъ тюремщикъ. Можетъ быть, я даже намекну Лоттѣ и устрою вамъ маленькое свиданіе.

— Амедей, ты настоящій другъ!

— А ты не вѣрилъ этому? Но пойдемъ. Становится темно. Но все-таки въ Митавѣ трудно прожить инкогнито...

Дѣйствительно, становилось темно, въ зеленоватомъ небѣ засвѣтились звѣзды и едва можно было различить лужи на дорогѣ. Каліостро, подождавъ, когда уйдутъ друзья, сталъ уходить тоже, какъ вдругъ ему показалось, что по дорогѣ мелькнула сѣрая тѣнь. Будучи полонъ только что слышаннаго разговора, графъ крикнулъ въ сумерки: Шарлотта! Анна-Шарлотта!

Тѣнь остановилась. Каліостро быстро по лужамъ подошелъ къ ней; дѣйствительно, это была сестра Амедея. Она была въ сѣромъ плащѣ и вся дрожала.

— Отчего вы здѣсь, дитя мое, и въ такой часъ?

Желая преодолѣть волненіе, она отвѣтила, стуча зубами:

— Я могла бы задать тотъ же самый вопросъ вамъ, графъ.

— Мнѣ никто не можетъ задавать вопросовъ. Но вы вся дрожите, вамъ холодно... Куда вы идете?

— Туда! отвѣтила дѣвушка тоскливо, протягивая руку впередъ.

— На кладбище?

Шарлотта кивнула головою.

— Зачѣмъ? что за безуміе!

— Къ брату.

— Къ вашему брату Амедею?

— Нѣтъ, къ моему брату Ульриху!

Она отвѣчала монотонно и уныло, вродѣ ясновидящей, была совершенно непохожа на ту Лотту, что каталась съ горы въ дѣтской кучѣ, но Каліостро, успѣвшій нѣсколько привыкнуть къ характеру Анны-Шарлотты, уже не удивился этимъ перемѣнамъ. Между тѣмъ дѣвушка продолжала:

— Мой братъ Ульрихъ скончался прошлый годъ... О, ни одна душа не была мнѣ такъ близка, какъ его! Она и послѣ смерти имѣетъ постоянныя сношенія со мною. Я слышу его голосъ.. чувствую его мысли, желанія!... Это странное и сладкое блаженство. Учитель, не препятствуйте мнѣ.

Она продолжала дрожать и казалось, сію минуту могла упасть. Каліостро взялъ ее за руку.

— Развѣ вашъ братъ здѣсь похороненъ?

— Нѣтъ, онъ похороненъ въ Страсбургѣ, но онъ любилъ это мѣсто и его душа охотно сюда прилетаетъ.

— Успокойтесь! Она уже здѣсь. Вы слышите?

Выплыла неполная и блѣдная луна, освѣтивъ лужи и колонны бесѣдки; тихій вѣтеръ качнулъ прутья березъ. Шарлотта закрыла глаза и склонилась на плечо Каліостро.

— Да, я слышу, я чувствую! какъ хорошо! шептала она.

Графъ повелъ ее домой, закрывъ отъ сырости полой своего плаща и поддерживая одной рукою. Она едва передвигала ноги и улыбалась, какъ больная. Тѣни отъ голыхъ деревьевъ смутнымъ рисункомъ бродили по лицу и фигурѣ идущихъ.

— Учитель, не оставляйте меня! сказала Шарлотта.

Каліостро, помолчавъ, отвѣтилъ.

— Скорѣе вы меня оставите, дитя мое, чѣмъ я васъ покину.

— Я васъ оставлю? это можетъ случиться, если вы оставите сами себя! съ жаромъ прошептала Шарлотта и снова склонилась на его плечо.

4.

Старуха Медемъ видимо была разстроена и невнимательно слушала Шарлотту. Та сидѣла на низенькомъ табуретѣ и пѣла, акомпанируя себѣ на арфѣ. Казалось, дѣвушка похудѣла, хотя

лицо ея не было меланхолическимъ, а освѣщалось скрытой, чуть теплившейся надеждой. Послѣдніе дни Анна-Шарлотта была особенно неровна, то молча сидя часами, то вдругъ прорываясь какой-то буйной радостью. Сегодня былъ день тихой, элегической грусти. И романсъ, который она пѣла, подходилъ къ ея настроенію. Въ немъ говорилось о разлученныхъ влюбленныхъ, которые одиноко повѣряютъ свои жалобы, одна—лѣснымъ деревьямъ, другой—морскимъ волнамъ, и арфа передавала то влюбленные стоны, то шумъ дубравы, то морской тихій прибой. Окончивъ пѣсню, дѣвушка не поднималась, а разсѣянно перебирала струны, словно не желая, чтобы звуки улетѣли безслѣдно.

— Чьи это слова, Лотта? я что-то позабыла.

— Чьи это слова? задумчиво повторила Шарлотта и поправила волосы.

— Да. Ты сама вѣрно не знаешь.

— Нѣтъ, я знаю очень хорошо.

— Чьи же?

Шарлотта улыбнулась.

— Имени этого поэта я не могу произносить въ вашемъ домѣ.

— Что за странное выраженіе ‚въ вашемъ домѣ‘? Развѣ домъ твоихъ родителей вмѣстѣ съ тѣмъ не твой домъ, дитя мое?

— Конечно такъ, но не я устанавливаю въ немъ разныя правила и запрещенія, я подчиняюсь и нисколько не выражаю неудовольствія.

— Можно подумать, что ты въ тюрьмѣ.

— Никто этого не подумаетъ, милая мама, и я не думаю.

Мать подошла къ Шарлоттѣ, все продолжавшей сидѣть на табуреткѣ и прижала ея голову къ своей груди.

— Любишь? спросила она помолчавъ.

Дѣвушка отвѣтила, слегка усмѣхаясь.

— Ты видишь, я благоразумна и скрываю довольно хорошо свои чувства. Я не настолько люблю того, кого нельзя здѣсь называть, чтобы изъ-за этой привязанности забыть все, но я ни

за кого не пойду замужъ, кромѣ какъ за него. Я думаю, что я этимъ никому не причиняю огорченія.

— Бѣдная Лотта! проговорила г-жа Медемъ и задумалась.

— Но, мама, что съ тобою? ты сама чѣмъ-то разстроена.

— Нѣтъ, ничего!

— Ну какъ же ничего! Я вижу, чувствую. Ты не сможетъ обмануть моего сердца. Скажи, дорогая, скажи, какъ я тебѣ сказала.

Г-жа Медемъ вздохнула и тихо отвѣтила.

— Очень горестно ошибаться въ людяхъ, встрѣчать вмѣсто дружескаго участія черствый педантизмъ. Особенно въ тѣхъ людяхъ, къ которымъ идешь съ открытымъ сердцемъ...

Не зная, къ чему ведетъ свою рѣчь старая дама, Шарлотта глядѣла вопросительно и молчала, ожидая продолженія.

— У меня случились маленькія денежныя затрудненія, которыя мнѣ не хотѣлось доводить до свѣдѣнія мужа и твоего дяди. Собственно говоря, это дѣло, подробности котораго тебѣ нѣтъ необходимости знать, меня не очень огорчаетъ. Меня огорчило совсѣмъ другое обстоятельство, имѣющее впрочемъ касательство къ этому дѣлу... Я обратилась къ графу...

— Къ графу Каліостро? спросила дочь, нахмурившись.

— Да, къ графу Каліостро, нашему учителю и другу.

— Простите, мама, что я васъ перебиваю... Но что вамъ нужно было, деньги?

— Если хочешь, деньги, притомъ такія, о которыхъ никто бы не зналъ. Я попросила графа придти мнѣ на помощь и употребить свои знанія въ алхиміи и свой опытъ въ увеличиваньи брильянтовъ.

— Но, мама! воскликнула съ упрекомъ младшая Медемъ и даже слегка отстранилась отъ матери.

— Что ‚мама‘? Онъ сдѣлалъ бы доброе дѣло и поступилъ бы дружески по отношенію къ нашему семейству. Докторъ Штаркъ, несомнѣнно, это бы сдѣлалъ.

Шарлотта молчала, крайне взволнованная. Наконецъ беззвучно спросила:

— И что же графъ?

— Отказалъ... наотрѣзъ отказалъ. Сказалъ, что это все временныя заботы (будто я не знаю, что это затрудненье временное! но я не святая!), что знанье преслѣдуетъ другія цѣли, цѣлую кучу вещей! Былъ надменъ и непріятенъ. Боюсь, что наша дружба его портитъ.

Старуха хлопнула табакеркой и недовольно умолкла.

Молчала и Шарлотта, лицо ея сіяло, изъ глазъ текли слезы. Наконецъ она сползла къ колѣнямъ матери и заговорила восторженнымъ голосомъ:

— Онъ отказался, благодаренье Небу! Онъ отказался, а ты такъ просила! Милый графъ, дорогой учитель, вы выдержали большое испытанье! Мама, мама, не огорчайтесь, вы были только орудіемъ въ Божьихъ рукахъ. А затрудненія, они минуютъ! Богъ пошлетъ своего слугу, можетъ быть, онъ уже на порогѣ, чтобы избавить насъ слабыхъ и отъ этихъ мелкихъ заботъ!

Она цѣловала и гладила старую даму, какъ вдругъ, взглянувъ въ зеркало, вскрикнула и вскочила.

— Графъ, и съ нимъ... и съ нимъ баронъ Петръ фонъ-Биренъ!

— Шарлотта! строго начала г-жа Медемъ.

— Разъ онъ идетъ подъ руку съ графомъ Каліостро, значитъ можно произносить его имя: Петръ фонъ Биренъ, Петръ-фонъ Биренъ! возлюбленный мой.

И дѣвушка спрятала свое пылающее лицо на груди г-жи Медемъ, которая, выпрямившись и насторожившись, смотрѣла на двери.

На порогѣ, улыбаясь показался графъ подъ руку съ высокимъ молодымъ человѣкомъ съ маленькой головой, прямымъ носомъ и выдающимся подбородкомъ. Онъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ, вертѣлъ въ слишкомъ длинныхъ рукахъ треуголку, вообще казалось, что Каліостро насильно тащитъ упирающагося юношу.

Не давъ времени заговоритъ г-жѣ Медемъ, графъ быстро и громко началъ:

— Анна-Шарлотта права: имя этого молодого человѣка можетъ звучать въ этомъ домѣ, какъ имя всякаго благороднаго и честнаго человѣка. Г-жа Медемъ, баронъ Петръ фонъ Биренъ является, какъ отвѣтъ на ваше желаніе. Онъ помирился со своимъ отцомъ, со своею совѣстью и возстановляется во всѣхъ своихъ правахъ. Только черствыя сердца могутъ помнить прошлое, заглаженное раскаяньемъ и добродѣтелью, зло. Примите юношу изъ моихъ рукъ. Еще прибавлю: Петръ Биренъ любитъ вашу дочь и она—его. Не слѣдуетъ тушить чистаго пламени ихъ сердецъ, чтобы ихъ души, ожесточившись, не загорѣлись тусклымъ огнемъ страсти. Г-жа Медемъ, я обращаюсь къ вамъ, какъ къ матери, какъ къ благородной и великодушной женщинѣ, какъ къ ученицѣ—взгляните на нихъ! у васъ доброе сердце. Благословите ихъ. Убѣдить вашего супруга берусь я.

Г-жа Медемъ долго молчала, смотря то на пришедшихъ, то на застывшую на ея груди Шарлотту. Наконецъ сказала:

— Добро пожаловать, молодой другъ.

Каліостро зааплодировалъ, проворчавъ: „браво свату", и толкалъ барона, чтобы тотъ скорѣе цѣловалъ руку у будущей тещи, какъ вдругъ Шарлотта, поднявъ свое заплаканное и смѣющееся лицо, бросилась черезъ всю комнату не къ Бирену, а къ арфѣ, быстро опустилась на табуретъ, рванула струны и, закинувъ голову, запѣла полнымъ голосомъ, на этотъ разъ не казавшимся даже сухимъ.

— Творца прославимъ: Онъ Великъ!
Любовь—Онъ и благоволенье.
Святимъ въ сердцахъ Господенъ Ликъ,
Любви небесной отраженье.

Г-жа Медемъ стояла растроганная, прижавъ платокъ къ глазамъ, опираясь съ одной стороны на во весь ротъ улыбавшагося графа, съ другой на барона фонъ Бирена, не отводившаго воспаленныхъ и восторженныхъ глазъ съ закинутой головы

пѣвицы. На порогѣ показался г. Медемъ, увидя группу, остановился, приложивъ палецъ къ губамъ, будто прося не прерывать музыки, такъ какъ онъ все понялъ и на все согласился.

5.

Деревья уже покрылись зеленымъ пухомъ, дороги просохли, запѣли птицы, пастухи уже недѣли двѣ выгоняли стада въ поле; графъ устроилъ особенную ложу, посвятивъ все семейство Медемъ, ихъ родственниковъ, семейство Ховенъ, совѣтника Швандера, нотаріуса Гинца, доктора Либе и даже кенигсбергскаго майора Корфа, бывшаго гонителя Каліостро, теперь пріѣхавшаго въ Митаву и сдѣлавшагося однимъ изъ самыхъ ревностныхъ учениковъ новаго учителя. Графъ дѣлалъ послѣднія наставленія и проводилъ послѣдніе дни въ кругу друзей, собираясь вскорѣ отправиться въ Петербургъ. Предстоящее путешествіе не очень нравилось митавцамъ, расчитывавшимъ, что Каліостро надолго, если не навсегда, останется въ ихъ городѣ, но наставникъ понималъ, что его дѣятельность не можетъ ограничиться Курляндіей и что, несмотря на крѣпкія сердечныя привязанности, путь его лежитъ все дальше и дальше. Семейство Медемъ считало его вполнѣ за своего человѣка, особенно Анна-Шарлотта и ея женихъ, видѣвшіе въ Каліостро благодѣтеля и виновника ихъ счастья. Они мечтали, что онъ отложитъ свой отъѣздъ до дня ихъ свадьбы, но Шарлотта не просила объ этомъ, зная, что дѣла болѣе важныя, чѣмъ ея личная судьба, занимаютъ графа, и втайнѣ надѣясь, что къ концу мая онъ вернется въ Митаву. Самъ Каліостро былъ озабоченъ и нѣсколько разсѣянъ; часто во время бесѣдъ онъ умолкалъ, всѣ молча ждали его слова, черезъ минуту онъ проводилъ рукою по глазамъ, извинялся и продолжалъ свою рѣчь усталымъ разбитымъ голосомъ.

13 мая было назначено послѣднее собраніе. Лоренца уже уложила сундуки и баулы, потому что на раннее утро были заказаны лошади.

Всѣ были печальны и нервны, какъ передъ отъѣздомъ. По обыкновенію, въ комнату, гдѣ стоялъ столъ съ графиномъ чистой воды, заперли ‚голубя' (на этотъ разъ маленькаго Оскара Ховена, какъ и въ день пріѣзда Каліостро) и, прочитавъ молитвы, сначала спрашивали у него, видитъ ли онъ, что дѣлается въ залѣ, чтобы знать, готовъ ли онъ принять видѣнія. По знаку Каліостро, Шарлотта опустилась передъ нимъ на колѣни, держа въ рукахъ карманные часики. Самъ графъ стоялъ у двери въ маленькую комнату, чтобы лучше слышать отвѣты голубя.

— Видишь ли ты насъ? спрашиваетъ графъ.

— Вижу! раздается изъ-за двери.

— Что дѣлаетъ Анна-Шарлотта?

— Стоитъ передъ тобой на колѣняхъ, въ рукахъ у нея часы, на часахъ десять часовъ.

Все это вполнѣ соотвѣтствовало происходившему.

— Что ты еще видишь?

За дверями было тихо.

— Что ты еще видишь?

Опять не было отвѣта. Всѣ молчали и напряженно ждали. Шарлотта такъ и осталась, не вставая съ колѣнъ. Вдругъ въ голубиной комнатѣ нѣжно и внятно прозвучалъ поцѣлуй.

— О небо! прошептала Шарлотта.

Повременивъ, Каліостро снова спросилъ:

— Что ты видишь?

— Духа, онъ въ бѣлой одеждѣ, на ней кровавый крестъ.

— Какое у него лицо, милостивое или гнѣвное?

— Я не вижу, онъ закрылъ лицо руками.

— Спроси объ имени?

— Онъ молчитъ.

— Спроси еще разъ.

— Онъ продолжаетъ молчать.
— Спроси какъ слѣдуетъ.
— Онъ говоритъ... онъ говоритъ, что позабылъ свое имя.
Каліостро поблѣднѣлъ и произнесъ дрожащимъ голосомъ.
— Что ты еще видишь?
Молчаніе. И снова нѣжно и внятно прозвучалъ поцѣлуй.
— Среди насъ Іуда! закричалъ на весь залъ графъ, смотря пылающимъ взглядомъ на Анну-Шарлотту; та закрыла лицо руками, поднялась среди общаго смятенія, но, когда отведя руки, взглянула на неподвижнаго Каліостро, то съ крикомъ: ‚онъ самъ‘ упала на полъ, какъ бездыханная.

6.

Лоренца долго не могла привыкнуть къ петербургскимъ бѣлымъ ночамъ, она занавѣшивала тремя занавѣсками небольшія окна ихъ квартиры близъ лѣтняго сада, закрывалась съ головою одѣяломъ, даже прятала голову подъ подушку, напрасно: болѣзненная бѣлизна, словно тонкій воздухъ или запахъ, проникала черезъ всѣ препятствія и томила душу, заставляла ныть сердце и кровь останавливаться.
— Ахъ, Александръ, я не могу! говорила графиня, мы живемъ слишкомъ близко къ полюсу!
На Каліостро цѣлодневное свѣтло не производило такого болѣзненнаго впечатлѣнія, наоборотъ эти ночи нравились ему и удивляли его, какъ и все въ этомъ странномъ городѣ. Ему даже казалось, что призрачный свѣтъ самое подходящее освѣщеніе для призрачнаго плоскаго города, гдѣ полныя воды Невы и каналовъ, широкія перспективы улицъ, какъ рѣки ровная зелень стриженныхъ садовъ, низкое стеклянное небо и всегда чувствуемая близость болотнаго неподвижнаго моря, все заставляетъ бояться, что вотъ пробьютъ часы, пѣтухъ закри-

читъ,—и все: и городъ, и рѣка, и бѣлоглазые люди исчезнутъ и обратятся въ ровное водяное пространство, отражая желтизну ночного стекляннаго неба. Все будетъ ровно, свѣтло и сумрачно, какъ до сотворенія мира, когда еще Духъ не леталъ надъ бездной.

Дни были ясные, холодные и очень вѣтренные, пыль столбами носилась по улицамъ, крутилась около площадей и рынковъ, флаги бились кверху, нѣкоторые офицеры ѣздили съ муфтами и сарафаны торговокъ задирались выше головы.

Первые шаги Каліостро въ новомъ городѣ были не совсѣмъ удачны. Свиданье съ майоромъ Гейкингъ, молодымъ кирасиромъ, повело къ обоюдному неудовольствію, почти ссорѣ. Графъ въ первый свой визитъ не засталъ барона Гейкинга, который на слѣдующее утро почтительно и пріѣхалъ къ Каліостро. Но новый учитель не понравился молодому офицеру. Разстегнутый воротъ домашняго платья, красное толстое лицо, сверкающіе глаза, перстни съ огромными (барону показались фальшивыми) камнями, быстрыя движенія, ломанный, полу-французскій, полуитальянскій языкъ, напыщенные обороты рѣчи, властное обращеніе—все заставляло его думать, что онъ видитъ передъ собою зазнавшагося шарлатана. Это впечатлѣніе не ускользнуло отъ вниманія Каліостро. Онъ пересталъ бѣгать по комнатѣ и, круто обернувшись, прокричалъ:

— Вы сомнѣваетесь? но я васъ заставлю трепетать! Баронъ усмѣхнулся и замѣтилъ сквозь зубы:

— Имѣйте въ виду, что я способенъ дрожать только отъ лихорадки.

Каліостро все больше и больше вскипалъ. Опустивъ одну руку въ карманъ, гдѣ бренчали монеты, и выставивъ другую въ перстняхъ, онъ произнесъ:

— Видите эти брильянты, слышите золото? Это добыто моими знаніями, высокой наукой.

Гейкингъ молча опустилъ глаза, будто стыдясь за своего собесѣдника. Графъ внѣ себя заоралъ:

— У васъ есть умершій дядя!
— Есть. Это ни для кого не секретъ.
— Сейчасъ я вызову его тѣнь, дерзкій мальчикъ.
— Вызывайте, но съ однимъ условіемъ. Я выстрѣлю въ него изъ пистолета. Для тѣни это безопасно.
Каліостро секунду смотрѣлъ на барона, потомъ бомбой вылетѣлъ изъ комнаты. Гейкингъ пожалъ плечами и сталъ тихо ходить по ковру, позвякивая шпорами. Лоренца, слышавшая всю эту сцену, ломала руки, не зная, что сдѣлаетъ графъ, но минутъ черезъ пять Каліостро появился переодѣтымъ въ парадный кафтанъ и вѣжливо произнесъ:
— Можетъ быть, г. баронъ не откажется откушать кофе?
Гейкингъ отказался, они поговорили нѣсколько минутъ объ общихъ митавскихъ знакомыхъ и разстались, но офицеръ не могъ позабыть смѣшного и подозрительнаго впечатлѣнія, которое произвелъ на него Каліостро, и разсказы Гейкингъ о его свиданіи съ графомъ не мало повредили послѣднему.

Баронъ Карберонъ (впрочемъ онъ получилъ баронскій титулъ только въ 1781 г.), наоборотъ, отнесся очень привѣтливо и радушно къ нашему герою. Онъ былъ убѣжденный духовидецъ, петербургскій масонъ и большой другъ Мелиссино, съ которымъ вскорѣ и познакомился Каліостро. Выходку барона Гейкинга они объясняли тѣмъ, что тотъ имѣетъ надменный характеръ и кромѣ того очень гордъ своею принадлежностью къ берлинской Ландложѣ, которая вообще нѣсколько пренебрежительно относится къ шведскимъ и англійскимъ масонамъ.
Карберонъ устроилъ графу и пріемъ ко двору. Императрица приняла Каліостро съ улыбкой, но милостиво. Она уже охладѣла къ масонамъ и хотя не преслѣдовала ихъ, но далеко не такъ покровительствовала, какъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Къ тому же она убѣдилась, что они не такъ ей полезны какъ она предполагала, а мечтательность и прекраснодушное фантазерство казалось ей смѣшнымъ и опаснымъ.

Каліостро показалъ нѣсколько опытовъ во дворцѣ. Екатерина внимательно слѣдила, но потомъ произнесла:

— Браво, графъ! но что сказалъ бы мой другъ, покойный Вольтеръ?

Узнавъ, что Каліостро занимается медициной и лечитъ, она совѣтывала ему обратить особенное вниманіе именно на эту отрасль знанія, потому что

— облегченіе человѣческихъ страданій—достойное занятіе мудреца.

Докторъ Роджерсонъ самодовольно закашлялся, принявъ замѣчаніе на свой счетъ, но посмотрѣлъ на Каліостро косо.

7.

Первыя пробы леченія Каліостро производилъ дома на своей женѣ, когда у нея болѣла голова или зубы. Понемногу онъ сталъ исцѣлять нѣкоторыя болѣзни, то пользуясь извѣстными лекарствами, то составляя снадобья самъ, то наложеніемъ рукъ безъ всякихъ медикаментовъ, то приказывая нездоровью, какъ слугѣ, покинуть болящаго. Онъ вылечилъ барона Строганова отъ нервнаго разстройства, Елагина, Бутурлину и многихъ другихъ. Наконецъ онъ избавилъ отъ неизлѣчимаго рака ассесора Ивана Исленева, чѣмъ особенно прославился въ русской столицѣ, потому что Исленевъ послѣ выздоровленія впалъ въ какое-то восторженное слабоуміе, запилъ и цѣлыми днями бродилъ по улицамъ, прославляя пріѣзжаго чудотворца, а за нимъ слѣдомъ бѣгала жена его, ища повсюду своего пьянаго мужа.

Слава Каліостро распространялась по разнымъ слоямъ общества; послѣ господъ къ нему повалила челядь: лакеи, повара, кучера, форейторы и горничныя. Съ бѣдныхъ онъ ничего не бралъ и даже снабжалъ ихъ деньгами и платьемъ. Однажды

онъ исцѣлилъ даже на разстояніи, сидя у Потемкина во дворцѣ и не вставая съ кресла. Со свѣтлѣйшимъ его связывала крѣпкая духовная связь, такъ какъ Григорій Александровичъ съ первой встрѣчи полюбилъ графа и увѣровалъ въ его силу и знаніе. Впрочемъ, было еще одно обстоятельство, которое привлекало къ Каліостро русскаго баловня и даже приводило его часто въ небольшія темноватыя комнаты у Лѣтняго сада. Потемкинъ полюбилъ не только графа, но и графиню и сдѣлалъ это, какъ и все, что онъ дѣлалъ, безъ удержа и безъ оглядки. Каліостро, можетъ быть, и замѣчалъ это, но смотрѣлъ сквозь пальцы, не придавая большого значенія любовнымъ исторіямъ, зная Лоренцу въ сущности вѣрной подругой и отлично понимая, что во всякомъ случаѣ шума поднимать не слѣдуетъ.

61 Уже три мѣсяца прошло, какъ графъ пріѣхалъ въ Петербургъ, городъ уже не такъ удивлялъ чужестранца, и темныя послѣднія августовскія ночи уже не томили безсонницей Лоренцу. У Потемкина горѣли три лампадки передъ образами и свѣтъ ихъ мѣшался съ алыми лучами заката. Въ окна былъ виденъ золотой прудъ и круглыя, свѣтлыя ивы. Самъ свѣтлѣйшій въ халатѣ безъ парика сидѣлъ на низкомъ диванѣ и слушалъ печально и мрачно, что говорилъ ему бѣгавшій по комнатѣ Каліостро. Наконецъ, тотъ умолкъ. Потемкинъ медленно, будто съ трудомъ началъ:

— Регенерація, говоришь. Регенерація духа, возрожденіе... ахъ, графъ, если бы вѣрить, крѣпко вѣрить, что это возможно! что это не аллегорія! Душа такъ истомилась, загрязнилась. Порою самъ себѣ въ тягость! Молитва? но нужно, чтобы растопилось сердце, чтобы слова молитвы не тяжелыми камнями падали куда-то. И куда? съ перваго взгляда я полюбилъ тебя, повѣрилъ, но какъ преодолѣть косность тѣла, плоти? Охъ, какъ трудно! Я понимаю, чувствую, что разорви цѣпи, путы тѣла, желаній нашихъ маленькихъ, себялюбія, гордости, корысти, и сдѣлаешься легкимъ, какъ перышко, какъ стекло свѣтлымъ.

— Я говорилъ вамъ, свѣтлость, внѣшнія наружныя предписанія, которыя способствуютъ внутренней побѣдѣ.
— Говорилъ, помню... Вродѣ нашихъ постовъ. Чтожъ, это хорошо. Но вотъ что мнѣ смѣшно. Скажемъ, построитъ домъ въ этомъ саду, аккуратный, съ кухней и баней и удалятся туда для духовнаго возрожденія по извѣстнымъ числамъ! Вотъ, что меня смѣшитъ. Нѣтъ, пустыня, такъ пустыня въ лѣсу, въ тундрахъ у Бѣлаго моря, съ комарами и грязью. Или въ шумѣ и пьянствѣ, ничего будто не мѣняя, вдругъ измѣнится. Можетъ быть, это еще труднѣе. А такъ, какъ ты говоришь, мнѣ что-то не очень нравится. Это для нѣмцевъ годится.
— Для всякаго человѣка свои пути, свои правила спасенія. Я думаю, ваша свѣтлость, вашъ путь возрожденія не требуетъ измѣненія вашихъ внѣшнихъ привычекъ.
— Привычки-то у меня очень затруднительныя.
— Вамъ поможетъ Небо и ваши друзья.
— Знаешь? на Бога надѣйся, а самъ не плошай. А друзья? до перваго чина, до первой бабы. Какіе у меня могутъ быть друзья.
— Вы очень мрачно и несправедливо смотрите на людей.
— Повѣрь, справедливо. Да я вѣдь знаю, на что твой намекъ. Тебѣ-то я вѣрю. Не вѣрилъ бы—не говорилъ бы.
Графъ поклонился. Потемкинъ, помолчавъ, добавилъ съ запинкой.
— Еще меня одно смущаетъ. Не отводишь ли ты меня отъ церкви? Это ты брось.
— Помилуйте, ваша свѣтлость, развѣ я говорилъ когда чтонибудь подобное? Наоборотъ, крѣпче держитесь за внѣшнюю церковь, особенно если она вамъ помогаетъ.
— Ты очень свободный человѣкъ, графъ, свободный и широкій. Ты во всемъ это такъ. Вѣдь я передъ тобой виноватъ.
— Я не знаю вашей вины передо мною.
— Не знаешь?
— Не вижу никакой вины.
Потемкинъ усмѣхнулся.

— Ну будь, по твоему: не виноватъ, такъ не виноватъ. Мнѣ же лучше.

Когда Каліостро ушелъ, хозяинъ долго стоялъ передъ окномъ, смотрѣлъ на потемнѣвшій уже прудъ, перекрестился и обернулся.

Въ дверяхъ стояла Лоренца, опершись рукой о косякъ и улыбаясь.

— А, вотъ такъ гостья! Ты не встрѣтилась съ мужемъ?

— Нѣтъ, а развѣ онъ былъ здѣсь?

Не дожидаясь отвѣта, Лоренца быстро подошла къ Потемкину и обняла его.

— Свѣтлость не въ духѣ сегодня? сердится, разлюбилъ?

— Фу, какъ глупо!

63 Лоренца взяла со стѣны гитару и сѣла подъ образами съ ногами на диванъ.

— Цыганскій таборъ?

Графиня запѣла вполголоса итальянскую пѣсню. Потемкинъ сначала стоялъ у окна, потомъ подсѣлъ къ Лоренцѣ и, гладя ея ногу, слушалъ.

— Еще спой, пташка! попросилъ онъ и тихо началъ говорить, межъ тѣмъ, какъ Лоренца пѣла.

— Ты колдунья, Лоренца, какъ мужъ твой колдунъ. Ты звѣрекъ, заморская пташка, замороженная. Я люблю тебя за то, что ты хромая. Тебѣ этого не понять. Ты не хромая, ты хроменькая, убогенькая. Тебя нужно цѣлый день носить на рукахъ. И хорошо пожалуй, что ты не русская. Ты обезьянка и тѣмъ нѣжнѣе мнѣ. Я даже не знаю, есть ли въ тебѣ душа.

Лоренца кончила и слушала причитанья Потемкина. Потомъ спокойно сказала:

— Свѣтлость не любитъ бѣдной Лоренцы, онъ ея стыдится. Онъ никогда не возьметъ ее съ собой въ театръ или хоть прокатиться. Онъ боится.

Потемкинъ нахмурился.

— Бабья дурь! мало я съ тобой сижу. Кого Потемкинъ боится?

— Свѣтлость сидитъ со мной! это не то, не то. Что жъ я для него тараканъ, который долженъ сидѣть за печкой?
Лоренца цѣловала его своими тонкими губами, закидывая голову и закрывая глаза. Лампада погасла. Потемкинъ твердилъ, наклоняясь самъ всѣмъ тѣломъ къ лежавшей.
— Пошла прочь, пошла прочь, обезьяна!
Наконецъ надолго умолкъ въ поцѣлуѣ; отвалился и прошепталъ улыбаясь:
— Славная регенерація!

8.

Въ числѣ паціентовъ Каліостро былъ бѣсноватый, Василій Желугинъ, котораго родственники посадили на цѣпь, такъ какъ онъ всѣхъ билъ смертельнымъ боемъ, увѣряя, что онъ—Богъ Саваоѳъ. Жилъ онъ гдѣ-то на Васильевскомъ островѣ. Первый разъ, когда графа ввели къ больному, тотъ зарычалъ на него и бросилъ глиняной чашкой, въ которой давали ему ѣду. Чашка разбилась объ стѣну, а Каліостро, быстро подойдя къ бѣсноватому, такъ сильно ударилъ его по щекѣ, что тотъ свалился на полъ, потомъ вскочивъ забормоталъ:
— Что это такое? зачѣмъ онъ дерется? уберите его сейчасъ же.
Вторая оплеуха опять свалила его съ ногъ.
— Да что же такое? что онъ все дерется.
Каліостро схватилъ его за волосы и еще разъ повалилъ.
— Да кто есть-то?
— Я? Марсъ.
— Марсъ?
— Да, Марсъ.
— Съ Марсова поля? а я богъ Саваоѳъ.

Каліостро опять его ударилъ.

— Да ты не дерись, а давай говорить толкомъ.

— Кто это? спросилъ графъ, указывая больному на его родственниковъ.

— Мои рабы.

— А я кто?

— Дуракъ.

Опять оплеуха. Больной былъ босъ, въ одной рубахѣ и подштанникахъ, такъ что можно было опасаться, что онъ зашибется, но Каліостро имѣлъ свой планъ.

— Кто я?

— Марсъ съ Марсова поля.

— Поѣдемъ кататься.

65 — А ты меня бить не будешь?

— Не буду.

— То-то, а то вѣдь я разсержусь.

У графа были заготовлены двѣ лодки. Въ одну онъ сѣлъ съ больнымъ, который не хотѣлъ ни за что одѣваться и былъ поверхъ бѣлья укутанъ въ бараній тулупъ, въ другой помѣстились слуги для ожидаемаго графомъ случая. Доѣхавъ до середины Невы, Каліостро вдругъ схватилъ бѣсноватаго и хотѣлъ бросить его въ воду, зная, что неожиданный испугъ и купанье приносятъ пользу при подобныхъ болѣзняхъ, но Василій Желугинъ оказался очень сильнымъ и достаточно сообразительнымъ. Онъ такъ крѣпко вцѣпился въ своего спасителя, что они вмѣстѣ бухнули въ Неву. Каліостро кое-какъ освободился отъ цѣпкихъ рукъ безумнаго и выплылъ отдуваясь, а Желугина выловили баграми, посадили въ другую лодку и укутали шубой. Гребцы изо всей силы загребли къ берегу, гдѣ уже собралась цѣлая толпа, глазѣвшая на странное зрѣлище. Больной стучалъ зубами и твердилъ:

— Какой сердитый, вотъ такъ сердитый! чего же сердиться-то? я не богъ, не богъ, не богъ, ей Богу не богъ. Я Васька Желугинъ, вотъ кто я такой! а вы и не знали.

— А это кто? спросилъ графъ на берегу, указывая на родителей Желугина.

— Папаша и мамаша! отвѣтилъ тотъ, ухмыляясь.

— Вы можете его взять домой, разсудокъ къ нему вернулся, молвилъ Каліостро.

Графъ, желая отереть воду, струившуюся по его лицу, сунулъ руку въ карманъ и не нащупалъ тамъ табакерки, подаренной ему Государыней.

Васька, видя озабоченное лицо Каліостро, засмѣялся.

— Табакерочку ищете? а я ее подобралъ! и откуда-то, какъ фокусникъ, вытащилъ золотую коробочку.

— Гдѣ же ты ее подобралъ?

— У вашей милости въ карманѣ и подобралъ. Графъ обвелъ глазами присутствующихъ и молвилъ:

— Разсудокъ къ несчастному вернулся.

— Понятно вернулся, разъ табакерку своровалъ! раздались голоса.

Тутъ ударила пушка съ крѣпости. Больной закрестился, залопоталъ: ‚не богъ, не богъ!‘ и хотѣлъ выскочить изъ шубы и пуститься бѣжать въ мокромъ бѣльѣ, но его удержали. На набережной былъ и ассесоръ Исленевъ и жена его, оба находились въ сильномъ возбужденіи и ассесоръ казался пьянымъ. Каліостро хотѣлъ было ѣхать домой переодѣться, такъ какъ не разсчитывая самъ на ванну, не захватилъ съ собою перемѣну платья, какъ вдругъ къ мѣсту происшествія подкатила открытая коляска, въ которой важно сидѣла Лоренца, а рядомъ нахмуренный Потемкинъ. Лоренца выскочила къ мужу и стала его разспрашивать, но снова толпа шарахнулась, разступилась и глазамъ всѣхъ предстала Императрица съ маленькимъ зонтикомъ и лорнетомъ у глазъ. Коляска Государыни остановилась почти у самаго тротуара. Обозрѣвъ мокраго Каліостро, разряженную Лоренцу, смущеннаго Потемкина, мокраго же въ одномъ бѣльѣ изъ-подъ шубы Желугина и прочихъ, Екатерина улыбнулась и промолвила.

— Да тутъ все знакомые! я думала, наводненіе, а это графъ чудеситъ. Но что это за люди?

— Я не богъ, я не богъ, я Васька Желугинъ! затараторилъ излѣчившійся, пытаясь выскочить изъ своего тулупа.

— Что это за шутъ? юродивый?

Екатерина нахмурилась.

— Разумѣйте языцы! гнусаво и очень громко возгласилъ ассесоръ и ударилъ себя въ грудь. Цѣлитель и спаситель, графъ Калоша, благодѣтель! онъ тянулся поцѣловать у Каліостро руку, жена его тянула за полу, ватошный картузъ свалился, а за нимъ растянулся и самъ ассесоръ.

— Онъ пьянъ! сказала Императрица, — убрать, пусть проспится.

67 — Матушка, Государыня, десять лѣтъ ходилъ съ ракомъ!.. завопилъ было Исленевъ, но его подняли и уволокли.

— А кто же эта дама? дальше спрашивала Екатерина, снова подымая лорнетъ, который она опустила на время выступленія Желугина и Исленева.

— Моя супруга, графиня Каліостро.

Лоренца присѣла чуть не до земли. Императрица долго смотрѣла на нее и на Потемкина. Наконецъ молвила:

— Я и не знала, что графиня такъ хороша.

— Для меня хороша, она мнѣ жена.

— Ну я думаю, что графиня и не для одного графа хороша! сказала Государыня и дала знакъ трогать, но обернувшись еще добавила:

— Что это, графъ, я слышала, вздоръ какой-то. Думаю, что враки. Вѣдь ты же полковникъ испанской службы, а Норманде съ увѣряетъ, что нѣтъ у нихъ въ спискахъ полковника Каліостро. Путаетъ навѣрно. Ну, будь здоровъ, не простудись. Дѣла Каліостро пошли все хуже, Императрица стала къ нему замѣтно холодна, съ нею вмѣстѣ и дворъ не такъ сталъ относиться къ графу. Доктора съ Роджерсономъ во главѣ заволновались и стали распускать всякія сплетни про своего кон-

курента. Говорили, что онъ излѣчиваетъ только нервозныхъ субъектовъ или мигрени. Про ребенка, котораго онъ вернулъ къ жизни, увѣряли, что тотъ былъ просто подмѣненъ другимъ. Баронъ Гейкингъ и графъ Герцъ злословили и острили насчетъ Каліостро во всѣхъ салонахъ. Самъ Потемкинъ сталъ какъ-то неровенъ и не такъ часто бесѣдовалъ съ учителемъ, предпочитая почти открыто выставлять Лоренцу, какъ свою любовницу. Это грозило скандаломъ. Кавалеръ Карберонъ, Мелиссино и другіе друзья совѣтывали Каліостро уѣхать, тѣмъ болѣе, что Адамъ Понинскій зазывалъ графа въ Польшу, а шведскій король Густавъ тоже передавалъ свое приглашеніе, спеціально приславъ въ Петербургъ полковника Толля. Проборовшись съ врачами почти годъ, Каліостро выѣхалъ изъ Петербурга въ апрѣлѣ 1780 года, причемъ полиціи донесли, что графъ выѣхалъ изъ всѣхъ заставъ. Вездѣ его видѣли и вездѣ онъ оставилъ свою подпись. Куда онъ выѣхалъ съ заплаканной Лоренцой, было неизвѣстно, но пріѣхалъ онъ тѣмъ же апрѣлемъ въ Варшаву. 68

9.

Въ польской столицѣ Каліостро встрѣтили любезно и пышно. Пріѣхавшій раньше него Понинскій всѣхъ предупредилъ о прибытіи великаго учителя, расхваливая его силу, будто это возвышало въ общественныхъ глазахъ и самого пригласившаго. Ложа тамплієровъ ждала съ нетерпѣніемъ графа, ожидая отъ него новыхъ откровеній, варшавскіе алхимики и кабалисты, а ихъ было не мало, интересовались его химическими опытами и пресловутымъ свѣтящимся камнемъ, о который можно зажигать свѣчи и который гаснетъ отъ простого прикосновенія рукава, дамы мечтали о предсказаніяхъ и интересовались графи-

ней Лоренцой, а самъ Адамъ Понинскій фантазировалъ, что онъ выпроситъ у Каліостро домашняго духа и будетъ водить его гайдукомъ. Собственно говоря, Варшаву они только проѣхали, прямо отправившись въ загородный домъ Понинскаго, гдѣ для Каліостро были отведены пять комнатъ, и въ отдѣльномъ флигелѣ тотчасъ же начали устраивать лабораторію подъ присмотромъ пана Мосчинскаго. Въ первый же свой выходъ въ ложѣ Каліостро всѣхъ поразилъ слѣдующей демонстраціей. Велѣвъ всѣмъ присутствующимъ подписаться на пергаментѣ, онъ сжегъ его у всѣхъ на глазахъ и потомъ тайными формулами заставилъ тотъ же свитокъ упасть съ неба нетронутымъ, съ полными, даже не закоптившимися подписями. Нѣсколько свѣтскихъ предсказаній упрочили его извѣстность.
69 Но здѣсь мало говорили о возрожденіи духа и еще менѣе были склонны къ сентиментальному прекраснодушію митавцевъ. Варшавяне требовали золота, каббалистическихъ брильянтовъ, свѣтящихся камней и поразительныхъ успѣховъ въ разныхъ областяхъ, кончая успѣхомъ у женщинъ. Адамъ Понинскій былъ капризный и великодушный человѣкъ, но зараженный духомъ среды, часто поражалъ Каліостро грубостью и недуховностью своихъ желаній и требованій.

Лоренца зато была въ полномъ восторгѣ отъ привольной и пышной варшавской жизни. Имѣя и постороннія знакомства кромѣ масонскихъ кружковъ, Понинскій ввелъ итальянку въ общество, наполнявшее свое время прогулками, праздниками, театрами и балами. Время было лѣтнее, Лоренца часто ѣздила по усадьбамъ, всегда сопровождаемая именитыми и неименитами кавалерами, которымъ нравилось свободное обращеніе и полудѣтская красота графини.

Въ іюнѣ, въ день рожденія графини Каліостро, Понинскій устроилъ роскошный вечеръ и ночной праздникъ у себя за городомъ. Ожидали массу гостей и самого короля, несчастнаго Станислава-Августа Понятовскаго. Послѣ обѣда гости разсыпались по саду; на лужайкѣ предполагались танцы, по озеру ѣздили

ожечники въ голубыхъ кунтушахъ, и эхо смягчало до нѣжнаго воркованья охотничьи hallali и мазурки. Надъ высокими липами и каштанами лиловѣло сладкое дымное небо, будто въ истомѣ мерцали звѣзды; мальчики бѣгали, высоко поднявъ подносы со сластями или темнымъ медомъ, разбуженныя пчелы жужжа падали на траву, гдѣ горѣли еле видные при пестрыхъ фонаряхъ свѣтляки. Начался фейерверкъ: кружились, взлетали, щелкали, шипѣли и лопались разноцвѣтныя брызги; съ далекой псарни каждому взрыву отвѣчалъ долгій лай, пробуждая дальше, какъ эхо, лай деревенскихъ шавокъ за Вислой.

Адамъ Понинскій, взявъ Каліостро подъ руку и отведя въ темную аллею, проговорилъ капризно:

— Вы можете быть довольны. Какой праздникъ для милой графини.

— Вы слишкомъ добры, сударь!

— Пустяки! какой же иначе я былъ бы кавалеръ? но у меня просьба къ графу.

— Говорите.

— Дайте мнѣ напитокъ, чтобы сломить эту упрямицу пани Кепинску. Вы не знаете, это необъѣзженная лошадь! но хороша дьяволъски.

— Какой напитокъ?

— Пустяки! капли двѣ. Вы же не можете этого не знать!

— Конечно, я знаю подобныя средства.

— Ну вотъ, и для пріятеля все это сдѣлаете. Я могу вамъ еще пригодиться.

Каліостро посмотрѣлъ на капризное лицо поляка, освѣщенное наполовину желтымъ, наполовину зеленымъ свѣтомъ бумажнаго фонаря.

— Но зачѣмъ вамъ прибѣгать къ такимъ средствамъ. Вамъ пріятнѣе, если дама полюбитъ васъ добровольно.

— Чортъ ли мнѣ въ ея доброй волѣ. Я хочу добиться, больше ничего.

— Я не могу этого сдѣлать.

— Отчего? вы чѣмъ-нибудь недовольны или графиня, кто-нибудь изъ слугъ вамъ нагрубилъ?

— О, нѣтъ, но я не дамъ вамъ эликсира.

Понинскій искоса взглянулъ на собесѣдника.

— Можетъ быть графъ не знаетъ рецепта, тогда конечно другое дѣло.

Каліостро быстро схватилъ Понинскаго за руку.

— Идемте!

— Куда?

Графъ велъ хозяина къ уединенному павильону на берегу пруда. Въ окно разноцвѣтно, волнами врывались огни, отраженные водой и небесами, музыка съ озера и лужайки, запахъ скошенной травы и сладкой липы. Въ комнатѣ было нѣсколько

стульевъ, столъ, диванъ, на стѣнѣ противъ окна помѣщалось круглое зеркало.

— Смотрите! приказалъ Каліостро.

Въ зеркалѣ кружась отражались уменьшенные огни фейерверка и темное небо. Постепенно изъ пестраго движенья выплыли прозрачные черты, и огни будто живая кровь подъ кожей, шевелились подъ ними. Прямой носъ, опущенныя губы и по-китайски приподнятые глаза выражали веселость, надменность и своенравье.

— Пани Кепинска! воскликнулъ Адамъ и упалъ на колѣни.

— Это труднѣе сдѣлать, чѣмъ наболтать пузырекъ, котораго вамъ я не дамъ! сказалъ Каліостро, выходя изъ бесѣдки.

Скрипки однѣ уже пѣли съ лужайки, рожки умолкли. Графъ сѣлъ подъ большой фонарь и вспомнилъ, что въ карманѣ у него письмо отъ Шарлотты Медемъ, которая къ нему не писала давно. Ему его передали передъ самымъ обѣдомъ, и онъ не поспѣлъ его прочитать.

— Милый и добрый учитель и братъ, не буду вамъ писать новостей, такъ какъ ихъ нѣтъ, а старыя вы всѣ знаете. Скажу вамъ то, что давно хотѣла сказать. Знаете, у меня есть зубъ противъ васъ. Почему вы не заѣхали въ Митаву, гдѣ всѣ васъ

такъ любятъ, гдѣ каждая вещь хранитъ для меня воспоминанье о васъ? Конечно, вашъ великій путь лежитъ мимо насъ, скромныхъ и незамѣтныхъ, но, дорогой учитель, боюсь сказать, до насъ доходятъ тревожные слухи. Я ихъ гоню, не вѣрю, чтобы даже слухи не темнили свѣтлаго имени Каліостро. Вѣдь вы на виду у всего свѣта. Какая осторожность требуется. Вы даете людямъ то, чего они просятъ, но то ли имъ нужно, чего они хотятъ? подумайте. Они запросятъ у васъ денегъ, успѣха, любви, почестей, фокусовъ. Этимъ вы можете ихъ уловить ко спасенью, но хорошо ли это? Я не сужу, я спрашиваю. Можетъ быть я предупреждаю и умоляю. Но нѣтъ, я слишкомъ увѣрена въ графѣ Каліостро и знаю, что онъ никогда не свернетъ съ пути, хотя бы обманчивая видимость и говорила намъ противное.

Да хранитъ васъ небо, учитель. Цѣлую ваши руки. А. Шар. Медемъ.

Каліостро оглянулся, ему показались такими далекими не только дворъ Медемовъ, гдѣ Шарлотта каталась съ горки, но даже и покои свѣтлѣйшаго, въ которыхъ тотъ вздыхалъ о регенераціи духа.

Скрипя каблуками по сырому песку, къ нему быстро подошла Лоренца. Положивъ голову ему на плечо, она помолчала, потомъ произнесла будто про себя:

— Это жизнь! О, Александръ, я начинаю расправлять крылья! Польскимъ прошелся со мной король!

Она опять задумалась, потомъ проговорила недовольно:

— Что у тебя вышло съ синьоромъ Понинскимъ? нужно исполнить его просьбу, вѣдь это пустяки, какія-то капли. Онъ такъ щедръ и любезенъ, можетъ быть намъ пригодится и на будущее.

Графъ ничего не говорилъ, смотря на звѣзды. Потомъ спокойно и тихо произнесъ:

— Завтра мы уѣзжаемъ, Лоренца.

Графиня подняла было брови, но, взглянувъ на мужа, поняла, что прекословить было бы безполезно.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

1.

Чья карета, красная съ пестро намалеванным гербомъ, изображавшимъ въ одномъ углу лазурнаго поля золотую куропатку, мчалась по Страсбургу съ шести часовъ утра до поздней
73 иногда ночи? мчалась по бѣднымъ кварталамъ, по богатымъ улицамъ, иногда въ Базель, иногда въ Саверн. На чьемъ пути нищіе останавливались, крестились и благословляли небо? чьи двери осаждались больными, начиная съ блестящихъ офицеровъ и кончая деревенскими роженицами? чей слуга все время разносилъ порошки, мази и капли? чей салонъ самый многолюдный, самый оживленный, гдѣ сидятъ по три часа отъ пяти до восьми, остаются кто хочетъ обѣдать, всегда открытый столъ, гдѣ бываютъ графы, кардиналы, базельскіе банкиры и богатыя еврейки? чье имя служитъ городскою гордостью, ради кого гостиницы вѣчно полны пріѣзжихъ, дороги наполнены пѣшеходами, будто богомольцами въ храмовой праздникъ? Кто это?

Графъ Каліостро.

Лоренца можетъ быть довольна. Кажется, еще никогда они не были окружены такимъ почетомъ, такимъ обожаніемъ, такимъ прославленіемъ!

Каліостро вскорѣ по пріѣздѣ въ Страсбургъ показалъ себя, какъ чудотворный цѣлитель; его всегда скорая помощь, безкорыстье, вдохновенный и властный видъ привлекали къ нему такую массу больныхъ и любопытныхъ, что черезъ мѣсяцъ,

уже въ октябрѣ 1780-го года онъ долженъ былъ снять большое помѣщеніе на оружейной площади, гдѣ и продолжалъ свою дѣятельность въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Отъ пяти до восьми у него были не медицинскіе пріемы, куда дѣйствительно собиралось не только все страсбургское общество, но и пріѣзжіе спеціально издалека. Всѣмъ онъ находилъ привѣтъ, наставленье, средство или просто улыбку. Графиня сидѣла у камина въ сосѣдней комнатѣ, окруженная дамами, счастливая и гордая. Главными друзьями графа были кардиналъ Роганъ и базельскій банкиръ Сарразенъ, оба богатѣйшіе люди. Подружились они на почвѣ исцѣленій, такъ какъ кардиналъ былъ освобожденъ отъ астмы, а кромѣ того избавилъ отъ скарлатины кузена своего, князя Субизъ, для чего Каліостро ѣздилъ даже въ Парижъ на 13 дней, а у Сарразена графъ вылечилъ жену. Оба крѣпко привязались къ Каліостро и были до конца вѣрными друзьями. Въ Страсбургѣ Каліостро почти исключительно занимался медициной, возбуждая конечно зависть врачей, которая однако до середины 1780 года не смѣла высказываться. Особенно не любилъ Каліостро докторъ Остертагъ. Скоро ему нашлись союзники по ненависти къ графу. Однимъ изъ нихъ былъ виконтъ де Нарбоннъ, молодой человѣкъ, почти мальчикъ, очень красивый, служившій въ мѣстномъ полку, хвастливый, влюбчивый и упрямый. Онъ долго ухаживалъ за Лоренцой, она повидимому оказывала ему вниманіе, но не въ такой мѣрѣ и не такъ очевидно, какъ ему хотѣлось бы. Однажды въ августѣ на обѣдѣ у кардинала виконтъ сидѣлъ рядомъ съ Лоренцой. Передавая ей соусникъ, онъ смотрѣлъ на ея лицо своими свѣтлыми какъ свѣтлыя фіалки глазами, не замѣчая что коричневый соусъ течетъ струей на розовое платье графини. Лоренца тоже этого не замѣчала, сама смотря съ удовольствіемъ и удивленіемъ на розовое лицо, печальное и страстное, де Нарбонна. Г-жа Сарразенъ черезъ столъ закричала:

— Но послушайте, господа, вы думаете, что платье графини — роза, которую нужно поливать удобреніемъ.

Оба вздрогнули, покраснѣли и соусникъ окончательно упалъ на колѣни Лоренцѣ. Всѣ вскочили, дамы бросились вытирать пострадавшую, мужчины смѣялись, графъ нахмурился, а виконтъ проворчалъ, отъ смущенія не вставая съ мѣста:

— Сколько шума и разговора изъ-за какого-то соусника!

Г-жа Сарразенъ воскликнула, поворачивая Лоренцу, какъ куклу:

— Но вѣдь платье все испорчено, какая жалость!

— Можно купить новое! не совсѣмъ соображая, что говоритъ, отвѣчалъ де Нарбоннъ.

— Я вамъ говорилъ, графиня, чтобы вы не садились рядомъ съ этимъ господиномъ! замѣтилъ громко Каліостро. Виконтъ вскочилъ, съ трескомъ отодвинувъ стулъ и гремя амуниціей, шпорами, саблей, цѣпочками, будто встряхнули мѣшокъ съ металлическимъ ломомъ.

— Вы нахалъ, сударь, я васъ вызываю на дуэль! закричалъ мальчикъ сорвавшимся голосомъ и покраснѣлъ, какъ свекла.

— Я не фехтовальщикъ. Это ваше дѣло, отвѣтилъ графъ спокойно, но поблѣднѣлъ и сжалъ кулаки.

— Тогда стрѣляйтесь на пистолетахъ!

— И этого не буду. Мое дѣло возвращать людямъ жизнь, а не отнимать ее.

— Трусъ.

Лоренца бросилась къ графу, крича ‚Александръ‘, но вдругъ тарелка, брошенная виконтомъ, какъ дискъ мягко поднялась и со звономъ разбилась о голову Каліостро. Общій крикъ, летитъ стулъ, по угламъ чуть не дерутся, споря, кто правъ, графа оттаскиваютъ, онъ растрепанъ, лицо красно, костюмъ растерзанъ, де Нарбоннъ громыхая уходитъ, хлопаетъ дверью, кардиналъ для чего-то снялъ парикъ и на его лысину желтымъ кружкомъ капнулъ воскъ съ люстровыхъ свѣчей. Лоренца давно безъ чувствъ, испуганныя кареты быстро разъѣзжаются въ разныя стороны. Мнѣніе многихъ: ‚вотъ что значитъ водиться съ неизвѣстными графами и графинями, которые вамъ сваливаются ‚какъ снѣгъ на голову‘. Кардиналъ считается колпа-

комъ; Сарразены—что же? разбогатѣвшіе еврейскіе выскочки, а виконтъ де Нарбоннъ—мальчикъ изъ хорошей семьи съ манерами и традиціями.

На слѣдующее утро по городу были расклеены памфлеты на графа, графиню и кардинала. Было смѣшно, смѣялись даже тѣ, кто дружилъ съ Каліостро, докторъ Остертагъ потиралъ руки. Выкопали какіе-то слухи, сплетни, неудавшіяся леченья. Родильница и бабка предъявляли претензіи къ графу, его собственный слуга и помощникъ, Карлъ Сакка разсказывалъ по кофейнямъ о хозяинѣ вещи, какихъ не выдумать бы фельетонистамъ. Каліостро сократилъ пріемы, хотѣлъ уѣхать, но остался по просьбѣ друзей, думая этимъ подтвердить свою невинность. Болѣе скромная жизнь только въ кругу философическихъ друзей, не была особенно по душѣ Лоренцѣ и она 76
была почти рада, когда графъ покинулъ Страсбургъ. Популярность его не уменьшалась, но шумъ и блескъ его существованія убавились; иностранцы не пріѣзжали, нѣкоторыхъ онъ самъ не допускалъ, жену держалъ взаперти, молодыхъ людей не зазывалъ и вообще велъ себя очень сдержанно. Виконтъ де Нарбоннъ, встрѣчая на улицахъ Лоренцу, кланялся ей издали, краснѣлъ и потуплялся, а графъ грозилъ ему палкой.

Наконецъ главный другъ Каліостро, кардиналъ де-Роганъ переѣхалъ въ Парижъ, а изъ Неаполя пришло извѣстіе, что кавалеръ Аквино умираетъ и хотѣлъ бы видѣть стариннаго своего спутника. Все-таки въ Страсбургѣ Каліостро пробылъ около трехъ лѣтъ и былъ знаменитъ не меньше собора. ‚Наше солнышко уѣзжаетъ!‘ говорили горожане и поднимали дѣтей, чтобы тѣ видѣли, какъ быстро катилась размалеванная съ гербами карета, съ одной стороны которой кланялся красный графъ, а съ другой нарумяненная кивала Лоренца.

2.

Принявъ послѣдній вздохъ и послѣднее наставленіе своего друга и покровителя, Каліостро посѣтилъ Бордо и осенью 1784 года пріѣхалъ въ Ліонъ.

Его огорчали раздѣленія между масонами, различіе и соревнованіе ложъ, диспуты и распри, онъ хотѣлъ всѣхъ братій собрать подъ одно крыло, какъ добрая насѣдка цыплятъ, всѣхъ привести къ ‚египетскому' согласу, стать во главѣ и... голова кружилась отъ мысли, что было бы дальше! Что венценосцы, что святѣйшій отецъ былъ бы тогда въ сравненіи съ нимъ, Каліостро?! Теперь его главнымъ занятіемъ было леченье и организація обществъ. Въ Ліонѣ была уже двѣнадцатая ложа, кромѣ того тамъ были послѣдователи Сведенборга и ученики ‚неизвѣстнаго философа'—мартинисты. Тамъ была извѣстна страсбургская дѣятельность графа и его прибытія ждали съ сердечнымъ волненіемъ. Въ тотъ же день въ честь пріѣзда Каліостро было устроено факельное шествіе, передъ гостиницей ‚королевы', что держали дамы Форэ, была исполнена серенада, дѣвочки въ бѣлыхъ платьяхъ поднесли по букету графу и графинѣ; ихъ наперерывъ приглашали на обѣды и засыпали подарками. Лоренцѣ этотъ почетъ казался скучноватымъ и она вздыхала, вспоминая не только варшавскіе праздники, но и Петербургъ и даже недавно покинутый Страсбургъ. Банкиръ С. Косторъ вполнѣ замѣнилъ графу базельскаго Сарразена, выдающіеся и вліятельные въ духовномъ отношеніи люди не только относились благосклонно, но заискивали у новаго учителя, и звѣзда Каліостро засвѣтилась мирнымъ, но большимъ и свѣтлымъ огнемъ. Но самъ мастеръ тоже не радовался. Надоѣла ли ему тихая и спокойная работа, питалъ ли онъ болѣе честолюбивыя мечты, смущали ли его сомнѣнія или онъ просто усталъ, но все печальнѣе и какъ-то тяжелѣе становилось его лицо, лишь глаза горѣли и воспламеняли по-прежнему.

Ложа ‚Побѣдительной мудрости' была уже устроена, открылась подписка на сооруженіе зданья ‚храма' въ Бротто за рѣкой, никакого раздѣленья не предвидѣлось, время шло благочестиво и достойно. Верхъ мирной славы графа произошелъ въ среду 24 Ноября 1784 года, когда на собраніи братьевъ Каліостро вызвалъ тѣнь недавно скончавшагося Проста де Ронэ; и она всѣмъ была ясно видима, говорила со всѣми и всѣхъ благословила. Простъ де Ронэ умеръ въ полной бѣдности, все свое огромное имущество роздавъ бѣднымъ и обществамъ. Братья были взволнованы до слезъ появленіемъ почтенной тѣни; всѣ обнимались, плакали, бросались къ ногамъ Каліостро и даже, выходя на улицу, сообщали свою радость прохожимъ. Графъ пришелъ домой поздно, долго прощаясь на улицѣ со своими учениками. Лоренца повидимому уже спала, все было темно. Войдя въ свой кабинетъ, графъ почувствовалъ, что въ комнатѣ кто-то находится. При этомъ не было холодка, какъ отъ присутствія духовъ, а теплый комнатный воздухъ былъ тихъ и душенъ. Значитъ находился человѣкъ. Можетъ быть воръ? Каліостро громко сказалъ въ темноту: 78

— Кто здѣсь?

Отвѣта не было. Слабое мерцанье неподвижно стояло тамъ, гдѣ былъ столъ и книжный шкапъ.

— Кто здѣсь? Я знаю, что здѣсь кто-то есть, повторилъ Каліостро.

— Графъ Каліостро, зажгите огонь. Пусть будетъ свѣтъ! раздался мужской голосъ.

Графъ нѣсколько разъ стукалъ кремнемъ, наконецъ зажегъ свѣчу на комодѣ. У стола стоялъ молодой человѣкъ въ простомъ темномъ платьѣ, но съ ярко розовою перевязью черезъ плечо. Каліостро не нужно было вглядываться, онъ сразу узналъ того незнакомца своего дѣтства, того человѣка съ прекраснымъ лицомъ и даже не удивился, видя его совершенно неизмѣннымъ. Графъ не очень любилъ воспоминанья дѣтства, предпочитая воображать себя существомъ, взявшимся неизвѣстно

откуда, но теперь въ этой комнатной ночной тишинѣ, съ глазу на глазъ съ таинственнымъ гостемъ, его сердце тепло и мягко раскрылось. Еще минута, и онъ бросился бы на шею незнакомому юношѣ. Тотъ смотрѣлъ печально и строго, словно сожалѣя.

— Графъ Каліостро, я пришелъ васъ предупредить.

— Мнѣ грозитъ опасность?

— Да, но отъ самого себя. Графъ, провѣрьте свое сердце, вспомните вашу дѣятельность, и только если найдете, что она никогда не была продиктована корыстью, тщеславіемъ, гордостью или властолюбіемъ, только тогда ее продолжайте.

— Моя совѣсть чиста, я не имѣлъ ни одного изъ перечисленныхъ вами побужденій.

Гость помолчалъ, потомъ ясно выговорилъ:

— Это неправда.

Каліостро вскочилъ.

— Какъ неправда? что же, вы лучше меня знаете мои побужденія?

— Лучше.

— Чего же тогда спрашивать, тогда объявляйте, приказывайте.

— Я пришелъ не приказывать, а предупреждать.

— Я не знаю, теперь всѣ командуютъ. Митавскія дѣвочки шлютъ мнѣ наставленья и не насчетъ того, какъ играть въ куклы.

— Анна-Шарлотта одушевлена лучшими стремленіями и она васъ не наставляла, а умоляла.

Каліостро пожалъ плечами, потомъ спросилъ просто:

— Чего же вы хотите?

— Я говорю не отъ себя. Графъ Каліостро, не увлекайтесь честолюбіемъ, не откалывайтесь изъ желанья самостоятельности, потому что всякій отколъ—пораненіе, не вступайте въ интриги политическія или корыстныя, не пускайте пыль въ

глаза бѣдными ротозѣями, не желайте быть прославленными. Надѣйтесь только на Того, Чье Царство—Сила и Слава.

— А если я не исполню этого?

— Вы будете оставлены.

— Оставленъ? кѣмъ?

Незнакомецъ молчалъ. Каліостро принялся бѣгать по комнатѣ.

— У меня есть друзья высокихъ степеней и могущественныхъ вліяній, у меня есть сила, богатство, знаніе. Кѣмъ могу я быть оставленъ?

— Старайтесь быть другомъ Тому, безъ котораго всѣ друзья ничто.

Графъ расхохотался.

— Повѣрьте, я лучше васъ знаю все это.

— Графъ Каліостро, прошу васъ не разговаривать со мной такимъ тономъ и перестать метаться изъ угла въ уголъ.

— Простите!

— Я говорю не отъ себя, я васъ предупреждаю. Если вы не вѣрите, я вамъ могу дать знакъ.

Вокругъ гостя странно зарѣяло какое-то неопредѣленное сіянье, предчувствіе свѣта, воздухъ сдѣлался легче и теплѣе; казалось, сейчасъ послышится не то звукъ, не то запахъ. Каліостро протянулъ руку.

— Я вѣрю.

Оба стояли молча.

— Графъ Каліостро, можетъ быть, не слѣдуетъ говорить того, что я скажу, но отвѣтственность я беру на себя. Іосифъ Бальзамо, не губи себя, прошу тебя послушаться.

Голосъ незнакомца зазвучалъ совсѣмъ по другому, онъ протянулъ обѣ руки и Каліостро бросился къ нему на грудь. Больше гость ничего не говорилъ; обнявъ послѣдній разъ графа, онъ поклонился, покрылъ голову треуголкой и вышелъ за дверь.

Каліостро долго стоялъ смущенный, растроганный, не замѣчая, какъ по толстымъ щекамъ его текутъ слезы. Проведя рукою по лицу, онъ замѣтилъ, что оно мокро. Будто придя въ себя,

онъ бросился къ двери, словно думая, что тамъ еще кто-нибудь есть. Потомъ шлепнулся въ кресло, опять вскочилъ и, сдвинувъ парикъ на сторону, принялся бѣгать, шепча:

— Выдумка! и я хорошъ: графъ Каліостро плачетъ въ объятьяхъ мальчишки! великій мастеръ, стыдитесь! ваша сила, знаніе—все исчезнетъ? глупости! вотъ я велю свѣчѣ потухнуть—и она гаснетъ (и дѣйствительно, свѣча на комодѣ заморгала, заморгала и погасла, будто кто прикрылъ ее колпачкомъ), вотъ велю ей горѣть—и она снова свѣтитъ (правда, свѣча снова забрезжила и разгорѣлась). О-го, наша сила еще не исчезла! а не исчезла сила—и все въ порядкѣ! я буду сильнѣе всѣхъ! какой восторгъ. Всѣ люди мнѣ подчинятся и я имъ дамъ то, что имъ нужно. Царство мое будетъ царствомъ милости
81 и благости. Бѣдные братья, хотите вы золота? золото къ вамъ потечетъ изъ моихъ рукъ, какъ источника, хотите успѣхъ?—успѣхъ идетъ вамъ навстрѣчу; любви, власти?—все вамъ дастся, только признайте меня. Я беру всѣ ваши слабости, ваши грѣхи на себя; спите спокойно, только поставьте меня вершителемъ вашей судьбы! кто можетъ становиться между мною и моимъ Богомъ, какіе самозванцы въ сѣрыхъ плащахъ? все это фокусы! никто лучше меня не знаетъ Его воли, Его желаній, Его путей. Пусть меня оставляютъ, я не буду оставленъ!!

Каліостро закинувъ голову, поднялъ глаза, остановился въ какомъ-то неподвижномъ восторгѣ, какъ вдругъ легкій металлическій трескъ и звякъ привелъ его въ чувство. Онъ прямо бросился къ стѣнѣ, гдѣ висѣла обнаженная шпага. Теперь на гвоздѣ повисъ только одинъ кусокъ, прилегающій къ рукояткѣ, остальные два обломка лежали на землѣ, скрестившись. Каліостро опустился на полъ и долго смотрѣлъ на мерцающій крестъ изъ сломаннаго натрое лезвія, потомъ вскочилъ такъ порывисто, что свѣча потухла, и закричалъ:

— Графиня! Лоренца, Лоренца!!

Жена вѣроятно спала крѣпко, потому что никто не отозвался на крикъ Каліостро. Закрывъ лицо руками, онъ прошепталъ: ‚одинъ, одинъ!‘ но вдругъ выпрямился и, толкнувъ бренчавшіе обломки ногою, произнесъ торжественно:

— Свѣтъ увидитъ, что можетъ сдѣлать одинъ Каліостро, предоставленный собственнымъ силамъ!

3.

Отъѣздъ графа 28 января 1785, обставленный полною тайною, для всѣхъ былъ большой неожиданностью; впрочемъ Каліостро любилъ такія неожиданности, окружая иногда неважные поступки туманомъ, чтобы они не отличались для непосвященнаго взгляда отъ такихъ, которые дѣйствительно требовали таинственности. Ліонскіе масоны надѣялись, что мастеръ вернется къ 20-му августа, когда предполагалось торжественное открытіе обновленной ложи, и предполагали, что въ Парижъ графа вызвали масонскія дѣла, такъ какъ въ февралѣ тамъ долженъ былъ быть съѣздъ разныхъ ложъ подъ названіемъ ‚Филалеты‘. Можетъ быть Каліостро и думалъ принять участіе въ засѣданіяхъ ‚филалетовъ‘, можетъ быть скорѣе хотѣлъ броситься въ кипучую парижскую жизнь, бороться, блистать, удивлять и властвовать, убѣдиться, что сила его не потеряна, увѣрить себя на дѣлѣ и скорѣй, скорѣй. А можетъ быть на его отъѣздъ повліяли письма г-жи де-ла Моттъ, писавшей ему время отъ времени. Онъ такъ хорошо помнилъ эту пріятельницу кардинала, съ которой онъ познакомился еще въ Савернѣ! она была мила, небольшого роста, съ каштановыми волосами, вздернутымъ носомъ, голубыми глазами и слишкомъ большимъ ртомъ. Происходя изъ обѣднѣвшей дворянской семьи, выросшая почти въ нищетѣ, пока ее не взяла

на свое попеченіе маркиза Булэнвиль, Жанна де-ла Моттъ уже скоро пять лѣтъ была замужемъ за жандармскимъ офицеромъ, толстымъ г. де-ла Моттъ, имѣла свой салонъ въ Марэ и пользовалась вліяніемъ у королевы. Злые языки увѣряли, что маленькая ла Моттъ просто сняла въ Версалѣ комнату и сидѣла тамъ иногда безъ ѣды, просто для вида, когда слуги важно заявляли, что госпожа поѣхала ко двору. Но какъ бы то ни было, многимъ лицамъ она оказывала протекцію и доставляла мѣста, разумѣется, за плату деньгами или товарами, потому что она могла выхлопатывать и поставки. Она оказала нѣкоторыя услуги родственнику де Роганъ, что еще больше скрѣпило ея дружбу съ кардиналомъ. Каліостро она легкомысленно и туманно писала, что его присутствіе было бы очень полезно,

такъ какъ ни она, ни добрый кардиналъ не могутъ рѣшиться на какое-то дѣло.

Въ Парижъ графъ пріѣхалъ въ началѣ февраля и очевидно собирался устроиться на широкую ногу, такъ какъ, проведя всего нѣсколько дней въ отелѣ, гдѣ платилъ по пятнадцати луидоровъ въ день, онъ снялъ особнякъ маркизы д'Орвиль, по сосѣдству съ г-жей де-ла Моттъ, въ томъ же Марэ, и обставилъ его очень быстро богатою мебелью.

‚Филалеты' дѣйствительно разсчитывали на участіе Каліостро въ ихъ засѣданіяхъ, но графъ заставлялъ себя упрашивать, предъявлялъ разныя требованія, чтобы пригласили непремѣнно г. Лаборда, чтобы уничтожили архивъ ‚филалетовъ', чтобы раньше признали обязательнымъ ‚египетское посвященіе', такъ что братья увидѣли, что, пойдя на уступки, они тѣмъ самымъ предрѣшаютъ исходъ совѣщаній, и оставили его въ покоѣ. Кажется, Каліостро ожидалъ другихъ результатовъ отъ своей требовательности, но представился вполнѣ довольнымъ и занялся устройствомъ собственной ложи.

Кардиналъ ждалъ его съ нетерпѣніемъ. Ему столько же нуженъ былъ совѣтъ Каліостро, сколько хотѣлось просто разсказать про необыкновенное приключеніе. Спросивъ мелькомъ

про дѣла графа, кардиналъ съ таинственнымъ и лукавымъ видомъ произнесъ:

— Ну, графъ, намъ нужна ваша помощь.

— Вы знаете, что мои знанія и способности всегда къ вашимъ услугамъ.

— Знаю, но тутъ нужно совсѣмъ особое, непригодное къ другимъ случаямъ искусство. Рѣчь идетъ о слишкомъ высокопоставленномъ лицѣ.

— Что вы, мой другъ, говорите? какъ будто не знаете, что для всѣхъ людей дѣйствуютъ одни и тѣ же правила?

— Мнѣ нужно узнать, получила ли королева ожерелье?

— Какая королева? Марія Антуанета?

— Ну да, Марія Антуанета. Видите ли, милый графъ, вы конечно только что пріѣхали и не знаете, что тутъ происходило. Это тайна, но вамъ я могу открыть.

— Тѣмъ болѣе, если вы ищете совѣта.

— Полгода тому назадъ мнѣ нужно было передать королевѣ прошеніе. Мнѣ устроила свиданье наша добрая маленькая фея, г-жа де-ла Моттъ. Это было лѣтомъ въ саду Тріанона. Незабываемыя минуты! Ну хорошо, дѣло было сдѣлано, все вышло какъ нельзя лучше. Теперь мѣсяца два тому назадъ та же де-ла Моттъ пишетъ мнѣ, что королева въ большомъ затрудненіи, г. Бемеръ сдѣлалъ спеціально для нея ожерелье, но королева сейчасъ не имѣетъ должной суммы и ищетъ кого-нибудь изъ друзей, кто втайнѣ отъ короля разумѣется помогъ бы ей устроить это дѣльце. Я очень благодаренъ г-жѣ де-ла Моттъ, что она меня извѣстила. Мнѣ было стыдно не поспѣшить помочь нашей обожаемой королевѣ, когда у меня кружева на праздничной сутанѣ стоятъ 100000 франковъ и когда я принужденъ держать четырнадцать дворецкихъ. Четырнадцать! я только на дняхъ это узналъ. Иначе не обойтись. Тѣмъ болѣе, что съ г. Бемеромъ мы условились, что платежи будутъ производиться частями, какъ обѣщала и королева возмѣщать затраты.

— Вы видѣли письма королевы?

— Ну конечно, и подпись: Марія Антуанета Франціи.

— Причемъ же тутъ Франція?

— Но она королева Франціи.

— Все-таки глупо такъ подписываться.

— Вы стали вольнодумцемъ. Королева прелестна.

Каліостро былъ разсѣянъ и скученъ. Ему казалось, что кардиналъ какой-то не тотъ, что бывало. Самый Парижъ ему представился вдругъ мельче, буржуазнѣе и скучнѣе. Онъ равнодушно спросилъ:

— Чего же вы хотите, мой другъ? на мой взглядъ дѣло запутанное и не совсѣмъ чистое. Хорошо, если вы пострадаете только матерьяльно, т. е. денежно. Но разъ всѣ формальности соблюдены, условія ваши подписаны и вещь передана королевѣ, то значитъ дѣло кончено. Чего же вы хотите?

— Узнать, передано ли ожерелье по назначенію.

— А вы кому его передали?

— Г-жѣ де-ла Моттъ, которая при мнѣ же отдала его посланному отъ Маріи Антуанеты, котораго я знаю въ лицо, такъ какъ онъ же сопровождалъ королеву на свиданье въ Тріанонѣ.

Каліостро молчалъ; молчалъ и кардиналъ, очевидно недовольный, что его разсказъ не произвелъ желаемаго впечатлѣнія. Снизу раздался звонокъ. Каліостро замѣтилъ:

— Конечно, я вамъ узнаю, но думается, что вамъ и такъ эта исторія стоила не мало денегъ.

Кардиналъ самодовольно кивнулъ головою.

— Конечно, г-жа де-ла Моттъ очень милая женщина.

— Кто говоритъ, что г-жа де-ла Моттъ очень милая женщина? Какъ графъ Каліостро въ Парижѣ, и я ничего не знаю? злодѣй злодѣй! но вы загладите вашу вину завтра въ пять часовъ у меня. Не правда ли? я живу въ Марэ. Нефъ с. Жиль. И вы въ Марэ? мы всѣ сосѣди. Ну, кардиналъ, я сажусь, не дожидаясь приглашенья. Впрочемъ, я такъ болтаю, что вамъ некогда предложить мнѣ кресло. Я такъ разстроена, г. Бемеръ все-таки

не выходитъ почему-то у меня изъ головы. Я такъ впечатлительна. Нашъ ангелъ королева вчера была вся въ голубомъ.— Можно было умереть отъ восторга.

Хотя кардиналъ и придвинулъ кресло къ камину для г-жи де-ла Моттъ, она все же двигалась по комнатѣ, повертываясь, присѣдая, разводя руками, словно танцовала менуетъ. Ужинать рѣшили здѣсь же для тепла и не зажигать люстру, поставивъ только канделябры. Когда кардиналъ вышелъ зачѣмъ-то, де-ла Моттъ, сощуривъ глаза и понизивъ голосъ, сказала:

— Вы упрекали кардинала въ расточительности и предупреждали относительно меня?

— Откуда вы знаете.

— Такъ, я просто слышала. Вамъ не выгодно со мною ссориться. Вамъ нужны деньги и власть, все это въ моихъ рукахъ. Если хотите, давайте дружить, вы не раскаетесь.

Г-жа де-ла Моттъ говорила очень быстро, боясь, что войдетъ кардиналъ. Она наклонилась къ графу, причемъ онъ видѣлъ всю ея небольшую грудь въ разрѣзъ открытаго платья, и сказала:

— Хотите союзъ? не пренебрегайте. Я могу дать недурные совѣты. Когда будете узнавать объ ожерельи, въ голубки возьмите ла Туръ, мою племянницу: она очень способная дѣвочка.

Входилъ кардиналъ. Де-ла Моттъ разсмѣялась и хлопнула графа по рукѣ.

— Однако какія манеры привезъ изъ провинціи графъ! мы это все здѣсь передѣлаемъ.

Идя домой Каліостро вспомнилъ, что все время властно правила разговоромъ и будто отдавала приказанія г-жа де-ла Моттъ, а онъ, Каліостро, покорно слушалъ.

Опытъ даже съ очень способной племянницей г-жи де-ла Моттъ не удался. Маленькая ла Туръ не увидѣла ни королевы, ни какого духа, а только расплакалась и болтала какой-то вздоръ. Тетка ее тутъ же приколотила, сказала, что она и безъ сеанса знаетъ, что королева ожерелье получила, такъ какъ сегодня отъ нея принесли письмо, гдѣ она проситъ подождать, какъ нибудь устроится до 1-го октября, когда она внесетъ двойной взносъ, а пока присылаетъ тридцать тысячъ въ качествѣ процентовъ. Кардиналъ обрадовался, подарилъ голубкѣ коробочку съ драже и даже утѣшалъ графа въ неудачѣ.

Съ парижскими существующими ложами Каліостро постепенно расходился, устроивъ свою отдѣльную, но замѣчалъ, что опыты
87 чаще не удаются, такъ что приходилось прибѣгать къ механической помощи или даже просто помощи рукъ. Лоренца служила ему въ этомъ хорошей помощницей. Графъ не дѣлалъ изъ этого никакихъ заключеній, только сердился и сердясь упрямѣй старался добиться того, что отъ него ускользало. Не замѣчалъ или не хотѣлъ замѣчать и того, что составъ слушателей его дѣлался все болѣе легкомысленнымъ и смѣшаннымъ. Правда, оставался кардиналъ, Сарразены и Леожанъ—друзья, но первый былъ увлеченъ и взволнованъ авантюрой съ ожерельемъ, а вторые были далеко. Митава, Петербургъ казались оставленными за мильонъ верстъ. Графъ устроилъ свой домъ богато и импозантно и съ внѣшней стороны его жизнь была крайне блестяща. Его собранія обратились въ смѣшанный салонъ, гдѣ посѣтители мѣнялись каждый день, говорили о дѣлахъ, назначали свиданья. Между тѣмъ какъ графъ, собирая обрывки, вдругъ почему-то исчезнувшихъ знаній, говорилъ напыщенныя и смѣшныя рѣчи объ Атлантидѣ, Египтѣ, арканахъ, философскомъ камнѣ, прерывая ихъ комплиментами близко сидящимъ дамамъ.

Впрочемъ суевѣрная слава о немъ держалась крѣпко и ночью, проходя пустынным Марэ, крестьяне со страхомъ показывали

другъ другу на огонь въ его лабораторіи и спѣшили дальше, крестясь. Г-жа де-ла Моттъ перенесла часть своей дѣятельности въ салонъ Каліостро, что прибавило ему оживленія, но не способствовало духовности и серьезности общества. Графиня должна была бы радоваться свѣтской жизни, но ее тревожило состояніе Каліостро, которое, несмотря на внѣшне какъ будто еще увеличившуюся дѣятельность графа, чувствовалось тревожнымъ и мрачнымъ. Когда онъ не думалъ, что на него глядятъ, лицо его дѣлалось обрюзгшимъ, печальнымъ и тупымъ. Кромѣ того Лоренца, при всей своей наивности, замѣчала, что чаще и чаще графъ бываетъ смѣшнымъ, что шопотъ и смѣшки окружающихъ почти не скрываются и что онъ слушаетъ растерянно и жадно всякаго, кто властно говоритъ. Наконецъ весь Парижъ, свѣтскій, газетный, масонскій, уличный, придворный, разинулъ ротъ отъ изумленія и смѣха: графъ основалъ женскую ложу ‚Изида‘ и мастеромъ выбралъ графиню Лоренцу. Сдѣлано это было по совѣту г-жи де-ла Моттъ. Туманные и высокопарные объясненія Каліостро о значеніи женщинъ въ общей регенераціи духа еще болѣе смѣшили не только остряковъ, особенно, когда вспоминали какой рой пустыхъ хохотушекъ, старыхъ дѣвъ, авантюристокъ и сводень ринулся въ открытыя двери этого святилища. Появились памфлеты, стишки и брошюры, гдѣ ‚Изиду‘ сравнивали чуть не съ публичнымъ домомъ, а Каліостро изображался въ видѣ султана среди своихъ женъ. Особенно смущало однихъ и веселило другихъ, что послѣ сеансовъ, на которыхъ присутствовалъ и Каліостро, всѣ переходили въ сосѣднюю залу, гдѣ были накрыты столы, ждали кавалеры и запросто ужинали, танцовали и пѣли куплеты. Однажды утромъ кардиналъ пріѣхалъ въ Марэ сильно потрясенный. Прямо пройдя въ кабинетъ, онъ бросилъ перчатки въ каминъ, вмѣсто того, чтобы положить ихъ на геридонъ и началъ, отдуваясь.

— Графъ, я виноватъ, я скрывалъ отъ васъ, но теперь я признаюсь и умоляю о совѣтѣ.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ Каліостро тоже взволнованно, видя искреннюю тревогу де Рогана.

— Королева ожерелья не получила.

— Какъ?

— Бемеръ узналъ это отъ г-жи Кампонъ, лектрисы королевы. Всѣ письма подложны. Марія Антуанета Франціи! вы правы: кто же будетъ подписываться такъ глупо? мы всѣ обмануты, но главное задѣта честь королевы. Ювелиры были уже въ Версалѣ, тамъ все извѣстно. Боже мой! что же намъ дѣлать?

— Ѣхать къ королю, броситься къ его ногамъ и сказать правду.

— Нѣтъ, я этого не могу сдѣлать.

— Тогда это сдѣлаетъ за васъ вашъ другъ.

— И этого не надо! слишкомъ поздно!—и кардиналъ закрылъ свое полное лицо маленькими ручками.

Каліостро молчалъ, глядя въ окно и стараясь собрать свои силы. Что-то послѣднее рухнуло словно около него. Но силы не увеличивались.

Кардиналъ поднялся совсѣмъ старичкомъ.

— Прощайте, учитель, благодарю васъ за любовь и за совѣты, которыми я къ сожалѣнію не могъ воспользоваться. И вышелъ.

Каліостро стоялъ посреди комнаты. Покинутъ! справится ли? конечно есть и другая сила. Въ комнатѣ утромъ Лоренца кроила новый лифъ, ножницы и бумага лежали на солнцѣ. Графъ подошелъ къ нимъ, улыбаясь, и машинально сталъ вырѣзывать мелкія неровныя звѣзды, шепча:

— Есть и другія силы, другія силы!

Въ дверь постучали. Вошелъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, похожій на адвоката. Увидя ножницы въ рукахъ Каліостро, онъ попятился, но потомъ сверкнулъ глазами и поклонился. Назвался Франческо ди С. Маурицio, увѣряя, что бывалъ у графа на пріемахъ. Каліостро молчалъ, ожидая, что будетъ дальше. На полу лежали мелкія неровныя звѣзды. Гость еще разъ поклонился, прижимая руку къ сердцу. Было непріятно, будто онъ безъ костей.

— Не удивляйтесь, что я вамъ скажу. Насъ никто не слышитъ?
— Никто.
— Я пришелъ васъ спасти. Вы оставлены, но несправедливо.
Каліостро нахмурился.
— Почему вы это говорите?
Гость извиваясь поклонился.
— Простите. Я васъ зову. Мнѣ поручили снова дать вамъ помощь.
— Знакъ, знакъ!—Каліостро топнулъ ногою.
— Я знаю, что вы оставлены и скоро будете въ Бастиліи, сударь.
— Что же дальше?
— Обѣ ваши темницы будутъ разрушены, срыты съ лица земли. Повѣрьте мнѣ, я вамъ помогу. Кто же вамъ поможетъ, эта мошенница де-ла Моттъ? 90
Каліостро молчалъ, потупясь. Потомъ глухо спросилъ:
— Что я долженъ дѣлать?
Незнакомецъ изогнулся чуть не до полу, отвѣчая:
— Помириться съ Апостольской Церковью.
Каліостро во все горло расхохотался, потомъ вдругъ замѣтилъ мелкія звѣзды на полу и медленно подошелъ къ гостю. Тотъ стоялъ улыбаясь и не гнулся.
— Такъ вы...?
— Да, конечно! отвѣтилъ Франческо, пожимая протянутую ему руку.

5.

Кардиналъ, какъ оказалось, былъ лучшій провидѣцъ, нежели графъ Каліостро: было дѣйствительно поздно обращаться къ королю. Версаль былъ въ волненіи послѣ депутаціи ювелировъ,

которые все разсказали королю; былъ тайно созванъ совѣтъ министровъ, на которомъ было рѣшено подвергнуть аресту кардинала де Рогана, котораго арестовалъ самъ король публично на пріемѣ 15-го августа, г-жу де-ла Моттъ, арестованную 18-го августа, и наконецъ Каліостро арестованнаго послѣ всѣхъ, можетъ быть по наговору г-жи де-ла Моттъ, 23-го августа въ 7 часовъ утра. Арестовали и ничего не знавшую Лоренцу.

Г-жа де-ла Моттъ сопротивлялась властямъ; хотя арестъ ея производился днемъ, она раздѣлась, спустила шторы и легла подъ кровать. Сначала она кричала, что она спитъ, потомъ увѣряла, что не можетъ выйти, такъ какъ совсѣмъ голая, ее вытащили за ногу, причемъ она укусила въ икру сержанта;
91 она все буянила и вопила, наконецъ разбила объ голову арестовывающаго ночной горшокъ и только тогда предалась въ руки правосудія.

Всѣмъ извѣстное дѣло тянулось съ августа 1785 по іюнь 1786. Кардиналъ постарѣлъ, велъ себя смирно, отвѣчалъ тихимъ голосомъ и не могъ сообщить ничего, чего бы не знали тотъ же Бемеръ, г-жа Кампонъ или любой непричастный къ дѣлу человѣкъ. Графъ Каліостро и г-жа де-ла Моттъ обвиняли другъ друга. Г-жа де-ла Моттъ волновалась, плакала, кричала, выдумывала всякія обвиненія вродѣ того, что графъ наслалъ ей въ камеру блохъ и т. п. Каліостро на вопросъ: ‚кто онъ?‘ отвѣчалъ:

— Знатный путешественникъ,

и потомъ, поговоривъ часа полтора о сотвореніи міра и тайнахъ природы, называлъ г-жу де-ла Моттъ воровкой и вруньей. Судьи дремали, свѣчи оплывали и подсудимыхъ разводили по ихъ мѣстамъ. Между тѣмъ нужно было торопиться съ этимъ дѣломъ, такъ какъ въ немъ была замѣшана королева. Письма ея сочли подложными только на основаніи подписи ‚Маріи Антуанеты Франціи‘, такъ какъ такая подпись не принята и не умна. Но вѣдь можно и королевѣ иногда быть не умной и

въ дѣлахъ необычныхъ подписываться не такъ, какъ принято! Увѣряли, что и письма были подложны, и на свиданье къ кардиналу ходила вмѣсто Маріи Антуанеты судомойка г-жи де ла Моттъ (это сходство не оскорбило королеву, но вызвало краску на лицѣ кардинала), и что роль слуги королевы исполнялъ г. Рето, который служилъ у г-жи де-ла Моттъ, гдѣ кардиналъ его видѣлъ всякій разъ, какъ бывалъ тамъ. Не было явныхъ уликъ, но дѣло для всѣхъ было подозрительнымъ и страннымъ тѣмъ болѣе, что отдѣльныя части ожерелья могли быть пущены въ продажу черезъ подставныхъ лицъ кѣмъ угодно.

Начались очныя ставки. Надѣялись многое выяснить изъ очной ставки графа и г-жи де-ла Моттъ; но на этотъ разъ Каліостро измѣнилъ своей важности и краснорѣчію. Едва только 92
ввели ее, какъ Каліостро закричалъ и обрушился на свою пріятельницу съ извозчичьей бранью. Г-жа де-ла Моттъ не осталась въ долгу, потому что, окончивъ браниться, она схватила зажженную свѣчку и бросила ее въ животъ Каліостро, но такъ неудачно, что капли сала попали ей самой въ глазъ и она чуть не окривѣла. Графъ воскликнулъ:

— Небо тебя покарало!

Г-жа де-ла Моттъ показала ему языкъ и замолкла.

Наконецъ, 31 мая кардиналу и графу Каліостро былъ вынесенъ оправдательный приговоръ. Лоренца была освобождена еще 26 марта. Плѣнниковъ выпустили на волю ночью, около полночи 1-го іюня, тѣмъ не менѣе все пространство передъ Бастиліей было полно народомъ. Народъ же толпился на лѣстницѣ, ожидая выхода оправданныхъ. Какъ-то сразу въ объятіяхъ Каліостро очутилась Лоренца.

— Александръ, Александръ. Небеса видятъ правду! восклицала она, покрывая лицо и руки мужа поцѣлуями.

Съ улицы доносился шумъ.

— Что это? спросилъ графъ, или это простой уличный шумъ я, отвыкнувъ, принимаю за народное волненіе?

— Тамъ народъ привѣтствуетъ освобожденіе графа, объяснилъ подскочившій Франческо. Каліостро прислушался. Внизу гудѣли голоса на одной ровной нотѣ, на которой вдругъ выскакивало: ‚долой убіицъ!‘ ‚долой фальшивомонетчиковъ!‘ ‚да здравствуетъ справедливость!‘ наконецъ кто-то вдали прокричалъ какъ пѣтухъ ‚да здравствуетъ Каліостро!‘

Графъ улыбнулся, Франческо ди С. Маурицio взялъ его подъ локоть и извиваясь говорилъ:

— Добрый французскій народъ любитъ графа. Цѣлый день стоитъ толпа, ожидая вашего выхода. Они простые и чистосердечные, съ ними можно дѣлать что угодно: они довѣрчивы.

Каліостро отстранился нѣсколько, будто не помнилъ, что это за человѣкъ, гдѣ онъ его видѣлъ и зачѣмъ онъ здѣсь.

— Я—Франческо ди С. Маурицio. Вы меня не помните?

Графъ болѣзненно сморщился. На Франческо почему-то была рабочая блуза и замасленный колпакъ.

Выйдя на улицу, онъ снялъ колпакъ и, махая имъ какъ дирижеръ, закричалъ:

— Да здравствуетъ графъ Каліостро, невинно пострадавшій.

Нѣсколько голосовъ ему отвѣтило. Шелъ теплый черный дождь; черная мокрая толпа гудѣла, кое-гдѣ видны были фонари на палкахъ. Каліостро протискался сжимая руку Лоренцѣ!

— Можетъ быть, это самая счастливая минута моей жизни!

Толпа бросилась бѣжать за каретой графа, то крича ‚да здравствуетъ Каліостро!‘, то ‚смерть палачамъ!‘—потомъ отстала, чтобы громить трактиръ. Черный дождь гулко лился. Каліостро дремалъ въ каретѣ, покачиваясь, держа руку Лоренцы въ своей и всякій разъ, когда пробуждался, удивляясь, зачѣмъ въ ихъ каретѣ сидитъ Франческо. Дома была приготовлена домашняя встрѣча графу, и на столѣ у него лежало письмо отъ Шарлоты Медемъ. Каліостро задумчиво покачалъ его на рукѣ, потомъ пошелъ мыться и переодѣться.

Въ письмѣ было нѣсколько строкъ.

—Графъ Каліостро, я вамъ была вѣрна, покуда вы были вѣрны сами себѣ. Теперь объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Какъ человѣка, мнѣ васъ жалко, и я готова буду сдѣлать все, что вамъ нужно, но какъ учитель и братъ, вы для меня совершенно умерли, и я могу только плакать о васъ и о себѣ всю свою жизнь. Можетъ быть даже хуже, чѣмъ умерли, потому что человѣкъ мрака хуже мертваго тѣла. Забудьте, что я была когда-то вашей ученицей

Анной Шарлотой ф. Медемъ.

6.

Всѣ оправданные тѣмъ не менѣе должны были покинуть Парижъ какъ можно скорѣе, тѣмъ болѣе, что Марія Антуанета, узнавъ о приговорѣ, была взбѣшена и легко могла найти способъ избавиться отъ непріятныхъ и неудобныхъ для нея людей. Кардиналъ уѣхалъ въ Овернь, а Каліостро съ Лоренцей отправились въ Лондонъ. Вѣроятно графу хотѣлось теперь въ расцвѣтѣ, какъ ему показалось послѣ 1-го іюня, своей славы показаться тамъ, гдѣ были его первые шаги, но въ Англіи сейчасъ же началъ противъ него газетный походъ знаменитый журналистъ Морандъ, говорятъ, подкупленный французкимъ правительствомъ. Каліостро захотѣлъ отвѣчать тѣмъ же оружіемъ и помѣщалъ статьи, отвѣты, нападенія, письма и брошюры, гдѣ чувство достоинства замѣнялось подозрительнымъ краснорѣчіемъ, а полемика—бранью. Пробывъ меньше году въ Англіи, почти исключительно проведя это время въ борьбѣ съ Морандомъ, такъ что подъ-конецъ это перестало интересовать даже любителей скандаловъ, Каліостро снова переправился на материкъ. Пробывъ нѣкоторое время въ Базелѣ у Сарразеновъ, онъ направился черезъ Швейцарію въ Римъ, куда давно хотѣлось графинѣ. По пути Каліостро выбиралъ мѣста,

гдѣ у него оставались вѣрныя друзья вродѣ Сарразеновъ или ліонскаго г. С. Косторъ, или же небольшіе городки, гдѣ онъ лечилъ съ перемѣнчивымъ счастьемъ, дѣлалъ кое-какія не сохранившіяся предсказанія, да основывалъ ‚египетскія' ложи. Въ Эонъ встрѣтился съ Казановой, но оба великіе человѣка другъ другу не понравились. Въ швейцарскомъ городкѣ Освередо они остановились нѣсколько дольше. Это было въ сентябрѣ 1788 года. Дни стояли солнечные и ясные; изъ оконъ ихъ номера были видны снѣжныя горы, гдѣ вечеромъ и утромъ горитъ небесная ‚альпійская роза'.

Лоренца встала очень рано и открывши окно выставила голову въ свѣжій прозрачный воздухъ. Почти не было видно людей, какія-то старухи спѣшили въ капеллу, звонкій колоколъ которой напоминалъ пастушьи звонки; внизу на озерѣ ловили рыбу, и вода, и горы, и лодки—все было молочно-голубого цвѣта; кричали пѣтухи и куры спокойно, еще по-утреннему кудахтали; пахло парнымъ молокомъ и чуть-чуть сѣномъ. Изъ нѣкоторыхъ трубъ поднимался уже дымъ, голубой на голубомъ небѣ. Хорошо въ такое утро быть проѣздомъ въ мѣстности, въ которую никогда не вернешься.

Лоренца не замѣтила, какъ подошелъ къ ней Каліостро и положилъ руку ей на плечо.

— Ранняя птичка!

— Да. Я теперь и забыла, что значитъ рано вставать.

Оба помолчали, смотря на голубую радость за окномъ.

— Какая простая жизнь, какъ жизнь младенца! сказалъ задумчиво графъ и вздохнулъ.

— Тебѣ некогда и отдохнуть, Александръ! завтра всѣ узнаютъ, что ты пріѣхалъ, и поплетутся больные, калѣки, твои масоны и желающіе подачекъ. А ты усталъ, мой милый! я даже устала, а рѣдко женщины, особенно такія пустыя, какъ я, устаютъ отъ суеты.

— Мой отдыхъ—дѣлать добро.

Лоренца помолчавъ спросила:

— Александръ, ничего не случилось?
— Нѣтъ, что могло случиться.
— Я не знаю, я спрашиваю.
Помолчавъ, она снова спросила:
— Зачѣмъ около насъ этотъ С. Маурицiо. Онъ—гадъ.
Я не брезглива и плохо разбираюсь въ людяхъ, мнѣ не противны мошенники, я даже г-жу де-ла Моттъ могу находить милой, но этотъ Франческо, зачѣмъ онъ съ нами?
— Его же здѣсь нѣтъ.
— Да, онъ ждетъ насъ въ Римѣ, готовитъ тамъ квартиру. Римъ! это моя родина и потомъ городъ, который нельзя не любить. Но теперь мое чувство какъ-то дѣлится: мнѣ и радостно видѣть мѣсто, гдѣ я росла, гдѣ мы съ тобой встрѣтились, и вмѣстѣ съ тѣмъ, будто чье-то черное крыло все покрываетъ. Мнѣ кажется, это отъ С. Маурицiо. У тебя плохiе слуги! Вителлини, Сакки, но Франческо мрачнѣе всѣхъ.
— Ты пристрастна къ нему. Просто онъ тебѣ не нравится, вотъ и все. Онъ честный малый.
— Дай Богъ.
Солнце, вставая все выше, позолотило голубой утренній свѣтъ. Лоренца опять начала.
— У тебя, Александръ, мало друзей, и будетъ еще меньше. У тебя одинъ настоящiй другъ, это—я, но какой же я тебѣ другъ. Ты знаешь, я нашего брата, женщинъ, не очень-то высоко ставлю, а самое себя вижу хуже многихъ. Курица какая-то!
— Что ты сказала? разсмѣявшись, переспросилъ графъ.
— Курица? какiя у тебя мысли въ головѣ.
Онъ обнялъ еще разъ Лоренцу и постоялъ молча. Лоренца еще разъ сказала:
— А все-таки что-то измѣнилось, и я даже скажу, съ какихъ поръ.
— Съ какихъ же?
— Незадолго до нашего отъѣзда изъ Лондона.
Графъ поблѣднѣлъ и закрылъ окно, по ошибкѣ закрылъ и

ставни. Утро исчезло.

— Что ты хочешь сказать, Лоренца?

— Зачѣмъ ты закрылъ окно?

— Холодно.

— Въ тебѣ что-то исчезло.

— Лоренца!

— Что-то исчезло...

— Но что?

— Я сама не знаю.

— Не надо никогда этого говорить!

— Хорошо, я не буду, но это такъ.

— Это не такъ, глупая курица!

Каліостро началъ одѣваться, потомъ дѣйствительно попле-
97 лись больныя, калѣки и т. п. и онъ позабылъ объ этомъ разговорѣ, и лишь гораздо позднѣе, въ римской тюрьмѣ вспомнилъ о вызвавшихъ его досаду словахъ единственнаго и глупаго своего друга, Лоренцы.

7.

Франческо ди С. Маурицio, въ самомъ дѣлѣ отправившись раньше въ Римъ, снялъ тамъ на испанской площади помѣщеніе для Каліостро и убралъ его по своему усмотрѣнію. Особенно поражала своимъ устройствомъ пріемная зала: огромная комната была вымощена зеленымъ мраморомъ, по стѣнамъ висѣли чучела обезьянъ, рыбъ, крокодиловъ, по карнизу вились греческія, еврейскія и арабскія изреченія, стулья стояли полукругомъ, въ центрѣ треножникъ для графа, а посрединѣ зала стоялъ большой бюстъ Каліостро, сдѣланный съ оригинала Гудона. Тайныя занавѣски, потайные входы, скрытыя лѣстницы въ изобиліи разнообразили помѣщеніе. Графъ остался не очень

доволенъ, но ничего не сказалъ, тѣмъ болѣе, что Франческо увѣрялъ, что подобнымъ образомъ обставленная комната производитъ непобѣдимое впечатлѣніе на римскую публику, вкусы которой онъ будто бы отлично знаетъ. Лоренца просто боялась входить въ эту залу, особенно когда Каліостро возсѣдалъ на треножникѣ и давалъ отвѣты собравшимся.

Но все въ Римѣ измѣнилось за эти пятнадцать лѣтъ; почти никого изъ прежнихъ друзей и знакомыхъ не было и общество собиралось смѣшанное, легкомысленное и непостоянное, пожалуй еще болѣе жадное до диковинныхъ зрѣлищъ и опытовъ, нежели парижская публика, такъ что С. Маурицiо былъ отчасти правъ, устраивая для него такую балаганную обстановку. Каліостро не удалось въ Римѣ устроить собственную ложу, а отъ существующихъ онъ сторонился, такъ что даже почти не былъ ни на одномъ изъ братскихъ собраній. Можно было подумать, что онъ слѣдуетъ первому совѣту Франческо помириться съ Апостольскою церковью, но сдержанность графа объяснялась другими причинами. Не закрывая уже глаза на то, что силы его слабѣютъ, знаніе и вліяніе утрачиваются, опыты часто не удаются, онъ предпочиталъ дѣлать сеансы у себя, гдѣ система портьеръ, зеркалъ, выдуманная С. Маурицiо, много помогала въ томъ случаѣ, когда приходилось прибѣгать къ механической помощи, а странныя чучела и тексты отвлекали вниманіе. 98

Лоренца, единственный другъ, была какъ-то въ сторонѣ, проводя большую часть времени въ прогулкахъ по разнымъ частямъ Рима не только тамъ, гдѣ она выросла и гдѣ встрѣчалась съ графомъ, но и тамъ, гдѣ она никогда раньше не бывала. Словно она хотѣла насмотрѣться досыта ненаглядной и торжественной красотою унылаго и прекраснаго города. Графинѣ шелъ тридцать седьмой годъ, она пополнѣла и хромота ея стала менѣе замѣтна, а свѣжее безъ единой морщинки лицо дѣйствительно заставляло подозрѣвать, что Каліостро знаетъ секретъ молодости.

Лоренца зашла какъ-то въ церковь; это была маленькая приходская церковь, день былъ будній и молодой священникъ съ мальчикомъ служили тихую обѣдню для трехъ, четырехъ человѣкъ. Графиня удивилась, она кажется со дня своей свадьбы не была въ церкви. Она не растрогалась,—ей стало жаль себя и на кого-то обидно. Она опять вспомнила про Франческо.

Время шло, приближалось Рождество Христово. Однажды на праздникахъ Лоренца, сидя у окна, вдругъ услыхала дудки и волынку, то пифферари шли съ вертепомъ поздравлять христіанъ съ праздникомъ. Лоренца упросила графа позволить пригласить къ нимъ пифферари, сама вѣтромъ сбѣжала съ лѣстницы. Дулъ холодный вѣтеръ и казалось, скоро пойдетъ снѣгъ. Такая тишина на площади, мальчики везутъ свой картонный пестрый вертепъ.

Лоренца, накинувъ шубку на одно плечо, крикнула весело, какъ дѣвочка:

— Мальчики, зайдите къ намъ!

Маленькій сдѣлалъ было шагъ къ синьорѣ, но старшій взялъ его за руку и, посмотрѣвъ на домъ и Лоренцу, отвѣтилъ не снимая шапки:

— Намъ некогда!

— Почему некогда? пойдите, поиграйте. Вонъ, какая у тебя славная волынка.

Мальчикъ нахмурился.

— Мы къ еретикамъ и жидамъ не ходимъ. Вы проклятые. Для васъ Христосъ не родился.

Графиня осталась стоять на порогѣ, шубка на одно плечо, рукой опершись о косякъ, улыбаясь, будто замерзла. Потомъ тихо побрела по лѣстницѣ, когда ужъ маленькіе пифферари съ своимъ вертепомъ скрылись изъ виду. Придя домой, Лоренца бросилась на кровать и громко зарыдала. Каліостро, даже позабывшій про пифферари, спрашивалъ жену съ тревогою:

— Но что съ тобою, Лоренца? курочка, что съ тобою?

— Мы проклятые, для насъ Христосъ не родился, и даже дѣти, уличные мальчишки гнушаются нами.

Каліостро помолчавъ сказалъ ласково:

— Вѣдь ты знаешь, что это вздоръ. Охота вѣрить и придавать значеніе словамъ дѣтей.

Однако Римская курія разсуждала не лучше маленькихъ пифферари и 27 декабря арестовала графа и графиню Каліостро, какъ еретиковъ, колдуновъ, масоновъ и безбожниковъ.

Въ доносѣ, на основаніи котораго былъ произведенъ этотъ арестъ, было такъ охотно описано все странное убранство графскаго помѣщенія и такъ любовно поставлена каждая мелочь въ вину, что сдѣлать это могъ только человѣкъ и устроившій это убранство, т. е. Франческо ди Маурицio, который какъ разъ куда-то исчезъ. 100

Такъ какъ масоны думали, что арестъ графа повліяетъ на ихъ судьбу, то всѣ въ ту же ночь бѣжали: и Вивальди, и Танганелли, и художникъ Любель; маркиза Вивальди, та даже переодѣлась венгерскимъ гусаромъ для бѣгства. Никто не раздѣлилъ участи съ Каліостро, кромѣ несчастнаго пріятеля и спутника его на всю жизнь, бѣдной Лоренцы.

8.

Римская курія на все привыкла смотрѣть съ точки зрѣнія вѣчности, потому срокъ отъ 27 декабря 1789 до 20 апрѣля 1791 г. ей казался довольно короткимъ для того, чтобы вынести свой приговоръ надъ несчастнымъ заключеннымъ. Сначала графа заточили въ крѣпость Св. Ангела, потомъ перевели въ тюрьму С. Лео близъ Урбано. Рѣдко кто выходилъ къ милой жизни изъ этихъ мрачныхъ затворовъ. Развѣ только для того, чтобъ увидѣть въ послѣдній разъ золотое вѣчное

римское небо сквозь дымъ и искры еретическаго костра! Графиню убѣждали давать показанія противъ мужа, какъ противъ простого мошенника и шарлатана, увѣряя, что такимъ образомъ наказаніе будетъ легче; Каліостро оправдывался, дѣлая логическія и богословскія доказательства своей правоты и чистоты своего сердца. Соединяя все вмѣстѣ, получали смѣшную и чудовищную жизнь учителя, самозванца, цѣлителя, благодѣтеля человѣческаго рода и антихриста. Вспомнили всѣ лондонскія, парижскія, варшавскія, петербургскія, страсбургскія и ліонскія сплетни. Книги противъ Каліостро, компиляціи фантазій и клеветъ, появились во всѣхъ странахъ. Вольфгангъ Гете ѣздилъ по Италіи собирать матеріялы о первыхъ годахъ Каліостро. Даже Анна Шарлотта
101 бросила свой камень въ покинутаго и заблудившагося учителя. На допросахъ присутствовалъ папа Пій VII, что случалось не часто. Говорилъ ли графъ какъ философъ, его обвиняли въ масонствѣ, говорилъ ли какъ христіанинъ,—его обвиняли въ іезуитствѣ, а масоны и іезуиты были почти одинаково ненавистны святому отцу. Всѣ были напуганы великимъ шатаніемъ, которымъ уже раскачивалась грозно растерянная Франція. Искали и ненавидѣли виновниковъ сбиравшейся бури. Когда Каліостро провозили арестованнаго въ крѣпость Св. Ангела, римская толпа мрачно бросала каменья, крича ‚смерть французамъ‘. Графъ вспомнилъ свой выѣздъ изъ Бастиліи, тоже среди толпы, и заплакалъ. Что могли сдѣлать друзья, деньги, вліяніе? Каліостро былъ слишкомъ цѣннымъ и нужнымъ узникомъ для Ватикана. Оставалось одно: публично отречься отъ заблужденій, чтобы избавиться отъ позорной смерти.

Графъ и исполнилъ этотъ обрядъ. Босой, покрывъ голову чернымъ покрываломъ прошелъ онъ отъ крѣпости Св. Ангела до церкви Св. Маріи и тамъ предъ пастыремъ прочиталъ свое отреченье, между тѣмъ какъ на сосѣдней площади сжигали его рукописи, письма и бумаги.

Конечно, будь онъ прежнимъ Каліостро, трудно ли бы ему было сдѣлать, чтобы дождь залилъ костеръ, распались цѣпи, самъ учитель былъ перенесенъ въ Парижъ, Лондонъ, Варшаву, чтобы освободить Лоренцу. Лоренца была заключена въ монастырь. Тамъ тихо, на Рождество навѣрное приходятъ мальчики съ вертепомъ и играютъ на дудкахъ!..

Но теперь Каліостро былъ не тотъ. Онъ пробовалъ въ тюрьмѣ и напрягать волю и говорить заклинанья и кричать отъ желанья. Только стуки слышались въ сырой стѣнѣ, да проносились лиловатыя искры. Тогда онъ бросался на полъ и кусалъ палецъ, чтобы не выть отъ досады и боли. А то и кричалъ, требовалъ себѣ вина, просился гулять, бился головой объ стѣну.

Что же? онъ, какъ флаконъ, изъ котораго вылили духи: легкій запахъ остался, но онъ пустой, а съ виду такой же. Покинутый, воистину покинутый. А у него былъ путь, была миссія. Вѣдь не въ томъ смыслъ его жизни, чтобы дать примѣръ школьникамъ или исцѣлить нѣсколько тысячъ больныхъ. Но если бъ онъ даже умалился до разума дитяти, что бы было? Развѣ онъ можетъ теперь мыслить, какъ ребенокъ, развѣ напрасно даны были разумъ и сила и свободная (увы!) воля. Вмѣсто блестящей звѣзды взлетѣла ракета и теперь дымится, медленно угасая на землѣ.

Каліостро умеръ въ тюрьмѣ 26 августа 1795 года въ 3 часа утра и погребенъ на холмѣ безъ отпѣванія и креста. Лоренца умерла нѣсколько недѣль спустя, не выходя изъ монастырской ограды.

19 февраля 1797 года французскія войска заняли С. Лео, генералъ Добровскій спрашивалъ, здѣсь ли Каліостро. Ему сказали, что узникъ два года какъ умеръ. Тогда генералъ освободилъ остальныхъ плѣнниковъ, а крѣпость взорвалъ.

Извѣстно, что Бастилія тоже была разрушена 14 іюля: какой-нибудь мечтатель подумаетъ, что эти неодушевленныя сооруженія постигла кара за то, что они скрывали въ своихъ стѣ-

нахъ Каліостро, но не слѣдуетъ забывать, что много тюремъ, гдѣ сидѣлъ Бальзамо, стоятъ до сихъ поръ, а если развалились, то отъ ветхости, а также и того, что есть крѣпости, въ которыхъ никогда не было Каліостро, а онѣ между тѣмъ были взорваны. Впрочемъ, мечтателямъ законъ не писанъ.

В. РОЗАНОВЪ.

ИЗЪ КНИГИ, КОТОРАЯ НИКОГДА НЕ БУДЕТЪ ИЗДАНА.

*

Египтянки, провожая въ Серапеумъ новаго Аписа, заглядывали въ глаза юношамъ и напѣвали изъ Толстого:

Узнаемъ коней ретивыхъ
по такимъ-то ихъ таврамъ...
юношей влюбленныхъ
узнаемъ по ихъ глазамъ.

Тутъ встрѣтилъ ихъ пьяный Камбизъ:
— Изъ Толстого?! запрещено! Святѣйшимъ Синодомъ!
И пронзилъ Аписа.

*

Въ Мюнхенѣ я видѣлъ остатки - муміи Аписовъ. Такъ какъ ихъ бальзамировали какъ людей, какъ равныхъ себѣ и близкихъ. Увы, мертвые — они были отвратительны. Чудовищные бока и страшенные рога. Правда, и соображеніе: умершій, даже архіереи не стоитъ живого дьячка. И вотъ, когда Апись палъ, о немъ пѣли:
- Умеръ! онъ умеръ, нашъ возлюбленный!
Женщины разрывали на себѣ одежды и головы посыпали пепломъ.

*

Такъ и египтянки, вспоминая длинноkудраго Владиміра Соловьева, процитировали изъ него при выходѣ пьянаго Камбиза:

Нынѣ такъ же, kакъ и древле
Адониса погребаемъ...
тяжkій стонъ стоитъ вѣ пустынѣ:
жены скорбныя—рыдаемъ...

Дьяконъ подтягиваетъ:
— И нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ . . . . . .
. . . . . .

* * *

— Ѣдемъ на тройkѣ kататься!!
И всѣ оживляются. Всѣмъ веселѣе.
Ей-ей: на эту минуту—всѣ добродѣтельнѣе: не завидуютъ, не унываютъ, не подkапываются другъ противъ друга.
‚Маленьkій kабачекъ'—не только отдыхъ тѣла, но—и очищеніе души. И недаромъ saturnalia завелись даже въ пуристическомъ Римѣ, гдѣ были все Катоны.
Ты насъ Катономъ не подчуй, а дай Петра Петровича Пѣтуха съ его ухой.
Вотъ русская идея; часть ея . . . . . .
. . . . . .

* * *

Какъ задавили эти негодяи Страхова, Данилевскаго, Рогинскаго... задавили все скромное и тихое на Руси, все вдумчивое на Руси.

Было какъ въ Египтѣ — ‚пришествіе гиксосовъ'. Чортъ ихъ знаетъ, откуда-то ‚гиксосы' взялись, ‚народъ пастырей', пастухи. Историки не знаютъ, откуда и кто такіе. Вѣрно какіе-нибудь кочующіе номады изъ Туркестана или съ Ирана. Они пришли и разрушили вполнѣ уже сложившуюся египетскую цивилизацію, существовавшую въ дельтѣ Нила двѣ тысячи лѣтъ; разрушили до тла, съ религіей, сословіями, благоустройствомъ, законами, фараонами. Потомъ, черезъ полтора вѣка ихъ прогнали. И начала изъ разоренія она возстановляться; съ трудомъ, медленно, но возстановилась.

109

‚60-ые годы у насъ'—такое нашествіе номадовъ.

‚Откуда-то взялись и все разрушили'. Въ сущности, разрушили вѣру, церковь, государство (въ идеяхъ), мораль, семью, сословія.

*

Кто силенъ, тотъ и насилуетъ. Но женщины ни къ чему такъ не влекутся, какъ къ силѣ. Вотъ почему именно женщины понесли на плечахъ своихъ Писарева, Шелгунова, Чернышевскаго, ‚Современникъ'.

Наша исторія за пятьдесятъ лѣтъ — это ‚исторія изнасилованья Россіи нигилистами'. И тутъ свою огромную роль сыгралъ какъ разъ ‚слабый полъ'. Въ ‚первой любви' Тургенева влюбленный въ дѣвушку мальчикъ видѣлъ, какъ отецъ его, грубый помѣщикъ, верхомъ на лошади, ударяетъ хлыстомъ дѣвушку, которую любитъ этотъ мальчикъ, но ему соперни-

комъ-побѣдителемъ оказался отецъ. Мальчикъ заплакалъ, закипѣлъ негодованіемъ. Но дѣвушка робко пошла за ударившимъ ее.

Вотъ исторія ‚неудачъ' Достоевскаго, А. Григорьева, Страхова, всѣхъ этихъ ‚слабыхъ сердецъ', этихъ ‚бѣдныхъ людей'.

— Толпа похожа на женщину: она не понимаетъ любви къ себѣ (Страховъ, Григорьевъ, Достоевскій).

Она проситъ хлыста и расправы.

— ‚фу, какая ты баба', хочется сказать человѣчеству.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

ПОКЛОНЕНІЕ.

(Изъ Рэмбо).

Моей сестрѣ Луизѣ Ванаенъ де Воринземъ:—Ея голубой чепецъ, повернутый къ Сѣверному морю.—За утонувшихъ.
Моей сестрѣ Леоніи Обуа д'Асби. Бау—лѣтняя трава, гудящая и вонючая.—За лихорадку матерей и дѣтей.

Лулу,—демону, который сохранилъ вкусъ къ ораторіямъ времени Друзей и своего неоконченнаго воспитанія. За людей! — — Госпожѣ ***
Подростку, которымъ я былъ. Этому святому старцу, скитъ и миссія.

Духу бѣдныхъ. И очень высокому духовенству.

Также всякому культу въ такомъ мѣстѣ памятнаго культа и среди такихъ обстоятельствъ, что надо предать себя, слѣдуя внушеніямъ момента или даже нашему собственному серьезному пороку.

Въ этотъ вечеръ, въ Сирсето высокихъ льдовъ, жирной, какъ рыба, и разрумяненной, какъ десять мѣсяцевъ красной ночи—(его сердце янтарь и яписъ), — за мою единственную молитву, нѣмую, какъ области ночи, и предшествующую мужествамъ, болѣе жестокимъ, чѣмъ полярный хаосъ.

Во что бы то ни стало и какъ бы то ни было, даже въ метафизическія путешествія.—Но уже не ‚тогда'.

ПОКУПЕНИЕ.

(Из Рамро).

В. МАЯКОВСКІЙ.

Нѣт
Это не правда!
Нѣт!
И ты?
Любимая
за что
за что же!
Хорошо
я ходил
я дарил цвѣты
я ж изъ ящиков не выкрал серебряных ложек

Бѣлый
сшатался с пятаго этажа
Вѣтер щеки ожег
Улица клубилась визжа и ржа
Похотливо взлазил на рожок рожок

вознес над суетой столичной одури
строгое
древних икон
чело

На тѣлѣ твоем как на смертномъ одрѣ
сердце
дни
кончило

В грубом убійствѣ не пачкала рук ты
Ты
уронила только
‚постель как постель
он
Фрукты
Вино на ладони ночного столика‘

Любовь
только в моем
воспаленномъ мозгу
была ты

Глупой комедіи остановите ход

Смотрите
срываю игрушки латы
я
величайшій Дон Кихот

Помните

секунду
усталый стал
Толпа орала
‚марала
ма-ра-ла
маа-раа-лаа!‘

Правильно

Каждаго
кто
об отдыхѣ взмолится
оплюй в его весеннем днѣ
Арміи подвижников обреченным добровольцам
пощады нѣт

Довольно

Теперь
клянусь моей звѣриной силой
дайте любую
красивую
юную
души не растрачу
изнасилую
и в сердце насмѣшку плюну ей

Око за око!

Сѣвы мести въ тысячу крат жни
В каждое ухо ввой
,вся земля
каторжник
с наполовину выбритой солнцем головой!

Убьете
Похороните
Выроюсь
Об землю обточатся зубов ножи еще
Собакой забьюсь
Буду
бѣшенный!
вгрызаться в ножища
пахнущія потом и базаром

Ночью вскочите
Я
звал
Бѣлым быком возрос
Му у у у у у у
В ярмо замучена шея язва
над нею смерчи мух

Лосем обернусь
В провода
впутаю голову вѣтвистую
С налитыми кровью глазами
Да
Затравленным звѣрем над міром выстою

Не уйти человѣку
Молитва у рта
Лег на плиты просящ и грязен он

Солнце
лучей не кинь
Изсохните рѣки
жажду утолить не дав ему
Чтоб тысячами рождались мои ученики
трубить с площадей анаѳему

И когда
на вѣков верхи став
послѣдній выйдет день им

зажгусь кровавым видѣніем

Свѣтает

Все шире разверзается неба рот
Ночь
пьет за глотком глоток он
От окон зарево
От окон жар течет
От окон жидкое солнце льется на спящій город

Святая месть моя
опять над уличной пылью
ступенями строк ввысь поведи
До края полное сердце
вылью
в исповѣди

121

Грядущіе люди!
Кто вы?
Вотъ я
весь
боль и ушиб
Вам завѣщаю сад фруктовый
моей великой души

Ночью вскочите
Я
звал
Бѣлым быком возрос
Му у у у у у у
В ярмо замучен
над нею смерчи мух

Лосем обернусь
В провода
внутаю голову вѣтвистую
С налитыми кровью глазами
Да
Затравленным звѣрем над міром выстою

Не увіли человѣку
Молитва у рта
Лег на плаха просвщ и грязец он

Солнце
кучей не кинь
Изсохните рѣки
жажду утолить не дав ему
Чтоб тысячами рождались мои ученики
трубить с площадей анаѳему

И когда
на вѣков верхи став
послѣдній вайдет день им

зажгусь кровавым видѣнием

Сѣятель

Н. ЕВРЕИНОВЪ.

УТОНЧЕННЫЙ ‚ГРАН-ГИНЬОЛЬ‘.

Есть масса ‚вещей', въ которыхъ намъ до ужаса совѣстно, до ужаса страшно самимъ себѣ признаться.

125 Одно представленіе, что кто-то объ этомъ узнаетъ, коснется этого своею чуждостью да еще (скорѣе смерть!) начнетъ объ этомъ ‚распространяться' и (ледяной холодъ при одной мысли!) станетъ критиковать, обсуждать, порицать, стыдить или поощрять, злодѣйски издѣваясь, о... Тысяча замковъ на дверь моей спальни, чтобы во снѣ, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, какъ-нибудь, все-таки, тѣмъ не менѣе, я не проговорился, а другой (да будь онъ проклятъ!) не подслушалъ!...

Вотъ какія бываютъ ‚вещи' на свѣтѣ!

Ужъ такія интимныя ‚вещи', что мать родная не узнаетъ, духовнику побоюсь признаться, бочку вина выпью—и то себя не выдамъ.

Словомъ, ‚тайна сія умретъ вмѣстѣ со мною', и вы во вѣки вѣковъ о ней не догадаетесь!

Да что вы!... — мнѣ самому ‚сія тайна' не вполнѣ извѣстна, такъ какъ думать о ней мучительно стыдно, до-смерти унизительно, и я и разговаривать-то о ней съ собой не дерзаю!

И однако...

Когда эдакъ зазнобитъ слегка или не спится ночью, весь день нервы до сто разъ перечеркнутаго ‚до' натягивались, во рту сухо, руки холодныя, и хочется, маніакально хочется чего-нибудь такого, чтобы потрясло до обморока, до истерики, до я

не знаю чего, лишь бы наступила реакція, полнѣйшій рамолисментъ, необорный сонъ, а на завтра вкусъ манной кашки во рту.

Да-съ. И вотъ въ такіе-то моменты хорошо продѣлать слѣдующее: взять и загримироваться какимъ-то ‚неизвѣстнымъ господиномъ‘ подозрительной наружности. Эдакъ ‚психологически‘ загримироваться, я хочу сказать: въ максимальной корреспонденціи съ вашимъ нервнымъ тонусомъ. Ну и одѣться соотвѣтственно. Недурно использовать дымчатое пенснэ или очки, чтобы и такъ ужъ загримированные глаза еще чуждѣе казались. (Конечно на такой случай нужно имѣть все заготовленнымъ въ пожарной аккуратности, чтобы моментально явилось подъ рукой; начнешь валандаться,—все дѣло на смарку). Свѣтъ передъ зеркаломъ установите такъ, чтобъ, освѣщая онъ не давалъ явственно разглядѣть гримировку. Словомъ, пришелъ какой-то ‚неизвѣстный господинъ‘, который, чортъ его знаетъ какимъ путемъ, все про васъ вывѣдалъ, влѣзъ въ домъ, усѣлся передъ вами, поправилъ пенснэ рукой въ перчаткѣ и начинаетъ свои обличенія, подхихикиванья, обѣщанья непремѣнно разсказать объ этомъ вашимъ знакомымъ, врагамъ, женщинѣ, передъ которой вы хотите гарцовать на бѣломъ конѣ безъ пятнышка и т. д. 126

Онъ даже собирается кой-кому написать анонимное письмо, гдѣ это, вотъ это самое, ваше ‚табу‘, ваше ‚святая святыхъ‘, будетъ дважды подчеркнуто и разъяснено во всей подробности, во всей своей сверхъ-интимности.

Онъ разсказываетъ вамъ проектъ этого миленькаго письмеца, нагло фантазируя о томъ, какое впечатлѣніе оно произведетъ на такую-то; начинаетъ касаться, во всѣхъ подробностяхъ, этой такой-то; какъ она, лежа въ постелькѣ-съ въ эдакомъ ‚безбѣльѣ-съ‘, и прочее, получивъ письмо, въ которомъ всѣми буквами, четкимъ почеркомъ, даже дважды подчеркнутое, раскрывается... раскрывается...

О, конечно вы быстро отворачиваетесь отъ мерзкой хари этого кошмара, нагрянувшаго къ вамъ съ визитомъ въ неуказанное время! Вы затыкаете уши, вы грозите его размозжить, вы вынимаете изъ кармана револьверъ, вы... Нѣтъ это не вы, это онъ цѣлится въ васъ, онъ овладѣлъ позиціей, онъ здѣсь хозяинъ!...

И снова текутъ безобразныя рѣчи, одна другой кощунственнѣй, одна другой гаже, подлѣе, неслыханнѣй.

Онъ произноситъ запретное, какъ произносятъ слово ‚стулъ', столъ', ‚чай', онъ повторяетъ подрядъ вашу тайну, даже только начальный звукъ этой тайны, десять разъ, двадцать, сорокъ, пятьдесятъ,—сколько ему угодно... Онъ говоритъ объ эффектѣ, какой произвело бы его ‚раскрытіе' въ кругу вашихъ милыхъ
127 знакомыхъ, гдѣ-нибудь на балу, на обѣдѣ, въ театрѣ напримѣръ, во время антракта, когда все смолкло передъ поднятіемъ занавѣса. ‚А вы знаете, господа, что такой-то, когда остается одинъ, имѣетъ привычку'...

Брр... Тутъ вы, нѣтъ онъ, т. е. вы, хоть и... ну словомъ кто-то изъ васъ тушитъ свѣтъ и спектакль кончается.

Нѣтъ, вы только представьте себѣ самый что ни на есть невиннѣйшій примѣръ, жалкій-прежалкій примѣръ, который и въ сотой долѣ не можетъ сравняться съ конфузомъ отъ разоблаченья вашей собственной тайны—представьте себѣ, что вы барышня, что у васъ руки потѣютъ, но что объ этомъ никто, никто въ мірѣ никогда не узнаетъ, такъ какъ вы ихъ пудрите какимъ-то ‚судориномъ', моете въ уксусной водѣ и т. д. И вдругъ въ театрѣ, гдѣ цѣлый хвостъ вашихъ поклонниковъ и цѣлый рой вашихъ завистницъ, кто-то нагло, спокойно, очень серьезно, громко и отчетливо произноситъ: ‚господа, такая-то скрываетъ, что у нея руки вѣчно потныя, она воображаетъ, что ужъ такая неземная, а на самомъ дѣлѣ въ нижнемъ ящикѣ ея комода, сзади, тамъ же, гдѣ положены прошлогоднія бальныя туфли, находится жестянка, а на жестянкѣ надпись ‚судоринъ'. Это отъ пота, господа! Она смѣло можетъ реко-

мендовать вамъ это средство, такъ какъ у нея, даю вамъ честное слово, руки потѣютъ. А вотъ пускай она вамъ дастъ честное слово, что это неправда!...

Повторяю, это невиннѣйшій примѣръ; такъ сказать тѣнь тѣни той дѣйствительности, какую властенъ обѣщать вамъ вашъ наглый ‚незнакомецъ'.

Вы и не помыслите о разспросахъ, зачѣмъ же ему это нужно, какая ему отъ этого польза, что вы ему сдѣлали такого, чтобы... Вѣдь людямъ доставляетъ такое колоссальное удовольствіе дѣлать гадости другому, и... (здѣсь зарыта собака) когда, когда нѣтъ храбрости, нѣтъ возможности сдѣлать гадости другому, ну хотя бы себѣ, самому себѣ сдѣлать гадость, даже и не сдѣлать пожалуй (уступаю), а помечтать объ этомъ, раззадорить себя на мечтѣ, съинсценировать эту гадость мысленно, обратить ее силой воли къ театру въ такую видимость дѣйствительности, что небу тошно станетъ. 128

Конечно, для простого, здороваго, свински здороваго человѣка, эдакаго спортсмена съ мѣднымъ лбомъ, все это чепуха невозможнѣйшая, немыслимая, недосягаемая. Знаю и не прекословлю. Разумѣется, такой ‚театрикъ' не для краснощекихъ футболистовъ, спящихъ сномъ животной невинности. Это, какъ я (извиняюсь) назвалъ, утонченный ‚Гран-Гиньоль'! у-тончен-ный, слѣдовательно приверженцамъ системы доктора Миллера онъ пристало какъ къ коровѣ сѣдло. Желаю и впредь имъ здравствовать, дарить насъ здоровымъ потомствомъ, устраивать эдакія образцовыя санаторіи на началахъ послѣдняго слова гигіены и т. п. Самъ, если въ конецъ ‚сдрейфлю', на колѣнкахъ приползу къ нимъ лѣчиться и во всей своей чепухѣ денно и нощно каяться буду. А пока (хе, хе!) да здравствуетъ мой Гран-Гиньоль во всей своей преутонченности. Въ болѣзни родился я, въ болѣзни живу, въ болѣзни и скончаюсь. А вы... будьте здоровы, господа, будьте здоровы, отъ души желаю вамъ, честное слово! Ужъ вы простите за чепуху, не осудите больного!

В. ХЛѢБНИКОВЪ.

То истина: не всѣхъ пригожихъ
Плѣняетъ шелковая тряпка.
‚Мнѣ холодно‘, надвинувъ кожухъ,
Сказала дѣва зябко.
Сквознякъ и вѣтеръ, вотъ причина!
Тепла широкая овчина
И блещетъ бѣлое плечо
Умно, уютно, горячо.
У стрекозъ возьму я шалость.
Онѣ смотрятся въ пруды.
Унесу твою усталость,
Искуплю твои труды.
Я до боли въ селезенкѣ.
Стану бѣшено скакать,
Чтобы мрачныя глазенки
Научилися блистать.
Но что тамъ? женщина какая-то
Ушами красная платка...
‚Ахти, родимый, маета,
Избушка далека.
На, блинчики съ сметаной,
Все до верху лукошко.
Съ тобою краля панна?
Устала я немножко...

Ты гдѣ ходилъ? въ лѣсу, не далѣ?
А наши тя видали
Ты бѣсомъ малымъ съ ней юлилъ,
Ей угодитъ все норовилъ.
Ужо отвѣдай коровай!
Прощайте! прощевай!
Да вотъ, чтобъ сонъ вашъ не былъ плохъ,
Али принестъ лишай и мохъ?
Вѣдь все здѣсь камни и пески
Они, ихъ шутъ возьми, жестки.
Пусть милость неба знаетъ тя!'
Она ушла, вздохнувъ, кряхтя.
Торчали уши.
Ея платокъ горѣлъ какъ макъ
Шаги все дѣлалися глуше.
Ее сокрылъ широкій мракъ.
Какъ очаровательны веснушки!
Онѣ идутъ твоей старушкѣ.
Невзгодъ и радостей пастушкѣ.
Другъ друга мы плечомъ касались.
Когда отъ ливня рѣкъ спасались,
Полунаги и босикомъ...
Прогулку помнишь ты вдвоемъ,
Съ однимъ грибомъ дождевикомъ?
Но онъ насъ плохо защищалъ
И кто-то на небѣ трещалъ.
Вкругъ насъ собрался водоемъ.
Поля отъ зноя освѣжались.
Другъ къ другу мы тогда прижались.
Пострѣлы, молвилъ пастушонокъ,
И сталъ близъ насъ угрюмъ и тонокъ.
За нимъ пришла его овчарка.
Намъ было радостно, и жарко.
Съ тѣхъ поръ прошло ужъ много дней,

А ты не сдѣлался роднѣй'.
Она сидитъ главою низкая,
Цвѣтокъ полей руками тиская.
,И черепъ все облагородитъ
Все, все минуетъ и проходитъ.
Не стану я, умрешь и ты.
Смѣшливы соннаго черты.
Спи, голубчикъ, соловѣй,
Если звонокъ соловей.
Ты знаешь, кто я?
Я ,не тронь меня'.
Близъ костра печально стоя,
Боюсь грубаго огня.

Упади, слеза нескромница:
Мотылькамъ про солнце помнится'.
Мечта и грусть въ глубокихъ взорахъ.
Подъ нею былъ соломы ворохъ.
И съ восхитительной замашкой
Ты шила синюю рубашку.

В. РОЗАНОВЪ.

ИЗЪ ПОСЛѢДНИХЪ СТРАНИЦЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ КРИТИКИ.

Встрѣтивъ выраженіе ‚сладенькій‘ въ статьѣ объ Айхенвальдѣ.

137 . . . кромѣ ‚сладенькаго‘ нужно отмѣтить и то, что онъ—холодный. Посмотрите, какъ онъ поступилъ съ Бѣлинскимъ. Онъ не напалъ на него горячо, какъ критикъ на критика, какъ напалъ бы ‚нашъ братъ‘ Скабичевскій или Рогъ-Рогачевскій (сей ‚браніи‘ много), не сказалъ о немъ немногихъ страстно-ненавидящихъ или страстно-презрительныхъ словъ (Достоевскій и кн. П. Вяземскій), а ограничился очень коротенькою статьею, страницъ въ 6, посвящая другимъ писателямъ и полуписателямъ по двадцати страницъ... Онъ сжалъ ее до minimum'a, но наполнивъ всю ее строками чрезвычайно вѣскими, чрезвычайно значительными, мѣткими, вѣрными (кажущимися вѣрными), убійственными. Это article Вольтера: такъ же кратко, изящно и сильно. Такъ же холодно и отвратительно. Онъ даетъ, размѣренно и считая, пощечины: и такъ-какъ это на шести страницахъ—на цѣлыхъ шести!!—то нужно представить, что вынесъ Бѣлинскій на этомъ поистинѣ адскомъ ‚сквозь строй‘. И такъ изящно началъ: ‚Бѣлинскій собственно говоря — миѳъ. Изъ его хвалителей никто его не читалъ (а вотъ я — прочелъ: но, нужно думать, вполнѣ прочитали и Венгеровъ и Овсянико-Ковалевскій и Рогъ-Рогачевскій съ Ивановымъ-Разумникомъ), и—‚разъ‘, ‚разъ‘ ‚разъ‘... (Къ читателямъ):—‚Вы видите, ничего не осталось‘ и ‚Бѣлинскаго

дѣйствительно нѣтъ и никогда не было'... ‚Бѣлинскаго выдумала наша критика'.

Понятно, почему взбѣленились наши ‚чурки': Сакулинъ и сонмы другихъ.

‚Бѣлинскаго никогда не было. Его выдумали'...

. . . . . .

Первымъ ‚пришелъ' Флексеръ *) и его ввела симпатичная еврейская дѣвушка, Любовь Гуревичъ, ‚совсѣмъ русская', мягкая, добрая, не умная. ‚Совсѣмъ—мы'. Но Богъ (какъ и русскихъ дѣвушекъ) наградилъ ее любящимъ сердцемъ, и она, основавъ ‚Сѣверный Вѣстникъ', вела за-руку Флексера.

Флексеръ уже совсѣмъ не то, что Любовь Гуревичъ. Та—‚вся русская' этотъ—‚только еврей' по существу и формѣ.

Бритый, сухой, дѣятельный, производительный. 138

‚Сколько часовъ сдѣлалъ?'—я всѣ часы сдѣлалъ'.

Ничего не подѣлаешь: ‚часы только отъ Флексера'.

Онъ копался, работалъ. Ушелъ въ рудники. Русскіе не любятъ лазить подъ землю, они существенно диллетанты. И вотъ ‚изъ рудниковъ' онъ вынесъ на видъ, на солнце всю нашу погребенную въ библіотекахъ журналистику и, ‚показывая то одинъ халатъ', ‚то другой халатъ', произносилъ:

— Это-же халатъ дырявый. И изъ скверной матеріи. У насъ въ Варшавѣ шьютъ лучше.

— Это не годно.

— То глупо.

— Бѣлинскій не изучалъ Канта.

— Добролюбовъ даже не зналъ основательно соціализма.

— Это невѣжество, грубость и притомъ отсутствіе всякой логики. Мозговыя линіи самыя слабыя.

Хорошо, что случился Михайловскій и началъ его ляпать по щекамъ. Флексеръ свалился. Но за Флексеромъ и, какъ будто не имѣя съ нимъ ничего общаго, пришелъ Гершензонъ. Съ этимъ уже и Михайловскій не справился бы.

*) А. Л. Волынскій.

Что сдѣлаешь? ‚Вѣритъ въ Бога', даже ‚по-православному'. Пишетъ какъ Александръ Стаховичъ мемуары. ‚Деревней пахнетъ'. Яицъ ни у кого не таскаетъ какъ Горнфельдъ-прасолъ (‚по-мелочамъ'). Онъ патріотъ. Защитникъ отечества. Почти полицію любитъ. ‚Совсѣмъ русскій'. ‚Лучше русскаго'. А въ сущности въ немъ сто евреевъ и всѣ точно въ чулкахъ, башмакахъ (бабье начало) и съ пейсами.

Ничего не подѣлаешь. Перетончилъ всѣхъ, ибо прямо влѣзъ въ миску со щами и высовывается изъ нея весь облѣпленный листьями капусты (щи конечно ‚лѣнивыя').

Русскіе люди смотрятъ. Пугаются. Гершензонъ читаетъ ‚Отче нашъ'.

— Господи. Онъ совсѣмъ русскій.

Гершензонъ покрылся бѣлой простыней и читаетъ ‚Отче нашъ'.

— Съ нами крестная сила.

— Вотъ вамъ и крестная сила.

И наконецъ этотъ Айхенвальдъ.

Красота. Донъ-Жуанъ. Курсистки съ ума сходятъ. Правда, онъ уродъ по лицу, но вѣдь ‚не въ лицѣ дѣло' (бабья присказка). Пишетъ какъ самъ Пушкинъ. Правда—холодно, но вѣдь кто это разберетъ. По формѣ совсѣмъ какъ Пушкинъ, и ему совсѣмъ не опасны всѣ эти Сакулины, Игнатовы, Жебелевы Овсянико-Куликовскіе. ‚Далъ же ему Iегова перо въ руки'. Перо въ литературѣ рѣшаетъ все, — какъ копье въ войнѣ. Что же онъ пишетъ?

Силуэты'.

Уже критика прошла. ‚Не нужно'. Пусть надъ ‚критикою' трудятся эти ослы Скабичевскіе... Мы будемъ писать теперь ‚силуэты', т. е. ‚такъ вообще', портреты писателей, ‚характеристики', причемъ читатель, нашъ глуповатый русскій читатель, будетъ все время восхищаться характеризующимъ, а конечно не тѣмъ, кого онъ характеризуетъ. И черезъ это самый предметъ, т. е. русская литература, почти исчезнетъ,

испарится, а передъ читателемъ будетъ только Айхенвальдъ и его ‚силуэты‘.

Вы посмотрѣли направо—и видите Айхенвальда. Посмотрѣли налѣво въ зеркало и видите тоже Айхенвальда. Впрямь, вглубину, 3/4, назадъ, гдѣ угодно – все зеркала, въ нихъ одинъ Айхенвальдъ.

—Ну и ловокъ же! какъ это онъ устроилъ. Нѣтъ больше русской литературы, а только вездѣ Айхенвальдъ.

Но что дѣлать... Такъ вѣдь и сказано: ‚и о сѣмени твоемъ благословятся всѣ народы‘.

Теперь, если принять во вниманіе, что около этихъ трехъ трудится со своимъ безтолковымъ ‚словаремъ‘ Венгеровъ, совмѣщая въ немъ ‚критику‘, ‚библіографію‘ и ‚всѣ вообще книги‘ что въ каждомъ почти журналѣ труженичаютъ два Горнфельда и два Кранихфельда, да еще подаютъ вездѣ ‚анкеты отъ себя‘ Оль д‘оръ и В. Азовъ, и шипитъ ‚дѣлая дѣло‘, ‚Шиповникъ‘, издаваемый Коппельманомъ,—то русская литература окажется въ довольно печальномъ положеніи. 140

Есть ‚бывшіе люди‘ — терминъ популярный и вразумительный но придется говорить и поговаривать о ‚бывшей русской литературѣ‘.

АЛЕКСАНДРЪ БѢЛЕНСОНЪ.

АВТОПОРТРЕТЪ.

Религіозный организмъ
и вѣрующая ключица,
143 а духъ презрителенъ и низменъ,
а сердце яростно стучится.

Безъ убѣжденій, безъ отчизнъ-
обременительныхъ котурнъ,
проектъ лица безукоризненъ
и глазъ осмысленно прищуренъ.

1113

2р.50

Типографія А. Н. ЛАВРОВЪ и Ко, улица Гоголя, № 9.
ОТДѢЛЕНІЕ: Невскій 8 (бывш. Меркушева).

~~174 V~~

RK - 56/26